

№ 31-32`

Январь 2004 Г.

УХТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ

Валерий Жуков

ДИАГНОСТИКА ЖИЗНИ

(рассказы)

КОНКУРС ФАНТАСТИКИ “СТОУН”

(Смотри “ПОЛОЖЕНИЕ об Открытом конкурсе по Республике Коми на лучшее произведение в жанре научной фантастики” в журнале “Ухта литературная” № 20)

К сожалению, конкурс не получил того эффекта, резонанса, огласки, которых от него ждали редколлегия журнала “Ухта литературная” и спонсор Фирма “Стоун” (Директор **Ачилова Т.И.**)

На всю Республику не нашлось фантастов, когда у самой фантастики преклонный возраст за 200 лет. То ли фантастика в загоне... То ли это результат соцреализма... То ли... Скорее, в общем, как бы, бедной была почва и, в результате, не оказалось преемственности поколений – 20-й век равнодушно отнесся к жанру фантастики и не вырастил на земле Коми ни одного стоящего писателя, не говоря уже о плеяде.

Республиканские СМИ (кроме газеты “Ухта”) пожалели на своих площадях места для объявлений о конкурсе, Союз Писателей Коми отнесся прохладно к этому мероприятию, хотя **спонсор** гарантировал проведение конкурса материально и организационно.

Таково время! Таковы нравы! Таковы мы!

Но всё же... Участвовало 2 автора. Прислано было 7 произведений.

И члены жюри посчитали, что всё это мелочи, на которых не следует акцентироваться, и решили, что несмотря ни на что конкурс состоялся.

Итак, по всем номинациям победителем признан **Мильков А.Л.**, получивший приз статуэтку с фигурой пришельца из далеких миров.

Редколлегия журнала
“Ухта литературная”

Фирма “Стоун”
Директор **Ачилова Т.И.**

Валерий ЖУКОВ

ДИАГНОСТИКА ЖИЗНИ

С возрастом пора и смириться. Да-да, не доказать, не изменить, не переделать. Иной раз, устав от борения в непростых буднях, соглашаюсь успокоиться. Но многое вокруг все-таки терзает, тревожа память и совесть.

“Никто не забыт, ничто не забыто” – это так и не так. Красивый девиз прежней власти остался мучительной смесью лозунговой правды и реальной кривды до сих пор. Мы уже иные, но убеждаюсь неоднократно: никакая война не отпускает...

.....

СВАДЬБА С ПРИДАНЫМ В У.Е.

Отчего у нас хитрым хочется зачастую заниматься делом, не приносящим пользу Отечеству?

Н.В.Гоголь

Сочетание браком своего сына с дочерью управляющего банком “Доверие” Галкин предложил отметить в “Чибью”. И настоял: в ресторане только евроремонт сделали, кухня солидная и VIP-сервис налажен. Так что, прилично все, по нью-статусу.

Родитель невесты неожиданно улетел срочно улаживать финперспективы где-то в Скандинавском треугольнике, и замдиректора ГУП “Ухтатрансавиатехбаза” хлопотал, проявляя себя. Галкин знал, кого и с каким значением приглашать, где посадить и кого рядышком или подальше, о чем говорить и на сколько. Верилось: скоро, уже скоро и он обзаведется собственным офисом. Пусть гости и поглазят на завтрашнего Генерального. Пригодится!

Вопрос переторговли просчитан. Супруга-плановичка трижды перепроверила, подкорректировала. Пакет документов о банкротстве предприятия и продаже выгоды согласован, нужные подписи есть. Хана-а дурацкому ГУПу, финиш осточертевшей нескончаемости инженерства! Ура-а новехонькой фирме! Наконец-то выберется Эдуард Петрович из дыры в большое кресло, и начнется личное плавание...

– Кстати, Евгения Юрьевича надо не упустить, – напомнил себе о приехавшем профессоре. О нем тихонько поговаривали в верхах. Мастер-ювелир, мол, по продажам. За тысячи километров умудряется пропускать через пятые руки крупные заводы, мощные комбинаты по лесу-бумаге-целлюлозе. Особо умеет выжимать “зелень” миноритарными пакетами на аукционах. Срабатывала у Старпнева технология безукоризненно и прибыльно. Не новичок в организации транспорта, Галкин понял после перехода плановой экономики в условия то ли войны, то ли таковского рынка, что и его звездный час пробил. Надо влезть! Чего только не используют, чтобы состыковать стратегию бизнес-планов и тактику ближних боевых контактов. С законами, с налоговиками и судами, со всякими ОМОНами, РУБОПами, ОБЭПами. А сколько налетает гастролеров? У всех корочки от та-а-аких высот, что поневоле станок последний с ЧПУ за четвертушку у.е. отдашь...

Осторожничал Галкин лишь с прессой. Не всегда, но с журналистами получалось попроще, чем с залетными ворочалками. Те заказ сверху вырвут и свое не упустят, а писака – что? Статейку-колючку нацарапает за гонорарчик и счастлив. С их нищетой газете можно оплатить и скандал вовремя, и тень на плетень, и, разумеется, полезное молчание. Не все корреспонденты сговорчивы, факт, но кто ищет – найдет. В общем, избежать шума в СМИ – полдела, считай, освоено. Вот пусть Старпнев поделится знаниями-умениями! Если он знаток наших технологий выгодного использования ситуаций, слабых мест судебной системы, российского базара утром и к вечеру, да плюс кое-что поднатаскал с запада, – вот изучим передовой опыт и внедрим...

– Усадим-ка штабиста экономразвития между Таней нашей и папкой, – Галкин довольно нажал кнопку обнуления на

калькуляторе. – Жене поучительно. А старый услышит по-отцовски нужное!

Улыбаясь ласково, теща восприняла отчет Галкина о затратах на счастливый старт молодых без претензий. Снисходительно щелкнула замочком парижской барсетки. Дополнительная пачка “баксов” приблизила родственность второй очереди.

– Детям, все им! Нам уже хватит! – подытожила она, погладив по щеке зятя. – Согласитесь, Птичкин, а?

Галкин согласно засиял. Его давно не ценили так. И зря. Прожиточный минимум подготовлен молодоженам с учетом вроде бы всего. Даже прогнозной инфляции. Пятикомнатка – третий этаж в элитном подъезде – с полным интерьером, супермузцентр и видеотройка с комплектом кассет, компьютер PENTIUM IV с оплаченным I-NET, тарелка спутникового TV, пара мобильных, дачка с бассейном, спаренный гараж. Ну, горничные и повар с рекомендациями, запасной адрес. Далее – сигнализация, охрана и так далее.

Представив спальню, Галкин ухмыльнулся и вздохнул.

– Сексодром кру-той и блядотека порядочная, э-эх!

Он сожалел, что ничего подобного в свою пору не только не видел, а и подумать не мог о таком. Студенческая общага, затем малосемейка полужакарменного типа. Рождение сына откладывали, отсрочивали. Хорошо, удалось командировку в загранку хватануть как второму лицу. За годик в Африке вырос во всем: квартира, машина, первым замом стал. Оделись-обулись на несколько лет. Диплом сыну оплатил. Дальше уж сам должен пробиваться! Теперь на прилавках лежит всякое – купить сумеет. А на природу можно и прокатиться. Или – авиатуром хоть за океан, round trip, куда хочешь туда-обратно. Были бы фунты тугриков...

Не говоря жене-плановичке, Галкин успел перед ЗАГСом погасить квартдачгаражоплату на год вперед. Век новый, кто ведает о дороге? А деньги не ахти, зато с тестем ладить будет легче!

Свадебный сценарий исполнялся почти по тексту. Галкин вычитал его заранее, дотошно проверяя соответствие сюжетных частей обозначенному времени, персоналиям участников и чтоб безо всяких там ляпов. Ведь собы-ыти-ие!

Пока все шло своим чередом. Прокатились по Ухте на лимузинах. Вереница машин попикикала итальянскими сигналами под звон колокольчиков. Положили цветы к Вечному огню. Запечатлелись в снимках “Кодаком” и фильмозаписью SONY на память. В банкетном зале для важных гостей продолжение было чинным. После нескольких “Горько! Горько!” и сбора подарков по кругу молодые занялись собой, особо не вникая в говор застолья. Торжественно поглядывая вокруг, Галкин ожидал поздравлений и затем – сюрприза.

Заказной тамада озвучивал телеграммы и послания по важности их источника. Галкин приятно удивился фамилиям и должностям, знакомым ему по передачам радио и телевидения.

– Господи, да как повезло Петрухе моему! – не успевая освоить впечатления и запомнить поздравителей, Галкин огорчился, что не положил себе в карман диктофон.

Горделивая теща затмила все и всех. Тамада изумленно развел руками.

– Милые мои! Я очень рада, что вы сразу сумели найти консенсус. С этого дорогого дня у моей Мариночки-кровиночки, – гости вежливо замолчали, – фамилия теперь Галкина-Жупанская! Старинный мой род не затерялся на семи ветрах...

Зал расхлопался. Тамада оперативным тостом по команде Галкина закрепил возрождение.

– От имени родителей я при всех вручаю нашим наследникам “Тойоту”, модель... как ее? – Теща-дворянка помахала ключами и сертификатом. – А к ней прилагается дисконтная карта EVRO. Пинкод снятия “евриков” вам сообщит Виктор Абрамович по приезду. Его банкоматы помогут устоять на ногах в лихолетье...

В гостях накопилось. Разрядка сорвалась требовательным треньканьем сотового телефона. Звонок из Швеции пробился через космос в здание на проспекте Ленина вовремя. За последующее на вечер Галкин уже не волновался, хотя радостного удивления у гостей не обнаружил.

Тосты следовали непрерывно.

* * *

– Плесните “Бонаквы”! – Профессор попросил старшего Галкина, сложно вытягивая тело из-за стола. – Правильная самая водичка!

Стоя, осушил фужер с наслаждением. Поднял бокал с картини:

– Ребятки, за ва-ас!.. Вы собираете свой до-ом с пожеланиями нашего прораба... Поверьте мне, токо в та-акой России можно попасть сра-азу в средний класс!

Старпнев повернулся вправо-влево с медиумным блеском стальных глаз из-под рыженьких бровок:

– Созерцаю сей кулажный за-ал и восхищаюсь. Здесь оформляются отношения будущего-его...

Впялился в молодых. Петр, пресс-секретарь по связям с общественностью, и Марина, аспирантка юридического факультета, встали с покрасневшими щеками.

– Вы-ы уже госпо-ода!.. Берите бизне-еса, скоко хоти-ите!.. Не лените-есь! Не оглядывайтесь! Ни на кого, ни на что-о! Люди, в конце концов, – хре-ен на блюю-юде...

По гостям пробежало оживление. Ученый умел проводить занятия.

– Я прошел непло-охой курс в еСеСеРе, да-а! А страна эта токо и могла, что пугать и прода-авать... но не то-овар, не-ет!

Глотнув коньяку, продолжил, многозначительно переведа дыхание.

– Во-от льготы на него, да-а! От ЦеКа, Госстроя и Госснаба до тьмутараканского райкома-исполкома... А что? Лишь единицы видели: ситуацию почти все-егда можно толка-ануть, то бишь продать, и очень да-аже выгодно-о. Тем паче, что законодательство эРэФ не сопротивляется этому... В наших су-удах найти проигранные де-ела по банкротству, к примеру, бо-ольшая редкость! Госпо-ода, изу-учайте ры-ынок, вжи-ивайтесь в не-его. Саа-амым настоящим обра-азом! На-арод разма-азан и легко вну-ушаем. Не ле-енитесь, счи-итайте даля-ярики...

Поставил на стол пустой бокал. В зале – тишь. Замолк даже ГУПовский предпрофкома Бобков.

– Но-о, господа, про-ошу вас... опасайтесь, пжалуйста, предательства, неумности... и этих – писа-ак, журналю-юг! Чтобы спокойно и вку-усно кушать, не лентяйничайте! Ива-ан Сергеевич пра-ав: жизнь есть тру-уд! Но тру-уд, не рабочая пя-ятидневка с 8-ми до 5-ти...

Задвигались стулья. Зазвякала посуда. Зазвенели бутылки и хрусталь.

– Его Муму пере-ежила царе-ей. И пере-еживет все-ех. И на-ас! Но у классика капиталец не то-от, на-ам не подхо-одит, ве-ерно?

Старый Галкин пододвинул полный бокал. “Мартини” оказался к месту. Старпнев заблестел еще сильнее.

– Госпо-ода!.. Лекцию, госпо-ода свадебнички, я попрошу назна-ачить денька через два-три. Где-нибудь в более сдержанной обстано-овке, согласны?

Зал зададал. Тут же вскочив, Эдуард Петрович пообещал деловую встречу заинтересованных на нейтральной территории. Он организует все-все сам лично.

– Ва-ам же, молодые... юные госпо-ода, скажу кра-атко. Быстрее, смелее меняйте “красных” ди-иректоров, серя-яков, па-авлинов и прочее во-оронье... Пока мы при ва-ас, энергичнее-е-е, вою-юйте вовсю, но бе-ез гро-охота...

Далее пошло вперемежку. Галкин вертелся, ловя шутки, неровные разговоры и не поспеяв отложить в памяти хотя бы кусочки фраз.

Президент местной Академии кулинарных наук рассказывал анекдот о ваучерах.

– Господи, борода какая! – скривился Галкин. Перебродившие истории о чековой приватизации, когда госсобственность не продавалась, а раздавалась запросто, уже надоели. Кто был с половником на раздаче, тот и наелся. Эти и олигархи, чего непонятного?

Начальник отдела из “Лукойл – УНП” и главсанврач города спорили. Кому война на ближнем Востоке – мать родная? Получалось, что от кульбита Хусейна иракское эмбарго на поставку нефти – нам сплошная выгода.

– Самообман! – нетрезво доказывал переработчик. – Эту халявку мы уже проходили. И сплошь – с потерями. С наёб...й, когда мы перестали модернизировать экономику и навели члены на распродажу недр, то получили чё-ё? Де те нефте-доллары? – Рюмкой ткнул себе под выпуклый живот.

– Ну и отъел мамон! – засмеялся Галкин. – Абдоминальное ожирение. Член видит через зеркало...

– Доказать это надо, что России выгодно! – спокойно парировал директор СЭС. – Нефть давно не у государства – у частного уже. Доходы от наших баррелей могут уплыть в какие-нибудь офшоры, ясно? Война вообще невыгодна никому, но...

Галкин хотел было поддержать. Желательно, мол, правительству заявить, насколько оправдан подъем цен на нефть. Но отвлек подошедший к молодоженам профессор.

– Чем увлечены, медовочка? – наклонился к невесте.

– Коррупцией, – лаконично сказала аспирантка, и это вызвало у Старпнева оглушение. – Мда-а! И что-о, уже пи-шется?

Ответ Галкин не расслышал из-за хмельного заигрывания профлидера. Покачиваясь, Ян Хоренович предложил:

– Давайте за работодателя доброго, за Галкина! Чтоб чтл Трудкодекс свежий! Чтоб не забивал спецов широкого профиля!.. И сам не обидуйся, когда не так шо!.. Роднатый наш Петрович – за здоровье твое и детёв-внучаток ваших!

Не удержал бокал, облился. Исправив положение, допил. Наморщил лоб:

– А лучше долика нету хужче! – И захохотал распахнутым, в позолоте, ртом.

Галкин не переваривал его. Скупой, ни одной бумаги не умел оформить как положено на работе, а продержался сколько. Годов, похоже, в сорок-сорок пять прилип. Прошел Крым, дым и медные трубы! Был завгаром, на снабжении сидел. Никакая комиссия не смогла подкопаться! В предприятии половина грузовиков мертвая: то движков нет, то мосты задние, коробки передач разворовали... Как-то начальство из Сыктывкара прибыло на проверочку. Так Бобков соляркой облил капоты, кабины блестят на зимнем солнышке – как новехонькие. Спрашивают Бобкова: “Что машины? Запустить в рейс сможете?” А он, не моргнув: “Сей момент, любую! Только подогреть требуется, подождете?”

Комиссия, естественно, не ждала. Бобков потихоньку вырос до профсоюзного активиста на освобожденной должности. Начальники среднего толка ничего не могли предпринять без бобковской визы, а Ян Хоренович не стеснялся. Сейчас он просто расслабился. Ведь у хозяина праздник!..

* * *

Перед полным разездом новобранцы и гостей зазвучала несовременно чистая песня. Обожавший ее с детства Галкин заказал ресторану “на посошок” молодым. Звонкий девичий голос как весенний ветерок освежил зал:

На крыльчке твоём

Каждый вечер вдвоём

Мы подолгу стоим,

И расстаться не можем

Никак.

До свиданья скажу,

Возвращусь и брожу...

Если бы сейчас запись оборвалась, Галкин мог стать к микрофону и запеть. О том, как любит и как нельзя разлюбить... Он станцевал с женой, и удовлетворенно обнаружил, что и Петруха кружит с Мариной очень даже согласно.

Когда песня завершилась, в зале появился посторонний.

В это время кто-то выкрикнул заключительный тост:

– За нефть и газ, за Россию и на-а-ас! – Все заорали и принялись доливать, чокаться, обниматься и целоваться со слезами в глазах. Галкин находился сбоку от Старпнева, прижался к нему и не заметил бы пришедшего. Весь вечер молчавший отец толкнул локтем, показал кивком лобастой головы. Обтерев платком вспотевшую лысину, изучающе сощурился и зло приказал:

– Налей землячку под линию!.. Ему-то и немного надо!

Расстегнутый в пиджаке мужчина явно пенсионной наружности подошел нетвердым шагом. Оглянувшись назад, застыл напротив Галкиных и, шевеля желваками, смотрел бессловно.

– Чего приперся? – не вытерпел старший. – Воюешь все? Война-то в прошлом столетии была, по нормальному что хошь выветрило..., оглянься! Или зрачки уже залил, народовелец?!

Пришелец ничего не говорил.

– Так и не приучились власть уважать?.. Может, и хватит на сегодня глазеть вчерашними глазами?! Или народ хочет откусать из нашей чашки? Да-ва-ай, жри!

Бобков хихикнул:

– Накормить народ просто, но дорого и сложно!

Старпнев сердито буркнул:

– Госпо-ода. Давайте по-кругло-ому! В чем тут фишка-а?

Кряжистый мужчина процедил брезгливо, глядя в упор в Галкиных:

– Гады и есть гады! Хоть в золоте! – и сильно ударил старшего через стол. Дважды. В переносицу и под левую скулу.

Опешившие гости завозмушались, пытаясь помешать опубличенному скандалу. Пожилой мужчина успел добавить еще прямым хуком, принудив окровавиться и полежать навзничь на оставшемся угощении. Подскочившего на спасение Эдуарда Петровича гражданин отправил туда же, опрокинув часть столов и заставляя визжать гостей прекрасного пола. Прибывшей милиции инцидент обостроения сдался без сопротивления. Лишь крикнул в зал:

– Им покою не дам!

Из показателей свидетеля:

– Я, прафесор, кандидат техических наук, Старпнев Е.Ю., подтверждаю что сегодня незнакомый гр-н затеял драку в “Чибью” на свадьбе у моих знакомых. Кириную эту личность не знаю. Повода такого поведения мы не давали.

Из показателей свидетеля:

– Я, Бобков Я.Х., видел как податый мужик вошел на свадьбу. Как пабил Галкина Э.П. и отца не заметил за спинами. Мужик незнакомый.

Из показателей свидетеля:

– Я, Галкина-Жупанская М.В., видела и слышала, как разговаривали Галкины П.И. и Э.П. с приглашенным ими к столу человеком. Мой муж пытался их помирить, но началась драка. Я предложила Галкину П.И. извиниться перед гостем поневоле, но он ругнулся матом.

Проспавшись в “обезьяннике” на голой скамье, драчкист попросил ручку и бумагу. Объяснение написал, хмурясь и ничего не исправляя.

Из показателей задержанного:

– Я, тов. Мелехов Г.П., посетил кабак “Чибью”, чтобы отметить 68 лет. Дома – уже не с кем. Копить смешную пенсию надоело. И смысла нет. Мне ничего не надо, кроме души доброй.

Отдохнул хорошо. Выпил 1 (одну) шт. “Столичной” и 300 (триста) гр. коньяку “Араматы”, но дерьмо. У нас в Кретовете квасек даже знойней, матушка делала с хмелем и зверобоем. Если из погребка, не оторвешься.

Сводил двух по танцу. Белокрашка – ничего, звала к себе.

Посчитал – уже не хватит, а за так совестно. И башка от коньяка хворит, хотя после выпитого не болело вообще.

Когда пошел в сортир, услышал гулянье. Если весело с “горько”, то люблю. Там прекрасную песню играли про крылечко. Это из “Свадьбы с приданым” по бьесе тов. Дьяконова Н.М., лауреата Сталинской премии. Когда он был еще жив, я бывал в доме у Николая Михайловича. Когда меня позвали к тосту, я увидел, что Галкин Э.П. не пляшет, а другие много крутятся. Морда у него довольная, смеется на меня и в “Моторолу” наговаривает. Он и к мымре своей, видать, ложится с трубкой, чтоб в любом положении начальство услышать и самому с голосом быть, указывать шестеркам действия.

Куплетов любимых Курочкина из “Свадьбы с приданым” не дождался и ударил Галкина П.И., потом Галкина Э.П. Жалко, раньше так не проучивал. Прежний начальник базы, на то и умница, сразу раскусил этого Галкина Э.П. После института, сплавил в политинструкторы. Воспитанием заниматься спровадил – и не видно долго будет ни его, ни результат, и в цехах не поубавает никого. Таковые технику бояться, гайки крутить не будут.

К сожалению, знаю Галкиных с детства, с Брянской обл. Я в Кретовете жил, эти – из Ждановского колхоза, за р. Ягодкой, напротив. В 1940г. у них фамилия звучала Галкиневич, а перед приходом немца они стали Галкиными. Дед – мирошник, на камнях мельничал, на вальцах, просто на пшено. Обучил меня десятичным весам и брать отмер. Я справлялся, получал по 4 (четыре) пуда ржи. К празднику он давал коробку муки белой с четвертью, масла семечкового. Потом заставил воду из Ягодки таскать на стирку. А еще я должен был дрова колоть, они – дубовые, и чтобы с утра до свечки.

Всю войну Галкин И.Т. был старостой. Покрикивал. Научу вас властью уважать! Галкин П.И. повязку тоже носил. С ним – Щурок, Шматовский, Поддас, еще пятеро из колхоза им. Жданова. В Кретовете таких немец не сыскал. Приходили гады эти в нашу хату, забрали все-все глудки, что заготовили у матушке на торфяниках. Гаденок этот Петька ни разу брикеты сырые лопатой не насобиравал, а меня батяня приучил землю на 9 (девять) штыков снимать и отбрасывать, чтобы вытащить наверх торфа всего 3-4 (три-четыре) слоя.

Еще этот пригадок забрал из погребка матушки урожай весь: яблоки марочные “штрейфлинг” и “боровинку”, груши-тонковетки, сливу “ренклад”. Мы с батяней перед войной готовили селекцию помичурински, так этот халплек спер все задаром. Деревя садовые попалили бензином, и дом наш чуть не сгорел.

Галкин испоганил мою сеструлю Настюшку. Со своими гадами козловыми брали ее траваем, по очереди. Он и перед войной приставал, но Настюшка не давалась.

В школе мы в одной были. Его звали пацаны Лыской, как жабу зеленую. Зрачки вылупит, а что выкинет неведомо. Подлый – точно. Матушка доверила мне в сельпо 5 (пять) руб., я потерял, двое суток в лопухах просидел от вины. Жаба эта нашла деньги и пропила ситром.

Когда я попал в Ухту после ремеслухи по вербовке, застал Галкина П.И. на строительстве. Он снабжением командовал. Потом слышал, что где-то в управлении повыше стал. Далее не видел долго, потом Эдьку повидел в цехах наших, но немного. Когда пошел этот бардак с катастрофой, горком-райком закрыли, он всплыл у нас главинжем. Ни один станок с ним не заработал лучше, никакой технологии эффективной не ввели. От Галкина Э.П. даже раухи рублевой никто не видал. Зато чуть не первым слинял в заграницу, за ним пониже началожки поперли. Производство на карачках, рабочие нищуют без зарплаты, а этот гад Галкин Э.П., порожденец Лыски и тоже гада, тузует по полгода за рубежами. Побросали здесь дело и людей, теперь он и такие как Галкины – генералы!

Возвернулись из Африк-Непалов прежние организаторы производственного процесса – не узнать. В тряпочку помалкивают, все им в цехах до фонаря. Мастеровых повыкидывали, оставили самых гибучих. Чуть что скажешь, предложишь по работе – в ответ ха-ха и на забор показывают. Позади – удобчики, жополизы, тируши, и все такие за свои места зубами держатся. Станки у нас серьезные, с ЧПУ много, мозгов и рук грамотных требуют, а кто в цехах? Товаровед, смазчица, ткачица, заочники из шишкодробильного, лесхозница, морячок-каботажник, массовик-затейник... Никто схему прочесть не может, отрегулировать станок от входа до выпуска – так их и три-то вертятся всего, зато три этажа на шею над цехами отсиживаются... Самые лучшие станки

попродали с этим Галкиным вроссыпь, на лом. Прилипала какой-то появился с интересом, сам с одесскими запросами, театровед по диплому, по 100 руб. слесарям давал к ужину, чтоб механизмы разобрать, развертеть до болтиков.

Сам Галкин бродит по предприятию с матюгальником, будто без него домрет все, порастащат. Так и работа протухает, ни плану, ни приятности от сделанного. Ходит главинж по “коробочке” как кот по своей тропке. Заглянет к диспетчерам цветочки понюхать с Верочкой Коденцовой, а та – масленок на обочине. Поиграются, тортик с чаем подкушают или в картишки на дисплее перекинутся. Никогда я Галкина с металлом не видал, а рядом с ним – никого и ничего прочного, все ненадежно. Что за главный инженер, когда законы сопромата шляпит? Выдерживает нагрузку только ведь то, что сопротивляется, не прогибается. А он кого подобрал? Сколько толковых, головастых трудяг повыкидывал, теперь заправляет с поганками. Фомина Л.П., Швевский В.А. и Яцко Н.П. по его указке напишут закладную – и нет человека, зато сами делают вид дела.

Митькин В.Х., горлопан беременный, сколько лет в КПСС вползал за должностью, залез. Как только ЕБН помахал демократией, он сразу билет кинул и – за кордон, на свой трудовой фронт. Стихло – возвернулся, сытой! На козьяках маршрутных в город по три раза катается, сидит только впереди, сольно! А так – начальник производства, по часу булькает с пюзом по объектам базы и соображает, чем же заниматься. А чего командирить – одни коробки цеховые стоят, так те от обид молчком сыпятся.

Да и вообще инженера ли такие? Как-то Галкин прикупился, “волжанку” взял. Погасла у нее лампочка на панели, задний ход не показывает. Засуетился, мужиков нанял коробку скоростей менять. Те ржут, конечно, да чего с дурака не взять деньги? Гараж под машину тесноват оказался, а сосед помер. Галкин Э.П. додумался втихаря стенку к нему сдвинуть на метр. Чего надо под себя – всё допрет!

Раньше на техбазе я любую норму делал, всякое задание выполнял. И бригада была такая. На доске почета, ВДНХ, поощрения-премии. Такие бригады, работяги и вытянули предприятие в величину. Теперь они – никто, жируют Галкин с лысками его, поджирают ГУП. В сторожа хоть устроиться, чтоб дожить, и то по их благу...

На той неделе зашел за справкой. Уже седьмой раз. Контора блесит, евроремонтник недавно был. В цехах – тишина как в пустыне. А здесь – кино! Все за дверями как с журнала цветастого, лыбятся в костюмчиках, намазюканные. Оклады – мою пенсию на три нолика добавить! Постучал я к директору, а там Кобылев В.А., прежний начслужбы сантехобеспечения. Глядит, словно к нему заразный. “Чего?” – и так испуганно. За 30 (тридцать) лет не было, чтоб в кабинете руководитель с распахнутым гультфиком и красной мордой так отражался в полировке стола. Это ж, какую мебель купили для фасона и зачем, если утро жабное? Справку пообещали на следующую пятницу, восьмую.

Я точно знаю, кто разваливает дело и нас. Вот такие начальники и их лыски. Жабы выживают при всякой власти. Галкиным что Ленин, что Сталин, Гитлер или Горбачев, что этот ЕБН – лишь бы подлигнуть, и чтоб платили. За зеленую бумагу USA сожрут любого, а работать, трудиться другим и не дадут.

Мне Галкин Э.П. сказал, что та война уже и не нужна никому. Сын тоже говорит, что хватит мусолить Кретово какое-то, глудки с фруктами. Надоело, и вообще все это – ваши, мол, проблемы. Мы

желаем жить свободно и понять свой бизнес! Мы – профи новой России!

Только что это за профессионалы, если не по-людски все делают? Техбазу разбазарили, продали задарма, специалистов не уберегли... Боле всего под сердцем у меня екнуло, когда 15 (пятнадцатого) августа страна и народ были в национальном трауре по АПЛ “Курск”, в ту пятницу 2000 года такие профики Галкинские 5 (пять) с половиной часов гуляли в аэровокзальном кабаке “Полет”. Свой праздник Воздушного Флота запивали! Горланили “первым делом самолеты”, а что, по сути, у них главное? Вышли после “Полета” кое-как, Галкин этот с Кобылевым и Бобковым стали у Доски Почета, вынули “писалки” свои и давай орошать. Остальные стоят, ухмыляются. Готовы тоже обоссать все. Эти любому бизнесу шестой пальчик засунут!

Я ударил их. И буду бить Галкиных при силах. Их надо возвращать в нормальных. Они потому и у власти, что такие. Матушка мне в Кретово постоянно напоминала: человека унижить – запятнать свою совесть. Лыски как грязь, нас мажут. А я не хочу и не дамся.

Подтвердить события в Кретово и здесь, в Ухте, сможет тов. Тарасов С.В. Он – офицер, тоже брянский. Хоть в запасе, но честь держит. Еще он – интернаговский, добро понимает, лысок знает, а глудками натрудился на всю жизнь собственноручно.

Не перечитывая, гражданин поставил дату и подписал. Положив твердо ручку, поднялся с распрямленными плечами. Мелехов Г.П. был решителен: нет нам больше напасти, чем алчность и черствость в тех, кто у власти.

Уставший старший лейтенант бессонно пробежал по строчкам, пересчитал листки.

– Ну и нарубились к утру! – Засмеялся, глянув на часы. Его дежурство заканчивалось...

Недавно проводил на Крохаль-погост ровесника. Еще одного. Не воевал, однако помнил ту, Отечественную. Не по выстрелам и бомбежкам. По ночным страхам, полуголодной кухне, по зябкому ожиданию известий с фронта. По частым слезам молчаливой матери. По тоскливому батькиному взгляду после Победы из-за проволоки в барачной Инте, на вольном поселении у комендатуры Ухтинского ОЛПА.

Солдата-орденоносца реабилитировали после Опорного Лагерного Пункта слишком поздно. Мать до демпреобразований не дожидала. Их сын, Мастер своего дела, с огромным опытом и недореализованными способностями, жил по-человечески до конца. Ветеран труда в гражданской авиации Республики не забывал о смысле и цене жизни еще и по несправедливой сытости других. Поражался прорастанию лживых и хватающих, пластилиновых, чинодралов, халявчиков, словоблудников, хамелеонов. Особенно удивлялся не помнящим родства.

Первоклассный техник по авиаприборам Житкус Г.С. сказал как-то мне. Я понял, жить надо страстно. И любить только так, чтобы невозможно было разлюбить. Иметь честь и память. Человек имеет право не помнить лишь два факта. Рождение свое и смерть...

НОКТЮРН

Ах, эта самая Русь...

И. Бунин

Я ответа не знаю,

И руки мои как оплетья.

Я сама пропадаю

Во тьме на исходе столетья.

Т. Бек

От южных репортажей со стрельбой, с обезображенными домами, измученными беженцами хотелось заскучить, и Нина Павловна выключила телевизор с отвращением. Новости о боевых действиях в узнаваемых местах, где бывала не единожды в отпуске, она смотрела, не веря и насилуя себя. И эта бойня в собственной стране?..

Она немощно закрыла глаза.

Если ненависть ни на кого не направлена, необъяснимая и яростная, душит меня, женщину, лишь раз взявшуюся за оружие, и то защищаясь, что же тогда должны испытывать солдатики там? Не очень подготовленные, голодая и замерзая, не совсем понимающие бездарную войну, мальчики теряют таких же, еще пацанов...

На войне кого с кем? Где здесь враг и кто будет праздновать его поражение? Неужели свобода в нас самих такая, что без родительского горя над убивающими друг друга сынами бессмертия у народа не бывает? Разве, словом нельзя исправлять жизнь? Лишь недавно же такую беду всеобщую преодолели – почему не мудрее? Откуда нынешний гнев, не дающий оглянуться на вчерашнюю, названную Отечественной, войну?

...Дорога, наконец, вырвалась в степь. Вглядываясь сквозь узорчатый протал в стекле, Нина вздохнула облегченно.

– По такому грейдеру успеем! Немцы, собираясь ездить и зимой, обозначили расчищенный створ вешками.

Капитан неожиданно ругнулся, зло выкручивая рулем. ЗИС-5 пришлось вести зигзагами, будто после добротной выпивки – иначе не объехать брошенную технику. Фургоны, тягачи, автобусы, римские семитонки СПА, разноцветные, даже африканско-пустынной окраски, “фиаты”, армейские кухни – справа, слева, а то и вовсе поперек. Завалившись набок, наклонила необъятный ствол здоровущая пушка.

– Во стэрво яка! – Прижимая к животу полевую сумку, радист толкнулся локтем. – Ця “Берта”, мабуть, и лякала пид Ростовом! Скики лупцювала, а тэж видгавкалася!

Он жиденько хахакнул.

Нина обрадовалась. Уже на фронте! Повезло, что попала именно в эту группу...

Через забитый войсками мост переехать оказалось невозможно – только цепочкой, проталкиваясь. Хватая автомат, капитан выпрыгнул из кабины:

– Развилку бы проскочить, э-эх...

Немцы, похоже, удержаться все-таки не сумели. В гору, на Каргинскую, в несколько рядов молча и нескончаемо топала пехота, лязгали танки, гулко копытили землю конники. Бредущим над наступающими выскочила нанскось растянутая, крыло к крылу, эскадрилья штурмовиков ИЛ-2.

– Ого-о! двинулась матушка! – Довольно матернувшись, улыбулся крупными закуреными зубами капитан. – Хрена теперь! Не возьмешь!.. Доберемся и до фюрера...

Нина восхищенно смотрела на могучее движение. Наконец-то! Казалось, любой из всех этих бойцов готов тут же вступить в бой – лишь бы гнать и выгнать фашистов.

Над задонскими высотками клубятся дымы, беспрерывно расчесывая тревожно-смутный горизонт многочисленные хвосты ракет: белые, красные, зеленые... Заснеженная равнина, изморщенная черными зубчатыми, яркими и частыми воронками, холмится в разноцветье, пугая Нину блуждающими жуткими красками и почему-то ожидаемой грозой.

В вязком обвалившемся снегопаде – ни выстрела, ни разговоров, лишь скрипы обозов, тяжкое шуршание маршевых колонн. Осевшие полторки, урча моторами, рвут жидкими фарами густую темь...

Часам к трем ночи добрались до изб. Капитан махом показал на крайнюю, с одиноким пятном тускливейшей свечки. Едва открылась дверь, Нина ощутила пахнущее тепло. Коленки ее задрожали.

– Слава богу! – Пожилая хозяйка всплакнула. – Свои...

– А те давно были? – Хмуро спросил капитан, не здороваясь.

– Забегли с получаса... Спешут, поди, от вас, хрицуны окаянные!

Капитан не входил, и Нина огорчилась: отдыха не разрешит. Надо попасть впереди наших, иначе задание теряет смысл...

– Погодьте, сыночки мои! – перебила, засуетившись, хозяйка. – С-час хоть сальца отжарю. И нашенский гдесь Степанушка тож сражается!

Из-за печи появился сивый, резко хромающий дед. Поправляя лихую кучерно сбитой вбок шапкой, блеснул из-под кудлатой брови смоляным зрачком.

– Чьи будете, казачки? – Культяпый хозяин придиричиво зыркнул по вошедшим забеленным фигурам.

Стирая с щек тающий иней, Нина охнула. Ну, точь-в-точь батька мелеховский, из “Тихого Дона”! Еще и клюку сейчас достанет, застукотит по горнице...

– Издалека! – Капитан хмыкнул. – Печору слыхали?

– Ну-у! – изумился дед. Все равно нашенские. Прошу до хаты! Тем боле, до вас дело воинское имею!

– Некогда! – Капитан извиняюще осмотрелся. Острым зрением зацепился за крашенную, с точеными шишками по краям, деревянную кровать. Потом за стол в клеенке со скачущим под знамена генералом Скобелевым. Нахмурился. Цепко перебрал на беленой стене фотографии с чубатыми, в лычках, крестах и шашках, плечистыми казаками. – Нам пора! Лучше, отец, подскажи, как покороче на Кружилины?

– Так я быстро! – Огладив линялую гимнастерку и лампасные шаровары, дед выровнялся. – Мне токо противника сдать! Как положено!

– Что за противник? – сердито задержался капитан.

– Так эти, от дучи какие! – гордо объяснил хозяин. – На меня забегли – оно ж видать тикатню!.. Шуманул их, так они черт-те что надумали в штаны... Гитлеру капут, винтовки кидают, ногти доверху тянуть. Оружье я-то на баз, в яму кинул, а муссолины сами под запором сидят...

Передвинул шапку.

– Коли вам некогда, че с ними прикажете делать? Мне их гуркотня не с руки: гады и есть гады...

Нине захотелось остаться. Хоть ненадолго.

Капитан сморщил лоб, кашлянул. Пожал старому казаку руку.

– Другие подойдут – сдать под расписку! У нас своя служба...

Дед понимающе разгладил усы.

– Ясно! – Повернулся к жене. – Так хоть пышек примите! Моя замастьлит бурсаков сдобных в сей момент!.. Теперя-то посвободнее. Те-то налогов сразу насковыряли, во-о! За душу – пятьдесят! За собаку – тридцать рубликов. Кошка – так двадцать пять! За частичку оконную – пять. Помножь на шесть штук в раме – хитрой же немец! Жаден!

Он явно не давал уйти.

– Баба моя стонет че? Не налога – еропланов она пуглится, да-а! Как налетят – она сраз в щелю! За базом скопал я профиля – чё бояться? Так она крестится: спаси рабу твою, спаси... А бонба-то все равно-то южит!.. Ахнет, старуха голову под пятки – да цела-то!.. А вот стекла в хате напochи, насквозь продуло... Да ладно! Чужняков лишь бы вытолкать отсель! Пушай на базу своем будут!

Штаб отыскали в следующем хуторе.

Покалеченная двухэтажка с недосгоревшими стропилами была школой. Комнаты с чернеющими оконными провалами, с задымленными верхами посеченных стен, пусты. Во дворе без ворот, у полуразрушенного кирпичного забора толпятся пленные, галдят. Покрикуивают, кучкуясь, итальянцы. Кое-как экипированные румыны раздевают немцев. Гвалт и ругня, но часовые не вмешиваются.

Послышалась толкотня, шум, топот сапог. Нина едва разобрала в здании настойчивый зуммер телефона, тут же покрытый чьими-то сердитыми оправданиями.

Во 2-6 классе капитан показал усталыми глазами на целехонькую учебную доску. Похабные рисунки и готическая надпись: Der Russe muß sterben, damit wir leben. И внизу: on den 2.10.42.

Радист равнодушно глянул. Заметив загаженный угол, вышел. Нина перевела:

– Русский должен умереть, чтобы мы жили.

– Во-о им! – Закуривая, капитан сочно цыкнул слюной! – Я за машину!

По коридору провели под конвоем двоих, со стянутыми спереди кистями рук. Через пустую оконную раму было видно, как их развернули затылками к забору.

Простуженный, царапающий голос приказал – напротив, стукотясь, отшеренговался взвод. Что это? Почему? Кто распоряжается здесь? Нина ошеломленно искала командира.

В новехоньком мехжилете, в синих, широченных галфе с замызганными обмотками тот держал правую руку на распахнутой кобуре.

– Из переменщиков! – определила горбоносого Нина. – Может, месяц и всего...

Поспешила на улицу.

Тыча в задержанных левым кулаком, командир без знаков различия повысил голос:

– Овраг тот до Каменки помните? С фланга как даванули нас?

Перевел дыхание, нащупывая рукоятку револьвера:

– Из-за вас потеряли мы Трушкова, Кондратенко, Заридзе, еще семерых! Вы закопали “Максима” на порученном посту, с целыми цинками, а сами на берег тот уметнулись! Мразюки-и! Сороконожки ссу-укастые!.. Бросили рубеж, всех нас продали!

Повернулся к красноармейцам.

– Как? Ответим под трибунал или здесь? Вас спрашиваю, бойцы!

Отозвались нестройно:

– Здесь!

Жесткий хрипастый крик подвел черту. По хищно треснувшим ноздрям, по густому льду во взгляде командира Нина поняла: он и сам готов сделать решенное.

Почти без россыпи, крепко, хлестнул залп. Белесого, с бабьим рясным животом под мягкой чесучевой рубахой, оттолкнуло назад, в забор. Оседая, он захватил задрожавшими короткими пальцами гашик сползающих брюк. Закровянивший рот зашепшил полягушачьи наглотаться, и – застыл.

Второй, помоложе, в порванной овчинной безрукавке, лишь отшатнулся. Не устояв, нехотя рухнул навзничь.

Не сумев ни отвернуться или хотя бы зажмуриться, Нина оцепенело смотрела на мокреющее в промежности домашних штанов пятно, поползшее к вязанным носкам.

Скрипя ботинками, командир остановился на крыльце. Застегивая неподдающуюся кобурку, колюче обвел обиженно-прозрачными глазами замолкнувший двор. Встретившись с ореховым, нервным взглядом Нины, замешкался.

– Кто такие? – полистав документы у троих, недоверчиво обмерил маленькую женщину. – Вы-ы?.. Читал книжку вашу, читал! Спасибо!.. А линия отчего?

– Как это? – молодо нахмурилась Нина.

– Вроде как хворная, – пояснил, топчась неловко, командир. Пытаясь сгладить ладонью враспыху суточную щетину, еще переглянул всю от не разношенных валенок до стриженной прически под ушанкой. Сощурился на узорчатые, не по штатному обмундированию, рукавички. Дохнув чесноком, вполоборота кинул следовавшему за ним бойцу:

– Прибывшим на войну выдать ужин по норме!

Испытующе посмотрев в капитана, добавил:

– Предупрежден!

Помолчал. Обернулся к ординарцу:

– И “Опель”, Вань, заправь им, ну тот! Под пробку. И канистру вложь!

Уходя, отковырнул всем:

– Удачи! Сопроводять, извините, приказа не имею!

Отъехали не дальше километра, как по капоту, вспарывая, пробежала дырявая строчка. Нина даже не сообразила: чья-то очередь предназначалась и ей! Шипяще запарил пробитый радиатор.

– К бою! – крикнул капитан. Выскочив, сориентировался по сторонам и упал плашмя. Прижался бок к резине колеса, раскидав ноги и прилаживая ППД¹ под сектор огня.

Побелев бритой шеей, радист сполз с сиденья и, прикрываясь дверцей, залег справа. Выпрыгивая из машины, Нина споткнулась, больно ударившись бедром. Охнула, приподнимаясь на локтях. Заметив, как радист прятал на обочине сумку и, прижав рожком автомата вещмешок, испуганно завертел головой, она поползла к старшему. Неужели опоздали? Что, уже и все?

С поля шла какая-то цепь, приближаясь с ожесточенным упрямством и обреченностью, в рост.

– Биться до последнего патрона! – не оглядываясь, приказал капитан. Положил впереди себя гранату.

– А потом? – трудно вытаскивая наган, почти плача спросила Нина. Ей внезапно стало жаль себя. Почему именно тут? И так быстро?

– Потом как повезет! – гневно покосился капитан, и Нина подползла ближе. – Каждый за себя!

– Тогда до предпоследнего... – поправила она команду, ища неслышимого радиста.

Капитан, передергивая затвор, усмехнулся:

– Буквы, кляксы, запятые... Надо уметь ставить точку! Верно, литераторша? Во всем!

Нина промолчала. Конечно, правильно, товарищ капитан!

Часть пуль досталась отзвякнувшему бамперу. По-птичьему тонкий излет рассыпался рикошетным веером перед Ниной, оцарапав шеку.

Кинув “лимонку” и отстреливаясь, капитан заорал:

– Уползай! В сугроб заройся!

Она несогласно глянула, тут же жальнуло под скулу. Нина вскрикнула, прикрываясь наганом. Роняя быстро набухшую шаром голову, удивилась секундному ритму в циферблате часов.

– Разобьют же! – потянула ватную руку под грудь...

Казалось, что застыло все-все тело. Заледенели, не поддаются даже веки. Холодная тишина придавила наполненной страхом тяжестью. Нину заколотило.

“Вот и я в нежизнь свою...” – безразлично подумала она о собственной гибели тут, под трофейным автомобилем.

– И Асинью захоронил Григорий недалеко. – Она ясно произнесла название хутора. Гремячий Лог, и пожалела, что не записала ни адреса испоганенной фашистами школы, ни фамилий резервиста и тех, казненных за трусость и дезертирство.

– Умирают, выходит, по-разному. Умереть можно лишь раз. А задание не выполнили... – с укоризной посочувствовав себе, Нина забылась.

Предутренняя изморозь вернула ее с ненасытным вздохом. Что? Где наши? Значит, еще не все?

Болезненно перевалившись, она выкатила себя за рубчатую колею “опеля” и – замерла.

Хрусткими шагами, лениво, подошел кто-то, остановился. В калейдоскоп мерцающем просвете ресниц различился нескладный силуэт в голубой шинели. Звучно пузыря дорогу, пошумела струя. Облегчившись, долговзвзый поюче юно, вперемежку с сигаретной затыжкой, позвал кого-то.

“Македонец! – решила сразу Нина, притаиваясь. – Или хорват!”

Солдат приблизился, постоял.

До озноба она почувствовала всей кожей, как чужак провел стужающим концом винтовочного ствола, задирая её юбку и со смешком обрывая мушкой прицела нагрудные пуговицы лейтенантской диагонали...

Очнулась Нина как от толчка.

Дрожа, машинально поправила одежду. Испуганно прислушавшись, перекатилась назад, к машине. Осмотрелась вкруговую.

Капитан темнел на снегу и Нина, добравшись на четвереньках, различила в переносе пулевое отверстие. Мертво застывшие пальцы держали отдельно в руках пистолет и обойму. Пересилив себя, Нина потянула ТТ, но высвободить не смогла.

Обползла “опель”. Натоптано.

Радиста не было. Гильз справа – тоже.

Проверив карманы, Нина обнаружила: ее обыскивали. Не было ни удостоверения, ни командировочного предписания, ни аттестата, ни рабочего блокнота. Исчезла даже самописка с нераспробованным “вечным” пером, подаренная на недавних курсах самим Шолоховым. И материнских рукавичек нет, стащили фашисты! А вот часы тикали, от их звучимого и видимого наличия Нина убедилась в своей живости, недочерчиво прижав к уху и зацепив рану. Она воспрянула духом.

Отыскала наган. Аккуратно вытерла.

Проверила барабан.

Вытолкнула патрон, зажала в ладони.

Отгрызла суровые нитки на потайном, изнутри гимнастерки, месте. Достала мятую фотокарточку, из несданных при оформлении.

Поморщилась, умакнув в сочащуюся кровь на щеке нагретейшей пулей. Написала: “23.12.42 г. Коля погиб. Уманец исчез с грузом. Срочно смените всех”.

Ослабевшая рука упала.

...Когда носилки заносили в темно-зеленый фюзеляж “дугласа”, из-под бинтов Нина разобрала над люком коряво выцарапанное: “П...ц Гитлеру!”

У нее затрепетало сердце. Почудилось, что пришел, наконец, рухнет вездь далекий очищающий гром. Она даже принялась, пахнет ли дождем?

Конопатый летчик, зажав подмышкой желтые, в потных разводах, краги, закрыл защелку двери. Подморгнув Нине из набекрененного, с отвернутым наушником, шлемофона, проверил люк. Весело спросил сидевших вдоль бортов:

– Серника кто даст, мужички?

Кувыркнувшись от взрева двигателей, метнулся ошалело вверх чибис, прятавшийся неподалеку, в островном ковыле. Его жадных к лету крыльев Нина не видела...

Потерев шрам, Нина Павловна утомленно опустила ладонь на папку с рукописью. Дождется ли своей книги о главном грехе человечества – убивать жизнь?

Навязчиво зазвонил прямой из ВОХР.

– Порядок, Верина? – Начальник караула, пенсионер из МВД, проверял как всегда: один раз в начале смены, потом перед сдачей. – Смотри! Чую, опять рожаешь? Забил почитать романчик, а? Только кому это надо сейчас?

Она отодвинула трубку.

– Как живут окружающие, известные тебе и мне, видишь? Кто едят, на каких “фордах” катаются? Кто кого теперь, а тебе все прошлое нужно...

Она не ответила, в телефоне погромчело:

– Лучше охраняемый объект наблюдай! Бди, ясно?

Нина Павловна мягко дакнула. В трубке задышали ровнее. Начальник закончил просяще:

– Да, напарница чуть опоздает. Через часок будет. Между нами, Павловна, а?

Она сказала:

– Не волнуйтесь! – Не отключив связь, сидела отреченно молча.

– Матьер божья... ох, чего уж непонятного?

Та, прежняя, напарница – ну, действительно змея! Придет с сумками, точно сутками на торговле шлындается, после инструктажа бухнется на диван.

– Во жизньюха! Прилавки трещат, а людей нету. Сволочи-подонки-мудаки! Больше никого!

Лег ей казалось тридцать, с чуть-чуть. Накрашивалась умело, по высоте все вроде бы ничего. Говорила, правда, наступающе громко, даже хамовато. Похоже, покрутилась в руководстве – слушать не умела, привыкла, чтоб вбирали ее беспрекословно. Высыпет тираду, не забываясь, расположены ли, поймут слова и настроение, а потом ляпнет: “Застыло как сказано!”

Посменничали вместе месяца полтора – надоело. В конце концов, удалась жизнь или нет – жаловаться и хаять грешно. А тут обложит всех и вся – бардак. Где государство? Оттого и семья вымирает. Мужики или жулье, или алкаши, но больше – ничтожество, не годны ни к чему. Заработать не могут и не желают, что пострашнее. Задницы саят на должностях, в не своих кошельках деньги слоняют, а чтоб самим пошевелиться – ни-ни! На нас только зрочки и торчат... Хотя, чего там, и мы, бабье, не лучше, подряд лишь гадюки-сучки. Были бы порядочными, то есть, чтоб себя уважали, лентяев этих с утра до утра зажали бы в ежовички – пускай крутятся,

потенют! Дом сначала в дворец сотвори, потом и секса проси! Со своей хоть управься – после и телок голубить будешь...

Нина Павловна пробовала не отвечать ей, не поддерживать разговоры, но та в доказательство напересказывала всякие житейские истории, одна другой посочнее все и покрасочнее – не выдержала. Уже настроилась проситься на замену, но решилось неожиданно.

Хоть мужики и дерьмо, как оказалось, напарница все-таки припасла бутылку. Верину вызвали на внеплановые занятия по уставу, а начальник – сюда. Торопились, без закуски холодной обошлись. Праведница опрокинулась, получается, почти сразу. Он особо не старался, много ей и не потребовалось. Бабам долго bastовать вредновато – усохнуть можно, в солончак превратиться. В общем, отставник проделал свое скоро и – с объекта, к пульту.

Минут через двадцать подъехал к шлагбауму топливозаправщик, дозакататься к полуночному рейсу. Подождал – никого, а положено вскрывать склад через охрану, и чтоб отметиться. Шофер вызвал по радиации диспетчера. Забегает этот Котенко в дежурку. У него каждый зуб – штучка-а, язычок. О! Увидел он затихшую голяжку – достанывает, дужит ногами, сама в тумане еще – глянул на стол неприбранный, на валяющуюся форму и чулки на полу... То ли опешил, то ли вообще перепугался – на ход, бегом! В дверях остолбенел от прислоненного в уголке карабина, поколебался. Сдернув висевший рядом подсумок с обоймой, выскочил.

Вылет “гушки” задержали. То да се, еще что-то не сработало вовремя. Детали, естественно, донесли до командира отряда. На разборе подробности не комментировались, но выговорной приказ зачитали по селектору на все службы.

Представив происшедшее, Нина Павловна на напарницу не озлилась. Чего уж, было так было. Но совестно! За нее же, за женщин. Хотя стержога она все-таки натуральная: явилась к командиру и напела, что караульщик приставал, принуждал условиями. Так что была, мол, вынуждена...

Послушал ее командир, пригляделся.

– Цвель! Не пробовала давно? А вообще для деликатесов условия готовят. – Отдосвиданил из кабинета.

В предприятии похихикали, посудачили – забылось.

...Пока никто не отвлекал, Нина Павловна раскрыла записи. Предпоследняя и заключительная главы что-то не нравились, не принимались. Переделать! Финал нужен не полноясенький, а чтобы за точкой просматривалось многое.

Она достала чистый лист, ручку.

Хрипловатый, волнующий басок из недовыключенного громкоговорителя помешал:

С тех пор, как мы от царства отказались,

А до свободы разум не дорос,

Взамен мечты царят корысть и зависть,

И воздух ждет кровопролитных гроз.

Уже убийству есть цена и спрос,

Не духу мы, а брюху обязались,

И в нищете тоскуем, обазарясь,

Что ни одной надежды не сбьлось.

Дважды кольнуло слева. Она оглохла, не услышав названной фамилии. Боже-боже!.. Так же читал Боря...

Сжавшись, набрала полные легкие. Усиленно подышала, облизывая сохнувшие губы. Заставила себя перебрать пачку неспешно. Где же?

Странно твердые пол-листка карандашных, почти выцветших или полустертых строк попали к ней в больнице. Как-то занедужила, терпела, сопротивлялась, но слегла. “Скорая” увезла после приступа в кардиологию.

Хотя обстановка там, виды всякие и запахи угнетающие, но нездоровые посживали где можно, выговаривались. Делились, будто можно успеть обменяться прежним, болячками своими и проблемами. После выписки из отделения беспальный, изборожденный как скребком, старик принес в палату брошюрку. Горелый инвалид долго надзирал в опорном лагерном пункте, под Ухтой, и тетрадка – от осужденных.

Полистала. Начала читать – нарвелась. Плакали все в палате. В собранной подржавленными скобками серой самоделке обнаружились приветы из Дежневского ОЛПа. Седьмую страничку не узнать было невозможно:

“Ниночка, может сейчас повезет. Передавал к тебе 14 писем. Где же ты?”

Нас подбили сегодня, ровно десять лет назад. Н.Семяшкина, штурмана, убили на парашюте. Мы сидели на лес, ночью. Пошли на зарево, на восток. Соединились с окруженцами. Несколько раз

Напарница медленно поднялась. Походив, включила наружное освещение.

– Ну, творите. Я – по периметру. Запритесь, баб Нин!

Побыв в уединении, Нина Павловна написала небольшой абзац, перечеркнула. Нет уж, не выйдет здесь ничего. Лучше – дома!

За окном громко, по-кассетному, запели:

Девочки-красотки

Носят юбочки коротки.

Если только чуть присесть,

Очень видно, что там есть.

Лерочка-беляночка,

Я парень гулевой.

Засорилась твоя ямочка

Соломкой яровой.

– Что за явление?! – Не разглядев ничего через окно, она спешно сложила листы.

Рулады умолкли.

Ощувив неладное, Верина вскочила. Пугая, с гулким уханьем, завалила назад стул.

– Выходи, соска! А то жажнем! – угрожающе проорали снаружи несколько голосов.

Верина выглянула в форточку.

– Кто? А ну – со склада, наза-ад!

Перекрывая неокрепший грубый говор, кто-то голосисто рыкнул:

– Е-еб! А говорил – Лерка! Это ж Тортилла с Шапоклячкой...

Было слышно, как гундосно и хладнокровно произнесли. Кулоны вырубил! А ты загоняй КАМАЗ!

– Матьер божья! – Верина устремила к шиту сигнализации, уже потянулась надавить кнопку – погас свет. Комната стала безразмерной. Внезапная темнота украла все, обезграницила.

Различив проявившийся оконный проем, она неуверенно, не воспринимая пол, пошла. Тут же с шуршанием свистом реактивно влетел в дежурку хвостатый огонь. Шипя и брызгая искрами, закружился, отскакивая от фанерованных стен. Не слабая, расколол шкафную дверцу, осыпался. Завоняло жженным!

– Выкинь СКС, манда! – визгливо потребовали неизвестные.

Задыхаясь, почему-то до боли жмурясь, женщина на ощупь, на коленях, добралась до угла. Энергично отдышавшись, поднялась с карабином. Душно-то как!

Раскидав дулом стеклянные куски, предупредила в темень:

– Стрелять буду!

Там, подкручивая звук магнитофона, рыкнули.

Еще один слепящий, с хищным шелестом, хвост ворвался стремительно в помещение. Женщина отшатнулась. Выглянув, всмотрелась.

В зыбком, омертвляющем полумраке проявились очертания резервуаров. Напряженно поискав, она различила нечеткие, смутно приближающиеся фигуры и – нажала курок.

Метаясь, буйствующий позади огонь обжег, ударяя в спину. Падая, Верина успела поразиться яркой вспышке на столе. Как обидно, господи!..

ОСТАНОВКА НА ЗЕЛЕНый СВЕТ

*...но предупреждаю Вас,
что я живу в последний час.*

А.Ахматова

– Все! – облегченно вздохнул он.

Прилетевшие и встречающие, толпясь, выбирались из аэровокзала с нетерпеливым ожесточением, зло протискиваясь с вещами через единственно открытую дверь с надписью “Нет выхода”.

– *Черт, камера хранения наверху же!* – вспомнив на улице про собственную тяжесть в руках, не удержался от раздражения Артеев. Он впервые обратил внимание на привычную несуразицу сервиса. – *Селявуха тако-вака!*

Автобусное расписание обещало минутную точность. Хмурая скапливающаяся очередь убеждала, что до города очень далеко. Люди принужденно косились на легковушки, и Артеев от шанса терять время впустую в родной Ухте поехал. Пересиливая желание тоже прихватить частника на тесно затолканной площади, закурил.

Спустя минуту, не оглядываясь на квадраты холодно светящихся окон вокзала, на озабоченно шумливый автобусный павильон, он решительно зашагал прочь. Дойдя до развилки шоссе, бросил краткий взгляд на моргающее желтое марево загоризонтного города и повернул круто влево.

Дороги не было видно совсем, и Артеев, невольно вслушивался в ритмичный перестук подошв, вспомнил эти звуки. Когда-то, в студенческой юности, вот так же он вышагивал под несмело высыпающимися сентябрьскими звездами. Было новенькое, еще без номера, шоссе это под Абаканом, было фиолетовое лохматое небо с молоденьким морозцем, были с десяток не пугающих пустотой верст – и лишь для того, чтобы перед рассветом тук-тукнуть в общежитское окошко и извиниться перед Людашкой. Не пришел на танцы, как обещал будущей жене. И только!..

Он убыстрил шаги, не чувствуя тепла от ходьбы.

– Давай будем нести жизнь вместе! – Память вернула сказанное тогда, но тут же почудилось, как кто-то точно хватанул то за один, то за другой каблук. Под ботинки подвергивались скользкие скрипилье камешки, и редкие, рассыпанные мелкой солью, звездочки насмешливо покачивались в такт шагам, оставаясь на своих местах.

...По асфальту, расширяя и удлиняя дорогу, запрыгали, вытягиваясь, фарные лучи. Вскоре прошелестела, турбинно позванивая, стремительная пятидверка. Позади неожиданно вспыхнули сочные рубины – машина замерла. От блеснувшего

перламутром бока исходила высокомерная изящность и хардрогская ностальгия.

Не приглушая музыку, из машины спросили:

– Куда?

Артеев назвал.

– Тарифы знаешь? – Прыщавый парень в спортивной шапчонке с пампушками крикнул сумму и, не услышав ответа, выскочил за стекло, едко сверкнув желтой фиксой. Добавил беспрекословно: – Ну и шляпай, дядя!

Мотор фыркнул. До Артеева, обдавая гарью, донеслось с пьянотатым тонким девчачьим визгом:

– Козлан!.. Коз-ла-ан зака-астрованный!

Фонарные огоньки с мурлыкнувшей мелодией метнулись в темень, и не успел Артеев погасить появившееся внутри жжение, как все исчезло. Будто и не было никого.

Успокоившись, он различил сходящиеся где-то в неясномпереди извилистые линии черных верхушек деревьев с обеих сторон пути, проявляющиеся туманные пятна облаков. Шел Артеев ходко, по заросшим сорным, некультуренным лесом, обочинам придорожья не смотрел, а искал невидимую финишную излучину и чувствовал свою уставшую сыреющую кровь.

Он мог пройти весь путь с закрытыми глазами. Здесь всё полотно, ширина, повороты, уклоны, отсыпка, дренажи, кубометры, сметы, наряды, тонно-километры, СНИПы, пересечения и примыкания – абсолютно всё знакомо наизусть. Потому что давалось с нервами и потом, с лишением премиальных и выговорами, то есть с будничным, часто не так организованным из-за разных мелочей, трудом. Это в официальных бумагах просто пишут о супесчаных, суглинистых или глинистых грунтах. Мол, есть они и легкие, и тяжелые... Для Артеева в Республике Коми не было никогда маловесной дорожной одежды. Любого маршрут припомнишь, – на каждом из них покрытие, строительные материалы, вид укладки – все-все непросто, с вязкой усталостью, с ожиданием конечного пункта. Но всегда было главное – открытие!

Он представил, как произойдет встреча. Пока идти прямо, до первого горизонта. После спуска-подъема сворачиваем влево. На перекрестке – трубная дуга газова, от нее еще чуть-чуть по

линеечке, между высоченных, отсаженных в послевойну, говорят, эзками, мохнатых лиственниц – и внизу, под холмом, будет многодомье. Он пройдет дальше, мимо угловой – над оборотистой речушкой-мелкашкой – двухэтажки, и, не поднимаясь на крыльцо, тут же увидит ее. Не дав войти, еще там, в сумеречном коридорчике, где постоянно держится дух моченых огурцов и подсушенных березовых веников, прижмется к нему Надена. Метнется навстречу в сиреневом платье, прильнет. Не отстраняя ее, он закроет дверь и они замрут.

Потом начнутся хлопоты. Надена раздует допотопный круглый, по-старинному медноликий, самовар. Принесет с балконной кладовки миску нарезанной лапшевой белокочанки, горчично намастит ее, обсыпет, украшая луковыми срезками – дужариками². Поставит на открытый узорчатый полотном стол пузатенькие, дымчатые рюмки и, охнув, убежит на кухню.

Неспешно и с удовольствием раздевшись, он устроится на широком, с несдавшимися пружинами, кожаном огромном диване и будет ждать. Да, еще включит проигрыватель – нигде ему не услышать таких пластинок с аккордеонными фантазиями, только здесь! Надена появится тут же, поставит здоровую кованку яичницы в картошке, в жарящем сале и отпахивающей зелени, под помидорными кольцами, широко нарежет хлеба, разольет лдяную водку и, маняще мелькнув узким вырезом в платье, обрадует. Со свиданьем, Виталечка!

Стекло зазвонит тоже радостно. Они сольются взглядами, и Артеев увидит радужные, бешеные остро вспыхивающие зрачки. Рассмотрит мягкое, в огнистой невзрослой улыбке, лицо, круглое и совсем-совсем некрашеное, безмакияжное – и все станет невесомо и тихо. Так легко и так неслышно, как бывает на осенины в цветастой путанке леса, накопившего за щедрое лето жизнелюбного сока и согласно замершего в ожидании скорого, неминуемого листопада. Артееву приятна гулкая тишина дождавшейся женщины, и он зажмурится.

Он приблизит ее к себе, прижмется, уткнувшись носом куда-то в горячую шею, зашепчет, прижигая ртом мочку уха. Послушает. Витечка, кус-снятинка моя! Они обнимутся, и дышать будет нечем, и станет еще жарче, и, не нацеловавшись, они обессиленно замрут, и Надена снова начнет нетерпеливо искать уголки его перегревшегося рта и просить:

– Захмели-и!

И Артеев, ласково и требовательно распахивая шуркнувшей “молнией” платье, сумашедше вцелуется в пахучие груди, в плечо, во все показывающееся дурманящее отзывчивое тело – и не оторвется, пока не вберет в себя слабый вкус крови ее губ. Она засмеется и, насмешливо отстранясь, позволит перерыв.

– Ах-ах, мы так отвыкли, что и силушки тью-тью, да?

Потом она, не оставляя объятий, хитренько затянет:

Со своими мужиками

Жить, как вчерашний суп любить.

То ли все самой варить,

То ли пить, то ли мужеству учить,

То ли хором материть или соло плакать,

То ли молча колотить,

То ли в глазочки хитрить,

То ли, фу, друг на дружку ка-ка-ть...

В общем, жить – наверх бревно катить

Со своими сильно-хрено,

Сильно-хрено слабаками.

А с чужими мужиками

Я желаю лишь всего

Задуть двумя руками

Возле сердца своего.

И сама, опаливая звонкими, жадно волнуемыми прижатиями, увлечет запыхавшегося Артеева на сладкое обоюдное занятие.

Надя, Надя, Надена!

Кто она мне?... Видимся-то не больше чем сезонов в году, а на душе располагаются надолго. От внимания ее даже башка кружит, будто от чистого кислорода. И вообще – умеет она смотреть как-то признательно, замирать с удивлением. Если б не она, всегда недоставало бы того, что есть, по артеевскому разумению, любовь. Если она, конечно, есть...

Будто защитный экран встанет эта ночь между той жизнью, которая у него в Ухте, и той, что будет здесь, в конце дороги. И никто не попрекнет его ни поздним приходом, ни меньшей, чем у

нормальных мужиков зарплатой, ни повторенной в душевном разломе крепкой стопкой, ни запущенной дачей, ничем. Надена просто, в охотку, встретит. Просто будет рядом с ним, безмятежно и, соскучившись, любить, рассказывая всякую всячину, что можно слушать наполовину. Расспросит: куда ты ездил? Зачем? Доволен? Что тебя занимает?

Господи!

И не будет никаких всхлипов о несостоявшемся счастье. О твоей дурацкой, никому не нужной должности – шоссеинженерик, тьфу! Когда порядочные мужья и за границу прорываются, и квартиры-коттеджи обустраивают, и машины накупают, и – вообще...

Только кто же знает, как это самое счастье творить? Может, оно и есть в том, чтобы не гнаться и не набирать, – не в стаде же, – а вот дано тебе грустить, так до колик груститься, и смеяться как хочется, а тоска шархнет – и жить неохота! А изумляться, если повезет, – так точно прежде не знал вовсе и все-все впервые. И если любишь беспомощно, то так, что возненавидишь.

...Позади воздушно пшикнуло, Артеев, спиной ощутил горячий радиатор шумно тормозившего ЗИЛа. Ржавый, пропыленный свет зажал плечи, заставив отпрыгнуть вбок.

Правая дверца откинулась. Артеев, ничего не говоря, забрался в кабину. Усатый водитель в домашнем вязаном свитере, мелком глянув на него, стронул грузовик. Сразу стало покойно.

– Закурим? – предложил Артеев.

Усатый кивнул, и Артеев протянул непечатую белую пачку “Кента”.

– Оставьте себе! Еще ехать же...

Неторопливо зажгли по сигарете. Потеплело, и Артеев осмотрелся. Над приборным щитком – старенький ВЭФ, из первых, в металлической прихватке. В крышке ящичка-бардачка закреплен будильник, внизу – термос. На задней стенке кабины – лист календаря с женским абрисом. Больше ничего лишнего – хозяин!

– Мне до Седью! – напомнил Артеев.

Не поворачивая светловолосой ухоженной головы, усатый успокоил:

– Довезу...

В следующую секунду оценив вид Артеева, который разглядывал пробивающуюся среди глухих лесных стен дорогу, шутнул:

– Подлюбнуться, да?

Артеев, не успев ответить, качнулся вперед, и водитель, растянув стриженные усы, хохотнул:

– Я так и подумал! Что, те господа промчавшиеся не взяли?... Завидки везде! Хотя вроде как и весенью не тянет уже! Минуса зашекочат скоро, а не бабы... Их лето – вжик, что стартером крутанул. Какое женство нынче, какие бабы – такое и бабье лето!

Артеев невольно улыбнулся такой упрощенной мудрости. Водитель, сохурясь, еще раз навскидку, с перерывом на дорогу, обмерил его насмешливо. А чего, вроде вы не селадон еще... не заглядился!

Проверяюще осторожно потрогал свои волосы. – И я стригарюсь. Пока. Э-эх, любовка-любовинка! Если в охотку, то на-а-до! – и поддал газу.

Машина бежала посредине полотна как по взлетной полосе, и Артееву показалось нестранным такое сравнение. Этот мужик и в небо подняться сможет! Настроение окрылилось, молчать становилось нехорошо. Помог усатый:

– К кому – не спрашу. Но чего далеко так? Целинницу нашел или тиходалку вкусную надыбал, а?... Вроде все известны! А, может, невесту арканул христову? Есть, есть штучки... – Он лукаво сверкнул, подмаргивая правым голубым глазом под зыбкой бровью. – Одна Ларка-электричка чего стоит! Заездит до капли последней в баках. Даст так даст, но и заберет все. Отхва-атит! Есть еще Мариша-крутка, а у нее сестрица: это трибка с бамберами, во-о!

Не поддерживая такой разговор, Артеев смотрел прямо, и водитель извиняюще похлопал ладонями по рулю.

– Да-а!.. То я так, от водил насышан. Мы ведь иногда хренней бабы-оторвы... протрепем все, со штанами и запчастями. – Переключив скорость, глянул на мерцающий циферблат часов. – Приеду, на воду с-под крана гавкать буду. Нахлопался, зараза, хамсы с картоплячкой, не убережался!.. А-а, сколько той жизни? С полкопейки...

Включил транзистор. Радио передавало новости. Президент, исполнительная власть, борьба с коррупцией, обстрелы... Не дослушав, усатый раздраженно щелкнул ручкой ВЭФа.

– Как вы... как смотришь на это все? – он не договорил, но Артеев понимающе молчал. – И черт, видать, не знает, что мудачат... Заплетяли нас! Похоже, теперь только и соображать начнем, что прозаничали и как было... А чего наманают, – водитель потыкал вздернутым большим пальцем в картон потолка кабины, – уж попоминуют за нами, сообразят – напалчутся!..

– Да, странно многое! – подтвердил Артеев, но особенно обсуждать надоевшее в политике не желалось.

– Уебище! – Не выдержал усатый, стукнув кулаком по баранке руля. Вцепился в нее, точно ЗИЛ решил увильнуть с осевой. – Государство на шею себе удавку намотало, са-а-мо! Что, не так? Гниль, кругом мотовство, от мозгов до мошонки!.. Про природку – земелечку, – он обреченно махнул ладонями, переводя дыхание. – Нет, нужен нам все-таки царь! Президент – это не наше, у нас по истории хозяином – царь, верно?.. В горах и на Азии что натворили ведь?.. Кто в комках здесь первым отвел носами? Кто раньше лица деньгу совал? И до сих пор сует!.. Э-эх, эСеН-Ге это на палочке!

– Президент тот же царь и есть! – вставил в тон Артеев. – У него та же власть!

– Э-э, нет! – добавил уверенно усатый. – С нами потоньше надо, но и покруче! Да чтоб поумнее, чтоб до души, в характер вошло. Нужен царь, и чтоб каждый из нас был сам с царем... Может, и будет еще Петр или Борис четвертый, после повидим!.. Да только сколько той жизни осталось?

Помолчали. ЗИЛ монотонно шумел, подминая дорогу.

– Чего ты? – не усидел без разговора усатый. – Как селедка снулая!

Артееву не говорилось.

– Давай лучше музыку! – И потянулся к приемнику. Когда-то такой вручали ему как премию – за перевыполнение норм на строительстве свиначника в сибирском совхозе и сельских дорог. – Хорошая штука – ВЭФ!

– Поищи!.. Это а/я мой! – дружелюбно согласился усатый. – Личный абонентный ящик! Повертишь – аж есть захочется! Люд-и-и – ко мне!..

Ночной эфир сразу отозвался звонкой частушкой:

Секса нынче всюду столько,

Мужики бросают пить!

Помогла им перестройка

К женам чувства разбудить!

Под гармошкины переборы водитель хмыкнул:

– Брехня!.. Пол-Руси под мухой, а сколько – на мушке?!.. Не так сказанул начальству, тебе – шшел вон!.. Другой покладистой будет, вон сколько без работы!

Где-то хороводе подхватило солистку:

Секс по вкусу нам пришелся,

Да зарплаты мало на еду!

Тут сосед так разошелся –

Чуть не съел свою жену.

Артеев огорченно подумал, что и в концертах мало стало зовущего – сплошь сожаление!

Водитель вдруг дерганул несколько раз рычагом заслонки. На худом усталом лице запытались красные отсветы отказной лампочки, и машина сбавила ход.

– Эх, бабочки – бабы! – ругнулся он, пристраивая ЗИЛ к краю асфальта. – То нету в жизни мужика, то есть мужик, ан нету жизни!

Двигатель заглох.

– Прива-ал! – объявил усатый. Приемник успокаивающе начал передачу для полуношников.

За лобовым стеклом киношно оконтурилась черно-белая фигура.

Перекрашиваясь и шевелясь, выросла тень. Поднявшаяся крышка капота затемнила изображение, звуки исчезли. Артеев, дремая, сомкнул веки.

Проснулся от гаечного стука. Согнувшись поближе к “переноске”, водитель возился с разобранным карбюратором. Посвистывал тоненько под шансонье.

– Промашка моя, звиняй! – Он провел завернутым рифленным шерстяным рукавом, вытирая лоб. – Думал, в гараже основательно переберу...

Артеев присмотрелся к движениям рук. “Молоток! Со всем справится”.

Ему только сейчас заметились густые коричнево-розовые борозды ожогов. Хотел спросить, но водитель, похоже, продолжал наболевшее:

– Без хирургии никак!.. Горбач, вон, пытался терапией, а надо, оказывается, и скальпелем, и лучиком лазерным... Хирург хороший всегда в тебе!.. Вот как Гавриил курганский...

– Почему Илизаров? – удивился Артеев.

– Тю-ю! Я ж сказал, какая хворь кругом! Уебище, это что? Развал тела, гниля-а! Кости треснули, скелет растопырило!.. Врач царский нужен, костоправ, чтоб был во-о!

Артееву стало ясно, что его мнение сейчас и не нужно. Иной раз помогает немешание. Как есть, так пусть и будет.

– Знаешь как пробивался к Илизарову?.. Три года плюс семь месяцев. Да три недели! И только с разрешения... Через тую Москву бумаг с кузов мой перенаправлял, туда-обратно! То письмо, то телеграмма, то копия болезни, то анализы... И всюду, знаешь, ни единой его подписи! Вокруг – да, а в середку к нему – никак!.. Короче, прислали заключение, заочное. То-то и то-то, мест дочке вашей нету, ищите другое лечучереждение!.. И печати – сверху, понизу...

Артеев слушал, не вникая. Изредка прикрывал глаза, чтобы спрятаться. Может, снова лучше пешком? Половину, даже поболее, проскочили... А если ничего с движком не выйдет? Хотя непохоже – у таких получается!

– Деньжат собрал, дозаял – с гарантией чтоб. В самолет – и туда! С дочуркой. Вот так посадил на себя, палочки под мышки...

– Виноваты, оказывается, люди все-все друг перед другом. Здоровых почти и нету, – вздохнул Артеев.

– Ящик коньяка притащил. Через три дня дрочечка моя – в палате. Ну, операция, – голос водителя сдал, почти растворился. – Аппарат на обе ножки поставили, каждый вечер по оборотику подвертеть надо... Я радовался: вылечилась! Слава Богу... бегать будет, родить сможет. Все как положено! А тут жена хворанула. Прописали здоровый, без сырости климат – и что делать? Где тот климат брать? Рубликов – чка³, на заводе понять дали: нужны проценты, а не твои отпуска без содержания. Плюю-у-нул! Не старшей если б, если б не брателя, то бы... – он и вытянул из куролесья.

Усатый чертыхнулся, разыскивая наощупь на полу неударжавшуюся отвертку.

– Потом круговерть пошла эта. Ты кто? За кого?.. Татары – сюда, хохлы свое, нас уматывать в москали!.. Море под носом одно, а флагов понавешали – цирк!.. Княждворье удельное! Во что Чечня обходится! А мы марабеками стали и маракасами, нигде работы нету: болту-уха!.. Мудократия и есть уебище!.. Короче, взял младшого, чтоб о себе поменьше думать – и сюда, на разведку. Старшой тоже рвался, но мы решили пока вдвоем.

– А сейчас все в Коми? – вынужденно спросил Артеев.

– Да-а...

– А чего так с обидой? – удивился Артеев.

– Невмоготу, – сразу ответил водитель. – И крыша, вроде, есть, помаленьку устроилось, и занятие по мне, и приплата, а вязко-о! Как на болоте. Идешь: сперва – ничего, позади твердо и вернуться можно, а подальше? Пьянство повальное, равнодушие, запустенье. Что ни попросишь, что ни поручишь, даже за цену неплохую. А-а, ничего никому не надо!.. И не бедствуют вроде, а производство-то сыплется. Как в амбаре дыривом – труха-а!.. Ташат и по привычке, и на всякий случай на завтра. Такое наворотить можно либо специально, либо по дурости...

– А фермеров, что ж, нет? – по-газетному поинтересовался Артеев.

Усатый скептически зыркнул, сосопел, продолжал возиться.

– Не хочется, знаешь, верить, что колхозы-совхозы отжили. Что не будет ни дотаций, ни прощения долгов. Умом-то жить да трудом умения не хватает, да еще быстро надо варганить башкой! У тех, за бугром, фермеры тянутся, объединения ищут: выгодно, только работай! Да-а... Были и у нас арендаторы, но та же крайность, как и прежде. Помогать приказали всем – должочки до сих пор безадресные висят!.. А кто может и хочет работать – их, вот, жаль. Что там, под верхотурой эСеНГе на спичке, что здесь – одна хреновина. Как в сортире!.. Ну, взял я теленка, да мы все взяли, сараюху слепили – так комбикорму где купишь? Значит, воровать? Считаю, считай!.. Ладно, мясо животина наберет, а поди сдай – замудохаешься... Вроде и не хралел, дело делал, а всюду как подножка, все – против!

– И теперь так? – Артееву не верилось, что такому человеку не везет.

– Строить стали. Дома. – Водитель заговорил бодрее. – Нашли союзника. Не спонсора – союзника. Директор прежний сколько лет шабашников привечал, те аж с буквин летали – только плати по маку. А люди, что вселялись потом – плевались за такую стройку!.. Я и сам не понимал поперва: свои, местные, мужики просят работу – хоть пилораму дай, любую дощечку в узор выведем, и на этажи эти силенок хватит... Не-ет! Своим – хрена, чужарям – сейф открыт!

Артеев хотел было подкоротить монолог, но усатый, похоже, и сам завершал – карбюратор был почти готов.

– И администратор другой пошел уже!.. Не чинарь, двигун. Поумнее! Рисковой! – затягивая винты, договаривал усатый. – Никого еще не выставил, кроме кто сам себя за ворота вывел, по лени или по Буль-булю!.. Седьмой дом сдаем. По индпроекту!.. Вот шифера довожу маленько...

– Значит, беды из-за головы? – подвел черту Артеев.

– Не, не все, но... Этот сам работает – зарабатывает, мы же видим, и другим дает. Обещаний не боится, держит слово. Не мстит, если не по нему... Помощников умеет найти... И дышать стало легче!

– Так это классика управления! – поддел Артеев. – Прежнего-то кто вырастил, да еще и выбрал единогласно?.. А этот такой хороший – кто?

– Узнаешь... – хитровато улыбнулся усатый. – Дал он понять нам, что надо под ноженьки собственные поглядывать лучше!.. Спутники-то смысла особого нету на чьих-то орбитах завидками метить, и кивать на верхи зачем, в конце концов?.. Даль такая и не слышать!.. По-моему, наше, вот мое, нас вообще, мужиков, – так это докормить батькив, детишек поднять... чтоб дробочка веселее нас жила!.. И налюбовиться успеть надо, а? Сколько той жизни осталось – на полкопейки!..

Он затянул последний винт, вытер до блеска ветошью собранный карбюратор.

– К движению товсь! – и исчез в ночи.

Артееву стало хорошо. Совершенно незнакомый человек не искал никаких виноватых в суматошном, забирающем уважение к самому себе, сегодня, не хандрил за домашние беды и боли неличного значения, не жаловался на ушедшую и взбравшуюся власть. И зачем? Он не скрывал себя – было это не современно, но именно открытость водителя приятно возбуждала. Вроде лишь шофер, а жить только за деньги, харчи и барахлишко – ему мало! Непременно нужно знать: кому нужен, кроме семьи, опыт его, ум, кто поймет его и, значит, кто увидит в нем человека!.. И не когда-нибудь, после перемелки, а сию минуту. И какая сложится хата у дочки?

Артееву понравилось, как усатый называл ее. Дро-ле-ечка! Он произнес с привкусом, пытаясь представить неведомую девочку, но внезапно увидел свою: Галинка почему-то затихла после свадьбы, появляется в родительской квартире замкнувшись, слезливая. Не заладила у Галчонок, видать? Что же там не складывается в твоей хате, доча?.. Ели-пали, наверное, скоро меня дедом сделают?

Он засмеялся грустно про себя, оглянувшись, ощутив чье-то присутствие. Плоская линия плакатной женщины показалась ему живой, захотелось коснуться и погладить потеплевший глянec. Он – дед!.. Во-о! А куда едешь, дедуган Артеев, и почему? Старик чуть старше сорока... Действительно, многое уже на финише. Вот и век закончился – не то, что штучная – тьфу для истории – жизнь какого-то Артеева. Повезло, перевалили в 21-й, а – что там? Как?

Он сдвинул щеки, с усилием потер ладонями стынущую кожу. Ве-ек! Целый век на его судьбе – изучал, видел, знал. Как начался он беспокойно, так и кончился. Проверятся все: слова, дела, понятия верха-низа, добро и зло, вкусы, чувства, музыка... Что останется от всего этого, от меня? Какие дороги?

Машина тронулась, набирая скорость. Мысли оборвались. ВЭФ убаюкивал.

– Если не застрянем снова, согрешу, – довольно произнес водитель. – Моя вареники обещала: суббо-ота!.. Можно и на развязях чуть-чуть. Если в шею не накладет, конечно, и я ж не дома еще, волнуется себя...

Закурили.

– Твоя, поди, давно под одеялом? – сладко затягиваясь, не хотел молчать усатый. – Не знает?

Отвечать Артеев не стал. Наверняка Надена спит уже. Может, и зря качусь...

– Восхищайтесь своим мужем. Причем каждодневно, – сочным, поставленным сопрано убеждала радио-дикторша. – Составьте список его достоинств и последовательно расхваливайте каждое из них, особенно его тело. Муж не должен оставаться без комплиментов.

Измурясь, усатый поперхнулся дымом.

– Ты понял? – выбрасывая сигарету, прибавил громкость.

– Принимайте мужа таким, каким он есть. Не пытайтесь его изменить. Приспособьтесь к его образу жизни. Не пробуждайте в нем чувство вины. Смотрите на него как на короля и заботьтесь о нем. Будьте той, которая соблазняет.

– Нет, ты чего-нибудь понял? – переспросил удивленно водитель. – Во-о, дает!

– Мы закончили чтение очередной главы из бестселлера Марбел Морган “Искусство любви” об основных правилах поведения жен, – ВЭФ с многозначительностью замолк на время, – со своими собственными мужьями. Если хотите, чтобы дома было все прекрасно, следуйте золотым советам американской писательницы. Ждем ваших отзывов и предложений по адресу...

Высматривая скорый поворот, Артеев сдержанно лыбился. Сколько раз, интересно, эта мадам была замужем? Такие советы, ого-го!.. Видать, Марбел знает толк в нашем брате, если пишет так. Хотя брак вполне может привести любую женщину к тому, что и остальных, не своих, несложно точно также тягать за носы... У женщин это в природе, от природы. Это дело, если неудачно, поправить можно, а брак несложившийся – вечность...

– У них, за океаном, даже это не так? – спрашивающе перебил водитель. – Хм-м, цар-рицы!.. Королевы! Неужели подсказкам таким кто-то последует, а?.. Наши, по-моему, сразу подды вдарят, для верности, хоть ты и король-царь, а топай, зашибай, вкальвай! И то должен, и это, да еще и в дураках будешь за “не так”. Хана – весь ответ. Все искусство! Но я бы глянул на нее – ох, и поглядел бы! А после можно и на того, на мужика ее...

ВЭФ играл танго, Артееву захотелось раствориться, исчезнуть, уйти за стенки кабины, в другое измерение, даже в небытие – лишь бы были такие вот саксофонные приливы-отливы, поднимающие и отпускающие нутро. Чтобы душа, не спеленутая, расплакалась и насмеялась. Лишь бы не было зябко...

– Нашли когда учить, – огорчился усатый. – Дрыхнут же все! Наточка надо, утрецом... пока вместе, и не переругались еще. Между прочим, не соображаю вообще, как ссорятся. Как можно, к примеру, ругать хотя бы этот палец? Только за то, что не так поступил? Тело-то все одно, мое – наше...

Откровенность его начала тяготить Артеева. Он стал уставать.

– Непонятно-о! – В моей что привлекло, знаешь? – Усатый лукаво удержал голубой взгляд на нем. – До сих пор держит, не поверишь. И охота к ней!

Повернувшись к Артееву, открыто и долго глянул в его застывшее тоскливое лицо:

– Мил я ей! Мил – и все из этого! И легкая она, во-о!

Артеев вынужденно ответил понимающим взглядом. Повезло тебе, усач! Собрался сказать это, но передумал. Прозвучит как комплимент с какой-то завистью. Есть же таланты – просто жить, а не учить других как надо. И бегства в душе у таких нет. Но остальным что делать? Солнце одно, а греется по-разному. Вот он – домой его тянет, а я – обратным курсом...

Сглотнул скопившуюся слюну. Как же тогда сказанула Галчонок?

– Я люблю тебя, мама, – вытирая набухшие глаза, она говорила неровно, сквозь рыдания. – Очень люблю. Хоть ты и директор школы, но зачем мне советоваться с тобой о нас, когда ты не сумела наладить у себя?

Артеев и сейчас засмеялся ответу из любого романа:

– Потому что твой отец неудачник. И – подонок!

– Нет! – уверенно произнесла дочь. – Он и не должен быть аналойной иконой. Это ты – рашпиль. Ты – одна нота! Как стон, как вой! Ты – непрерывный шторм, девятый вал! Не семья – чистилище!.. А жене лучше всего быть не только заботливой – ей надо нетрудной быть. Легкой!

Легкой? Да, дочка так и выдала: лег-ко-ой! Артеев вслушался в это слово. Показалось, что он физически принял его определенность. Галчонок ты мой!

– Тормозни! – неожиданно крикнув, Артеев схватил усатого за рукав.

– Прижало? – нехотя отпуская педаль газа, водитель глянул в его сторону. – Поворот скоро! Тебе, вон, и зеленек горит!

– Останови! – твердо настаивал Артеев, заметив светофорную точку. Толкнул, открывая дверцу.

Усатый заглушил двигатель. Сделал неслышным приемник. Машина прекратила движение мягко, замерев у края дороги.

Насупившись, водитель проводил потемневшим взглядом выбирающегося из кабины пассажира.

– Давай подержимся хоть! – Хлопнул вдогонку по спине, и Артеев вполоборота пожал протянутую цепкую ладонь. – Если что – отыщешь на дороге! Сколько той жизни осталось? На полкопейки...

Артеев, не расслышав его имени, кивнул и, не касаясь подножки, спрыгнул как в глубину. Ощущение ошибки или правильности он еще не успел обнаружить в себе.

РУБЕЖ ВОЗВРАТА

*Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус
Окончательнее пасть.*

М. Цветаева

От свободы уже никогда не отмыться.

И. Бяльский

*Что в крови прижилось,
То не минется.*

А. Баркова

Было так и вчера, и позавчера. И раньше.

Прошедшие дни складывались как-то сами по себе, и к исходу любого из них у Виктора сил уже не оставалось. Он забывался там, где настигала его хмельность, а назавтра и потом почти так же все повторялось.

Заходили соседи: шепутной каротажник из геофизической экспедиции и щербатый, со сбитым вкусом носом, таксист. Появлялись и незнакомые совсем парни, приводили женщин – те хозяйничали, поглядывая на ватного Витьку, разогревали что-то, жарили, переливали, и тесноватый для компании стол оказывался занятый до предела китайской тушенкой, крупными ломтями малосольного гыданского омуля, жарехой из картошки с грибами, здешним хариусом и ломанным хлебом, казенными незрелыми томатами и, разумеется, бутылками.

Женщин этих Кошняков не знал, но они были инициативными, веселыми и сговорчивыми, и Виктор, не умея отказывать, соглашался продолжить, “постучать по капоту” или сбежать в комок за парой сосудов – доставал из бумажника. Пока мог...

Вечеринки такие, где все говорили обо всем грубовато откровенно и вели себя также просто, без условностей и манер, ему нравились. Забывалось обидное, пропадала накопившаяся усталость. Подвыпив, Кошняков оживлялся, даже веселел – и хотелось сочувствия. Кто он теперь?

Месяц назад Виктор Кошняков положил перед командиром летного отряда свое свидетельство, сдал в штабе краснополосый пропуск на аэродром и, получив расчет, перестал быть штурманом. Стал никто.

Вышло, как считал он, несерьезно. Даже глупо. Ну ладно, если бы плутанул с курсом или рубеж возврата проглянул, если бы завел вертолет в таргарары, если бы на вынужденную сели без керосина или что-нибудь еще... Виноват – наказывайте! Так ведь никаких замечаний по ремеслу. А из-за чего выгнали?

Прислала начальству письмо жена – это Томка-то! – что странно как летают у вас подобные Кошнякову. Людей возят, для хозяйства народного серьезное дело делают, а в любом аэропорту по любовнице имеют, семья-ячейку разваливают. И не только свою! Как с таким вообще жить, когда объявили демократию и расшнуровали цены? Что сейчас – нормальным замужним дамам тоже создать ассоциацию для своей защиты? Или предупредительную сидячую забастовку организовать у плиты и постели? На пару недель! А, может, надо ввести штрафы за выявленную супружескую неверность или какое иное законодательное воздействие? И стоит ли рисковать пассажирам, если такие коты как Кошняков управляют машиной в полете? Если уже на земле он неустойчив, то что ждать там, наверху? А поскольку муж больше не дома, чем дома, то куда же смотрят командиры – отцы? Может, и они такие же?

Пожилая, в крашенных куряшках, секретарша, оторвавшись от печатания, задержала Кошнякова.

– Что за шлагбаум, Семеновна? – поправляя крутящийся галстук, поинтересовался Виктор. – Неужто и мне подфартила оперативная точка в чернокожем раю? Это что ж, Сальцов решил сменить мне полярный Ямал на Папуасию, да?

Секретарша грустно усмехнулась, не отвечая.

– Скажите! За мной не заржавеет, вы же знаете! – Кошняков ласково коснулся ее пальцев на клавиатуре машинки. – Вас устроит, мадам, контейнер спелых бананов? Спецрейсом через Сингапур!

– Шути, цыганча, шути! – сочувственно остудила она. – Здесь сердечных разборов не любят. Души не нужны ему... – Уступая открытой нетерпеливости, женщина устало перевела дыхание и добавила жалея: – Тебе, похоже, точка другая выбрана!..

– Тю-ю! Чего вертолетчика пугать-то? – блеснув угольными зрачками, Кошняков пошел к командирской двери. – Мы и так все в грязи и нервах!

Того, к кому он был вызван, Виктор не переваривал. Как и большинству в отряде, ему быстро стало понятно, что человек этот, добившись к финишной должности громких наград и известности, не умел нести это скромно и тихо. Его побаивались рядовые пилоты, опасливо не приближая к себе – знали, что любое проявление собственного мнения может аукнуться самым неожиданным образом: от обострившихся зачетных проверок до заметно долгого засиживания без полетов, от мелочных придирок к оформлению служебных документов до торможения при повышении в классе. Куда уж там, молодняку, до ввода в строй петушиться, если и старики помалкивали зло...

Еще страшились Сальцова потому, что ничего колкого, уязвляющего его отряд, он не позволял выявиться наружу. Такое беспроblemное положение всегда устраивало вышестоящих, но делало молчание подчиненных неровным, взрывным, убивая незаметно уважение, отравляя открытость и прежнее дружелюбие. Накапливающаяся в отношениях неискренность обнаруживалась все же каким-либо конфликтом, но все равно масштаб его оказывался местным.

...В том рейсе требовалось поставить емкость. Брюхатая попалась, хлопотная для стыковки с ловушками, да еще в тесном шахтдворе, между пылящим терриконом и кирпичной трехэтажной конторы. Заказчик с экипажем предварительно все пересчитали – машина потянет, неприятностей не должно быть. Оговорили работу и сумму наличными.

Когда притопали к месту на бредущем, Сальцов взял управление вертолетом на себя. Покружил возле шахты, утюжа воздух и присматриваясь, повисел. Потом по рации говорит:

– Отрезайте треть! Не пойдет!

Сели неподалеку, выключились. Прораб примчался на “вахтовке”, зрачки – на лбу. Что такое, спрашивает. Экипажные отворачиваются, будто не слышат, возятся в кабине – каждый на своем месте. Кошняков не выдержал:

– Не получается, извини!

Зыркнув на него, Сальцов медленно стянул замшевые перчатки, поправил бел шелковый шарфик:

– Я же сказал – режьте треть емкости!

– А рекламировались! – рассердился прораб. Виктор видел, как побитое рыжиной опалое его лицо покраснело. – Хрен кому верить можно!.. Курите, господа летчики! – пригоним трубочей из СМУ, резанут автогенно скоренько...

Приехали сварщики, укоротили. Сальцов взлетел, опять елозил, елозил – выключился. Коричневым пальцем тыкает из открытого блистера с левого кресла:

– Еще режьте!

Чиканули снова.

После того, как воткнули на площадку вместо трехтысячника бак, уменьшенный больше чем наполовину, Кошняков ощутил себя подлецом. Но акт в конторе обе стороны подписали, и лишь когда пилоты уходили к вертолету, мужики-монтажники дали в спину понять: мол, сунули бы тому лысому еще паченку-другую прямо в кожан, так бы и перевез емкость. Без лишней резины. Ну, и буру-ун, гад!

– Так вот, слушай внимательно! – командир отряда бережно пригладил жиденькое, белесое волосье между ушами. – За душевные сенсации мне не платят, а в штатном расписании у нас бабники не предусмотрены, понял?

Остановившись на входе в кабинет, Кошняков смотрел на крутогобого, невысокого командира. Тот дробно постучал по письму на столе желтоватым, обточенным ногтем.

– Оставляю тебя при единственном условии...

Кошнякову захотелось плюнуть и хлопнуть дерматиновой дверью, чтобы сорвалась полированная табличка. Сейчас этот... выдаст коронное свое, и – шабаш! Отомстила Томка, ничего не напишешь! По-бабски...

Нездоровой рыхлости щеки Сальцова натянулись, делая лицо холодным и бесцветным.

– Зачитаем на общем собрании послание любимой супруги. Если найдется экипаж, что возьмет тебя... до первого случая – хорошо. Напылишь – сядете на земле все и навсегда! Согласен?

Кошняков знал про этот испытанный сальцовский прием. Сколько историй рассказывали пилоты, но редко кто припоминал: находился ли в отряде Макаренко? Хотя нет, был. Старики говорили об одном “чокнутом”. У него в экипаже радист то ли в вытрезвитель попал, то ли вообще загулял и сорвал вылет, но рапорт написал. Командир экипажа с радистом. Раз не могу воздействовать на члена коллектива, не должен, значит, и экипажем руководить.

Но то ж когда было-о?

Сальцов испытующе насупил лоб, и показавшиеся навкате, великоватые, глаза показались Виктору серо-желчными.

– Тут очередь за валюткой на год расписана... Не чета тебе рвуться ко мне! А где за кордоном летаем – тебе известно. Или на чужих подушках карты штурманские пооставлял?

Не только в отряде знали, что Сальцов последний кокос отторгует, вытянет себе любое импортное задание: он был из тех, кто убежденно считал всех должниками авиации, а не наоборот.

– Решил? – не дождавшись ответа, добавил. Между прочим, жену бояться надо. Полезно! – И засмеялся, вквохча.

– Да пошел... вы! – не сдержался Виктор, круто поворачиваясь к выходу.

Что ж, Томка оказалась пророчицей. Больше он не вертолетчик. Ха-на! Как на четвертом развороте, когда потерял, проспал скорость. Только варежку раскрыл – рот уже в песке. Мордой в землю – не вылезти! Увидев дома оставленный Томкин ключ на пустой от парфюмерных мелочей тумбочке, он почувствовал себя слепым и глухим. Ох, и шикарный курбаш сотворила женщина! Томка-пустышка, у-у!

Некоторое время он жил в оцепенении. Зачем же она так?

Когда-то он восхитился ею. Красива, красива всем, мягка характером, терпима – повезло выпускнику училища! Как под руку, подвернулась комнатуха – и теперь его тоже с полетов ждали.

Лучше Томуленьки не было никого. Намотавшись по буровым, он рвался к ней, но спустя год, побыв немного вместе, начинал мучиться. Тянуло из обставляемого потихоньку уютного угла, как сквозняком вытягивало. Он стал ощущать себя невезучим, несчастным даже в пустяках – как это могут позволить себе лишь молодые. Он был удовлетворен почти всем, что ждал от начинающей жены. С тем, что не по его вкусу она иной раз готовила, что сама и без повода переставляла вещи, он смирился. Только то, что называлось им с игривостью шушанием и что

необходимо выполнять со страстью лично супругам, приводило его часто в раздражение. Томка отдавалась ему с какой-то внутренней заданной механичностью, и приходилось с усилием преодолевать ее апатию, монотонность одних и тех движений, одинаковой последовательности простеньких ласк. Это глушило, заставляло жертвовать своей чувственностью, он изматывался с ней как с куклой. Иногда же она была слишком послушной, но сознание права на любое обладание женой быстро ленило его – доведя себя до нерадующей облегченности, Виктор изможденно смаривался, засыпал незаметно, не убрав горячей ладони с левого соска, а она не единожды хватала рыдающим ртом цветастую наволочку, забываясь лишь за полночь.

Частые, в несколько недель, командировки по глубинным, необустроенным районам, наводили на Кошнякова своеобразную хандру. Навигацию он освоил, ориентировку на трассах вел толково. В сложной обстановке даже зажигался, когда пилоты теребили его: то курс дай посвежее, то на привод выведи, то уточни ветер. Зато потом, на длинных, выверенных множеством рейсов, перегонах он становился вялым, рассеянным от неинтересности полетов и быта, с похожими всюду сбоями в загрузке, в очередности заправки и отсутствии топлива, в отдыхе. Краткое возвращение в родной город разряжало, но не надолго. Окунувшись вновь в разлетную жизнь, с гостиницами и буфетами, Виктор стал искать хотя бы межрейсового лекарства.

Пороком свою тягу к прекрасной половине он не считал. Это не может быть и недостатком. Разве плоха чувственность не только к Томке – жене, у-у! Но и к другим. Если уж и подбирать подходящее слово, то, скорее всего, это СЛАБОСТЬ, которая в то же время и огромное достоинство. И только истинные мужские особи, как верилось Виктору, могут позволить себе все, что и как хочется. Он верил: приятный для слабого пола делает тоже приятное. Это стало как спорт, и он перестал считать очередных подружек. Не изменил его убеждений и уход жены. Теперь увлечения случались чаще. Всякие. Были и маленькие, незначительные, в одну ночь.

Как-то в зимнем Уренгое, где экипаж разместили в шестиместном стильном номере – тараканов и тех не было от стужи, – он пошел на дискотеку. Не успел разобраться, рассмотреть всех – пригласили. Красунечка в очках, правда. Танцевала жадно, тонко. Так и не отпустила, повела к себе. Тогда ему казалось, что потеряет сознание, что в самый интересный миг остановится сердце – от того, как и что она с ним вытворяла. За час до вылета по плану Виктор едва оторвался, собираясь на бегу и задержавшись на минуту на лестнице – с гордостью за себя. Теперь он знал, что это уже привычка.

...Вышагивая к вокзалу, Кошняков насмешливо не скрывал намерений от попадавших женщин. Для него сейчас и Томка – пустышка, пухлявая и раскиданная, при всем том, что она наделала, была бы кстати. Неожиданно вспомнив ее, он поразился: не клиент бывшую жену, даже не ругает. Странно, но он желает ее, хочет. Сме-е-шно! С какой овечьей тупостью он ложился с ней спать, бр-р. Все ей не так, по любой ерунде раздражение. Если сложить ее критику, то окажется, что Виктор Кошняков состоит абсолютно из ненужного, неправильного, неумелого, неудачного... Какой-то придурок неполноценный в летной форме – хотя и посмотрится! Не любовь, а нескончаемая, изматывающая борьба, где не может быть победителей. О какой семье можно говорить?

В отдающем пережаренной капустой станционном буфете он поел, не обращая внимания на безвкукусность. Когда в животе потеплело, зажмурился. Захотелось посидеть.

Большинство из находившихся в зале ожидания спали, не раздеваясь, на полукреслах. Только теперь Виктор ощутил плотно застоявшийся воздух вокзала, приютившего и пассажиров, и тех, кто не дошел, не добрался до жилья или кому некуда идти.

Запрокинув голову, неудобно полусидела-полулежала женщина. Глаза, нос, губы были затенены, но именно смутная расплывчатость линий лица, высокой шеи делала неизвестную привлекательной. Дожевывая котлету, Виктор любовался спящей с той жалостью, с какой глядят обыкновенно не на свою добротную собственность. Притягивали открытые выпуклые колени в абрикосовых, тонкого оттенка, колготках.

– У нее билет. На 108-й. – Разглядыванию помешал отлично одетый мужичок корешкового роста, отпивая парующий чай из термосной чашки.

Кошняков, шевеля челюстями, продолжал смотреть.

– Едешь? – отдуваясь, спросил тот с перстнем на правой, заросшей каштановым волосом, руке.

Виктор неопределенно промолчал.

– Работнуть надо? – мужичок не отставал.

Кошняков повернулся. Что за курбышка? Широкая, фанерной ровности, грудь. Сам коротенький, верно курбатый, непропорциональный: и такое заволосенье, и желтоватые, с холодным тусклом, зрачки, и удлиненное для его роста наспуленное толстокожее лицо под немецким кепи – все увиделось Виктору тяжелым, хищноватым. Несмотря на дорогой костюм, показалось и ущербное в нем, точно зажиточный мужичок перекошен внутри какими-то растяжками, и не будь их – был бы он совсем иным.

– Так хошь? – протянул он.

– Ну... – Виктор колебался. А если надо ехать? С таким куда?..

– Что ну? – не меняя тона, цеплялся мужичок, поставив недопитую чашку.

– Ну... можно – с усилием согласился Кошняков.

Мужичок заметно ожил. Вспыхнувшие глаза увеличились, заоранжевели, наполняясь заинтересованностью. Положение парня было написано на нем как на картине – от расстроенного бездомного взгляда и голодных движений до неглаженных давно авиаторских брюк.

Мужичок назвал сумму.

– И еще чирик в кубе! – произнес гордо, оттопыривая ногтистый палец с вензельным перстнем.

– Что? – не понял Виктор.

Мужичка перекривило. Он объяснил, что это стоимость каждой трапезы. Но только до осени. Да?

Не пряча удовлетворения, Кошняков дакнул.

Мужичок тихонько сдвинул на столешнице посуду, достал чистый носовой, в мелкую клетку, алый платок, вытер поочередно каждый палец. Кинул, смяв, в тарелку. Затем извлек из велюрового пиджака блокнот с ручкой – часами, аккуратно написал что-то. Также аккуратно оторвал страничку.

– Поедешь сюда. Найдешь Сафара.

Когда Виктор прочитал, мужичок попросил паспорт. Полистав, сверил фотоснимок и засунул во внутренний карман. В наволосенных мясистых пальцах шелестнули деньги. Отсчитав, мужичок протянул Виктору:

– Обед, дорога. Можешь тачку снять с козочкой. Но не позже вечера!

* * *

– Тутанхамон прислал? – прочмокал длинный со стриженными смоляными щеточками над толстыми губами.

Виктора он измерил как циркулем: левый глаз уперся в чубатую чернявую голову, правый – прошелся наощупь вниз, до поцарапанных, нечищенных туфель. Когда взгляд сошелся, он уколол.

– Будэш мой брыгада! – подытожил южанин.

И потащились дни...

До дрожи у Кошнякова ныли руки, немела спина и свинцовились ноги, после работы хотелось только заправить – если б можно было не поднимать ложку! – желудок чем-нибудь как двигатель горючим, а потом рухнуть и спать, спать.

Вставали в пять – и до моргания фонаря на растворяемом узле, пока Сафар не даст команду рубильником. Совхозу нужен ангар-мастерская для колесной техники, а лето здесь – короче заячьего хвоста. Нанятые поселились тут же, в турлучной, от нескольких эковских сроков, избе, освобожденной от недавнего красного уголка совхозного отделения.

Строили быстро.

Изредка наведывался Тутанхамон. Придирчиво посматривал на поднимающееся здание, пересчитывал поддоны с кирпичом, доски, мешки с цементом. Помечал в блокноте, уезжал, а назавтра из города появлялись рыкастые КРАЗы, нагруженные пахучим, свежей нарезки, брусом, шиферными пакетами. “Татры”, раскорячив колеса, тяжело везли песок, щебенку.

Кошняков уставал все чаще.

Рядом стал оказываться Серега, балагуристый, с жилистыми кистями – не то середнячок, не то еще юноша. Обветренная, неровного коричневого мазка, кожа на втянутых щеках да паутинный унылый прищур под мохнатыми белесыми бровями давали ему за сорок, но живое и острое держание себя в бригаде скидывали возраст до лучшей поры. Мастерил он умело, не шибко – видно, не в новинку все строительное дело.

Не спрашивал он ни о чем. Но заметив однажды, как Кошняков затыжно и тоскливо провожал прогудевший стороной вертолет, подморгнул:

– Аса прогнали?.. Или кралечка с другим асом крутанула со стоянки?

Виктор отвернулся.

– Усэ бува... Возвращаюся на родной аэродром, звоню в свою квартиру, – попробовал разговорить его Серега, – а мне ответик. Я тебя кохала, да, но полоса уже занята. Топай-ка, лапонька, на запасной... Агу? И так нежнуче она казала, что ты туточки, а вона – тамочки...

Виктор не хотел поддерживать.

– Жертва перестройки у господ? – робко спросил Серега, но ответа не услышал. Вечером он перетащил свою раскладушку поближе.

Сафар с двумя помощниками-земляками, такими же высокоростыми и смуглыми, жили отдельно, в конце узкого коридора. По субботам к ним приезжала “тойота”, водитель, не пряча, заносил коробки с бутылками, апельсинами, иностранными консервами и колбасой.

Бригадники хмуро сплевывали сквозь зубы, ругаясь и затягивая располовиненные сигареты. Серега выдергивал из-под мякло провисшей кровати коленкоровый, в плешинах, чемоданчик. Покопавшись, доставал банку морской капусты.

– То не нам, хлопцы, рябуха радисть приввезла, не нам! – Психуя, он кулачил на ту сторону. – А мы Айвазовського! Гля-аж унырнуть тяне!

Мужики тягостно сопели.

Не выдержав противной тишины, он объявлял:

– Естрадный концерт! – И с одухотворенной ухмылочкой: – Тики для граждан-шабашников!

Сколько сенок он исполнял – не перечеть. Трещали от его баек кровати, бригада охала, хохотала, захлебывалась, выбегала облегчиться, снова укладывалась – и все повторялось. После “Тойоты”, как заметил Кошняков, вел себя Серега иначе, в нем словно что-то воспалось, мучило, и лишь подобные выступления могли загасить боль.

– Якось на выстави був, у Кьиви. Ничого!.. Вазы там, глечики, макытры з макрамэ, квіты... Краса-а! А тут гля: коряга стоить. Уро-о-од! Думав, думав, як же сюды ведьмака тая попала? Спрашую. Говорять: купальщица это!.. Шо-о? Ну ладно, дали иду. Тут обява, что усэ-усэ можна купуваты. О-о, хочу vybrаты. Картына вдарыла одна. Дви пивлитры пыва “Жолос” – читаты можна – звидкиля, колы – и сви-иже! Круждявка туточки повна-повнэсэнька... и рачки зварэни...

Без разрядки Серега, похоже, пересыхал как забытой копанец без воды, и мужики, глядя на него, не прочь были тоже прихлебнуть разливного пивца.

– Купую!.. Пжалста – я на бумажку, дэ вона когтикком з лаком показуе, з восходом перламутровым. Гляжу: прылэплэна бумажка малэнька. Отгакий шматочек. Прочитую: Эс Чульмов, Натюрморт. И рублыки з нулыкамы. “Скільки, скільки?” – переспрашую. “Два пыва – и...” Да то ж год можна пыгы на тии гроши!

– Здохнула – важко, но узять надо. Трэба!.. трэба! У кухню зийдешь, а исты нэма. Так хочь нич – пивнич, а пыво е!.. Ну, став у касы, алэ нэ взяв. Нэ хвата!.. Но визьму, из прынцыпа куплю!

Выговорившись, Серега мягчел, становился домашним, бригадники придвигались к нему, как жмутся продрогшие к топящейся, живой печке.

Иногда он тарабанил к бригадиру:

– Сафар, чога задверкався?.. На пузырь дай, а?.. За мой счет!

Оттуда доносилось властное:

– Нэлзя! Работат надо!

Серега обиженно фырчал, почесывая ребристую грудь грязными, с жирной чернью, ногтями:

– Погодь, чурок хитрозаебанный... На осинь нам и ципляток приввезут, погуляемо!

Кто-то из неуснувших отзывался:

– Гульнешь!.. Если Штыряк захочет, то... – следовал из темноты с десяток известных слов, которые не печатает уважающая себя пресса, – покажет... с маслом! Так, скажет, и було, хохленция! Езжай к нэньке своей, на Украйну!

Сергея дулся еще сильнее, шипел как от ожогов, напрягался, ища ивнись, бросался на матрац, затихал. Через несколько секвыход себе, и сдавив до синевы жесткие губы, сразу состарунд, уже совсем другой, оттягивал струны обшарпанной, с клееной обечайкой, гитары: Якбы з кым хлиба зъисты, Промовыть слово, то воно б, Хоч и як – нэбудь на сим свити, А все б такы якось жилось.

Никогда Виктор не слышал такого. Не очень понятное и одновременно узнаваемое в песне напоминало о чем-то, бередило.

Та ба! Нэма з кым.

Свит широкый,

Людэй чимало на землі...

А доведэцца одыноким

В холодний хати кривобокый

Або пид тыном прастягэцца.

От простенького перебора по витой канители и ладам, от низкого голоса делалось хорошо, хотелось чистого как вставание солнца.

Або... ни. Трэба одружэцца,

Хоча б на чортовой сэстри!

Бо доведэцца одурить

В самотыни. Пшениця, жыто

На добрим сялись лану,

А люды так соби пожнуть

И скажэцца: Десь його убывто,

Сэрдешного, на чужыни...

О горе, горэньки мэни!

Сергея уже не напевал, произносил почти шепча, и Виктору казалось, что сосед сейчас заскулит.

Последней августовской субботой, когда уже заметно темнело, у бригадира гуляли. К мужикам доносилась изводящая их музыка, сдержанно-торжественные выступления – тосты, зараза, какие чешут!? – перебиваемые женским аханьем и переливчатым хохотом, стуки настоящей посуды.

Когда звуки погромчели, Сергей выглянул в коридор. В освещенном дверном проеме увиделись танцующие ламбаду худонogie, в ярких плавках, южане и ошалевшая, извивающаяся девица с рассыпанной соломой волос. Среди тел хрустально блестели фужеры, вазы с фруктами.

Заметив высунувшуюся голову, девица вихлясто поводила бедрами, вызывая бегущую истому, потом небрежно резко распахнула распушенную прическу. Сергей остолбенел: перед ним, в нескольких шагах, изнывали, мягко покачиваясь, груши необмякших розовых грудей, волнился с капельками пота живот...

Уже начавшего дремать Виктора он разбудил ворчаньем. Вывернув блеклую, в мухуных точках, сорокаватку, разделся, бубня у невидимой раскладушки:

– И чогу кубльгыцца без спидныци?.. Ии титыки – до хуры пустой, з быками!.. Бачиты ии нэ могу, ясочку цю!

Засыпая, Кошняков разлыбился. А я, вот, наглядялся бы... не могу без них, прямо бедствие стихийное! Он пытался представить эту смугливую Сергею женщину, но долетевший смех сразу вернул ему ту, вуктыльскую. Их экипаж расселили по двое в ведомственной, с запутанными лабиринтами, девятиэтажке. В холле, у декоративной решетки с зеленью, под смотримый на телеэкране “Счастливый случай” договорились с бортмехаником поменяться до утра на подружку из четного номера: он – туда, блондинка – сюда. Получилось изумительно, до жуткости. Как же ее звали-то? Ни имени, ни саму гостью Виктор припомнить не успел – уснул.

Следующей ночью бригадники храпели хором и в розницу, когда вбежал Сафар. Презрительно шевеля ноздрями, пробрался среди спящих. В оконном полусвете нащупал потертый, в вырывах и прожегах, бархат стенда с перебитой косо надписью:

МЫ ПРИДЕМ К... ЕДЕ КОММУНИСТ... ОВ ... ТУДА!

Сергея лежал рядом, и Сафар, толкнув его ногой в бок, выдавил с угрозой:

– Дэколон брал, ты-ы?!

Откинув засаленное одеяло, Кошняков глянул исподлобья на ломкий угрожающий силуэт, промолчал – перед ужином, отлив ему, Сергей высосал флакон “Визави”.

Безмятежно блеснув белками глаз, Сергей протянул миролюбиво с подушки:

– Брось, Штыре-ек!.. Нам билэньку чи пыва, а ты – дэколон!.. Пожалив? А у мэне сегодня праздныку, свя-я-то!.. Мамо дарувала життя мэни, Сергею Тарасовичу... з татою, конешно.

Зябко потирая костлявые плечи, он сел.

– Не чув, брыгадыр?.. Свя-я-то же!.. А за работу нэ турбуйся, зробымо!

Даже в сумраке было видно, как скорчилось желтое лицо у Сафара. Он придвинулся к кутающемуся с согнутыми коленями Сергею и внезапно резким, недлинным хуком отбросил его навзничь. Раскладушка с хрустом сложилась.

Храп не прерывался, только неподалеку ойкнули, матюкнулись, и все. Погладив зашибленные костяшки пальцев, бригадир процедил:

– Дэлат еще, башка рват буду! – И, шваркнув по взвизгнувшей двери, умчался.

Отряхиваясь и хромая, Сергей выбрался из постели, вытер окровавленный подбородок. Сплюнул соленую слюну. И выразительно покрутив узловатой правой кистью, рассмеялся горько как дразнясь:

– Ой, лэтили били гусы!.. Сс-уука! Ты сука, Штыре, недоебок!.. А мы житымо та кохаты будэмо!

И громко запел, будя мужиков:

Дивча любэ, чорнобривэ,

Несла з леху пыво.

А я глянув, подывывся,

Та аж похылывся...

Кому воно пыво носыть?

Чому босэ ходыть?

Боже сыльный!

Твоя сыла

Та тоби и шкодыть!

Может Кошняков и ошибался, но Сергей плакал. Пел и плакал.

Ночью поднялся ветер. Березы размахивали кудрями, мотались. В избу долетел неровный, тревожащий шепот листвы, кряхтенье стволов и веток. Шумя скрипучими пружинами, ворочался Сергей.

– Витьк! – позвал жалостно. – Давай чайку пошвыркаемо!

Сходив за кипятком, протянул прямо под нос обжигающую кружку.

– Як житы, Витьку?.. Шо, нэ бува рабам раю?.. Мэне жинка, диты ждуть, гроши чекают, а я ничего нэ могу. Чолови-ик, а... – Он свистнул с пренебрежением. – Працоцав, разряды высоки заробыв, та за язык свій кныжка трудова во яка стала! – Сергей растопырил ладонь. – Свобода, свобо-о-ода! А люды каждый тикы за сэбэ, никого рядом... уси проты друг друга!.. Я и хферму зробыв, молока по висим пляшок у магазин здавав-ни!.. Ни тэбэ, ни нам – запалылы!..

– Сожгли? – удивился Кошняков. – Кто? За что?

– Хто, хто? Свои, нэ чужи. – Сергей ответил отрешенно. – Народ рузбудылы, це так, та хаты вже нэма. Псарня вышла...

Виктор долго глядел на него. Да, сейчас высший пилотаж – это выбраться на берег поодиночке. Может, и виноваты великий Октябрь с дедушкой, только самая величайшая, наверное, революция на все времена – сделать счастливым самого себя... Тогда и те, кто рядом, не застудятся.

Помолчав, они глотали, причмокивая и согреваясь, пустой чай, перейдя на болтовню о какой-то ерунде, но было ясно, что Сергей никак не соберется сказать более важное.

Приснился Виктору замерший, беспощадно задутый ледяной пургой до стекляво-мертвого оцепенения, Ямал. В белой темноте вертолет молотит лопастями, из кабины не видно ни-че-го, за что можно зацепиться глазами. Только, снег, снег...

Командир вертится в своем кресле, требует место. Где они? Буровая, вроде, должна быть где-то здесь, под ними, но машина точно зависла в вареном молоке, бьется всем клепанным диоралевым корпусом, и даже ее тысяч мощных сил не хватает, чтобы вырваться и долететь. На самом же деле вертолет несется, режет вязкий кисельный воздух двести кэмэ в час, но куда?

Не успевая работать кнопкой связи на крики командира, Кошняков ползает побелевшим пальцем по холодной слюде планшета, отсчитывает удаление и градусы доворотов. Дал команду экипажу на срочное снижение, иначе проскочат площадку, но силуэтик на авиагоризонте не нырнул, остался на шкале около нулевой отметки.

– Вниз! – заорал взмокший штурман. – Вниз быстрее!

Посеревший командир осатанело впился в переднее стекло, боясь оторваться и глянуть на приборы.

– Не могу! – глухо отозвался пилот. – Ни хрена не вижу!.. Где земля твоя... мать?

– Вниз! Вни-из! – Кошняков кричал непрерывно, и не отдавая себе отчета, высунулся по пояс из отсека, хватая зажатое командиром управление.

Когда оказались на обледеневших бетонных плитах и рассмотрели пробивающиеся, рядышние огни вышки и балков, у Виктора тряско вибрировали руки, где-то под лопатками кололо и так не хотелось, не могло двигаться, что он, не удержавшись, помочился глгучей долгой струей в ватиновые ползунки.

Хохотали обалдевшие пилоты, а он не мог отвести заслезившихся глаз от мельтешащих снежинок, жмурился. Его по-прежнему укачивало, он тер виски. Из наушников давило странно близким баском:

– Дудло ты, Витьку!.. Блядан, я зрозумив зараз. Потим и до тэбэ дийдэ: люба баба з маты починается! Моя якось поихала и усы ничого, навить, хе, мисяць!.. Спочатку – да, а потим-то ж скільки, думав, ще жутковаты одному?

Кошняков хотел выключить рацию – аккумуляторы сядут! – но из эфирного шороха позвали снова, и в новом удерживающем, едва слышимом, пропадающем шепоте, он сразу узнал когда-то надевшего человека:

– Что, повезло и тебе? Свободен? Но жизнь твоя, Витяша, не жизнь вовсе, а – смерть. И дни твои – тяжкие тени, и наслаждения твои – грехи, и молодость твоя – мираж, а благополучие по-твоему – всего-навсего фальшивое сокровище! Ты испытал уже судьбу, был счастлив и ничтожен, любим многими и ненавистен, ждан и проклят. Скажи сейчас, что обрел ты? А я знаю, что стало твоим уделом: оскудел ты, Витяша, добротой, и сердце твое отягчено, и хотя ты молод, но уже устал, испорчен и беспомощен в житейских хлопотах. Но меня более огорчает то, что совесть твоя радует тебя, и ты стал чужд, противен самому себе. Когда мы встретились, ты был прост и чист, прямодушен и честен. Пришел ко мне ты воздержан и целомудр, стыдлив и уважителен, но спустя год ты уже стал лукавым и заносчивым, лживым и злым. И живешь не затем, чтобы употребить отпущенное время для благополучия и душевного спасения, но никогда не печалился о том, чтобы ее исправить. Ты не вспоминал о будущем и еще меньше думал о том, что все равно будешь принужден дать ответ за прошедшее. Я любила тебя. Ты же захотел независимости – она, Витяша, всегда перерастает в разобщенность. И любви становится меньше и меньше...

В наушниках смолкло. Кошняков потянулся к пульту, чтобы проверить рацию и дать вызов – он здесь, он слышит! – но тот же голос проявился вновь. Уже крепче, убежденнее:

– Любить все равно, что попасть не в свой сад. Иного тянет на чужие плоды, кто-то разочаровывается в увиденном... Одни лишь любят и прогуливаются не спеша, со вкусом, зная и умея делать что нужно. Другие просто лезут – и все. Им лишь бы залезть и взять. Вот и ты, Витяша, стал таким вором... Прощай муж, прощай мир... Ты пленяешь и иногда так просто на волю не отпускаешь. Ты грабишь и не возвращаешь забранное и нет в тебе, я поняла, ни капельки радости без печали, ни любви без подлости, ни чести без грязи, ни уважительности без лицемерия. Я расположена быть счастливой, я хотела счастье, поверьте...

Оторвался Кошняков от сна от того, что его больно дергали за плечо. Гадюшно ядовитым зрачком желтилась лампочка, в углах зловеще тенилось. Потолок, казалось, обвис еще больше и вот-вот рухнет.

В черном окне бились рябиновые грозди. Они то исчезали, смиряясь, то прижатые, кивали, просясь в комнату.

Бригадники уже поднялись. Спешно выскребали тушенку, чавкая и запивая недогретым чаем. Глазели на Тутанхамона, застывшего в неприятном свете с низко надвинутым козырьком кепи. Лицо точно ввалилось, Виктор его не различал.

Сафар заторопил, и Тутанхамон, одобрительно кивнул головой без лица, подкрикнул:

– Накидываю за день, но крышу покрыть к обеду, мужички! Прошу вас!

Все потянулись к выходу.

Сергеа сказал что-то. Бригадники, переглядываясь, остановились как на перепутье.

Сафар скомандовал вновь, но мужики загалдели.

Тутанхамон вскинул руку, и Виктор заметил тот же желтушный сверк.

– Два дня запишу, братцы! – Тутанхамон покосился в Серегину сторону. Мужики затихли. – Спасибо вам, люди. И – Бог в помощь!

Пошли все. Матернувшись, шагнул и Серега.

– Они без тебя справятся! – приказно бросил ему Тутанхамон, и Сафар ухмыльнулся.

Ветер рвал так, что передвигаться с шифером на мокрой обрешетке было рискованно. Виктор попробовал выпрямиться с шифериной, но, не удержавшись, осел на ослабшие колени.

Залез Серега.

Таскали вдвоем. Уложив лист, парой встречных молотковых прищепков прибивали горбушку. Серега вгонял гвозди ожесточенно, и Кошнякову показалось, что тот сожалеет о сказанном в избе.

Прижались к трубе передохнуть.

Подняв воротник куртки, Серега хохлил. Он находился не здесь, и Виктору было непонятно, как и чем ему можно помочь.

– Уйдешь? – спросил он.

Сергеа задрожал, как прорывая перекрытое горло.

– А як же! – Не оборачиваясь, он ответил, одолевая ветряной шум. – Жинке обияць, та нэ дибрав трошки. Нэ хвата ще!

Посмотрел неприязненно вниз, на избу.

– Скотом нэ можна буты, Витьку!.. Хай им грець!

Спротивляясь напору, поднялся. Понесли очередной лист.

На самом верху, у конька, Кошняков переступился неудачно. Нога соскользнула с доски. Запарусившая в разжатых пальцах шиферина поднялась, вспухла на вертикаль, ее потащило на Серегу. Медленно, борясь, он попятился с ней, сгибаясь для равновесия, согнулся пополам, и – исчез.

Виктор вскрикнул, не веря. Никто не услышал.

Не соглашаясь с происшедшим и трясясь, он торопливо стал спускаться. Не попав на перекладину лестницы, упал. Тут же вскочил, не восприняв боли.

В нескольких метрах, обнимаясь разбросав руки, навзничь лежал Серега. Глаза его еще не успели умереть.

Сбежались мужики. Обступили без слов, пряча частый дых. Дергая усы, крутя вздохмаченной головой, закричал на своем Сафар.

Сошурясь, подошел Тутанхамон. Не снимая кепи, наклонился, уверенно провел оперственной ладонью – Серегины глаза перестали жить.

Сафар отозвал хозяина, вытирающего платком руки, показал на Виктора. Он тер оцарапанный лоб, оставляя тонкие кровающиеся полосы. Бессильно опершись о стену, он не слышал ничего и не мог отвести взгляд от неподвижного тела.

По команде Сафара помощники подняли Серегу, понесли. Толпясь, бригадники косились, ничего не говоря, пока те не вышли из здания. Потом Сафар заорал – мужики ожесточенно полезли на крышу.

Оглянувшись на Кошнякова, бригадир побежал за ворота. Вскоре застучал пулеметно пускач трактора, дернулся, с ревом набирая обороты, мотор. Через несколько минут бульдозер пролязгал за стеной вдоль ангара.

Бетон студил, Виктора знобило. Он безучастно стоял: там обыкновенная земля, камешки щебня, обломок сырой доски, окурки. Его там уже не было.

Трактор взревел снова. Закряхтел, пыжась от осиливаемой нагрузке. Что они там? Виктор остолбенел от мысли. Бросился рывком наружу.

У штабеля бруса, за которыми была большая ставочная яма с водой, двигалась, нарастая, песчаная куча. Бульдозер чихнул, съезжая назад, и Виктор увидел как оскаленный, в потных подтеках, Штырь назвал на себя рычаги фрикционов.

– Сто-ой! – оказавшись огромными прыжками у бездверной кабины, Кошняков запрыгнул на ползущую, оттертую до синевы, гусеницу. Скользя с нею, схватил южанина, пытаясь оторвать от ручек и вытащить.

– Там же Серега-а!

Не сдвинувшись, Сафар ударил его сапогом и сразу же кулаком. Переламываясь назад, Виктор слетел, перевернувшись через голову. Выпрыгнувший следом бригадир дважды саданул ногой под живот лежавшего, потом в ребра. Хрипя и захлебываясь, Виктор скреб песок, сляясь подняться хотя бы на колени, но бригадир подсекал вытянутым носком сапога и орал:

– Скажешь – убивать будем!

Он уже не мог двигаться, когда мужики, подбежав круговую и с трудом заломив рукастого бригадира, увели его. Виктор лежал на спине, у бульдозерного ножа. От металла тянуло жутью. Песок студил как лед.

Приоткрыв глаза, он попробовал отодвинуть себя от трактора, но не сумел. Боль была везде. Ближе ныло рассаденное, до ключицы и горла, левое плечо, и Виктор, морщась, положил на рану измазанную ладонь.

Невозмутимая голубизна нависла над ним нежной, безвесной скатертью. Ветра как не бывало. Недопокрытая крыша скелетилась стропилами.

– То-ом! – со стоном позвал он. Или подумал позвать.

Не замечая кровь и разрывы одежды, Виктор перекатил себя вбок, подтянул ноги. Скрежеча и насилая себя, стал на четвереньки.

Небо перевернулось.

Он пополз, теряя ощущение верха и низа.

Тыкаясь лицом в сырой песок, заставил себя выровняться.

Встал.

Несрубленная Серегой рябина зашевелилась от случайного порыва, закивала зрелыми ягодами.

Он знал, как будет дальше.

ВЕДУЩИЙ

...Из-под кожи сочилась душа...

В.Высоцкий

Лютюева к полетам не допускали.

Командование ссылалось на медиков, те – на недавнее, якобы незажившее еще ранение, но сам-то гвардии капитан знал – это ерунда. Просто сейчас в полку напарника для него нет. Машины, как ни странно, есть, а летчиков – ведомых в эскадрильях не хватает.

После остервенелых воздушных драк над стылым заснеженным Подмосковьем, перепаханым, изрезанным взрывчаткой и траншеями до весенне-обильной, но по могильному жуткой рваной черноты, после сумасшедших выражей и пике с перегрузками сверх всяких норм, после смертельных клубков, запутанных надсадным воем перегревшихся, измотанных двигателей и нервными, раздражающими металл, строчками снарядных очередей, когда и разобрать не всегда удавалось бок чьего фюзеляжа или чей хвост оказался в прицеле, а назад, за спину, некогда и головой крутнуть – после всего этого, продолжавшегося и месяцы спустя, в истребительной авиации прошел по логике войны постепенный переход к новому тактическому порядку. Назвали его – двухсамолетный состав, короче – пара.

Теперь, когда оказались почти очевидны затяжные жестокие уроки, атаки в небе озубастились. В каждой из них был теперь единый спаренный удар, четверо глаз и двойной вес залпа. Потерь случаться, в общем, стало меньше, поэтому на приказ по ВВС “ЯКам по одному не подниматься!” летчики хоть и сердились, но мудрую цену его понимали.

Понимал и Лютюев.

Понимал, но все равно мучился. Потому что ждать, пока собьют кого из таких же как он, и тебе достанется его ведомый – занятие самое дряннейшее. Оно изматывало, раздражало, забирая нестратегические, нужные для дела силы: вынужденное неучастие в том, ради чего летчик-истребитель и есть, становилось несносным. И не только для Лютюева.

В полку он оказался не единственным сидячим, и каждый из них сказал бы: уж легче самому по готовности номер один сутками сидеть в ЯКе до зеленой ракеты, или затаиться с машиной вблизи линии фронта где-нибудь на уцелевшей полянке, накрыв крылья ветками, чтобы потом, прямо с крутого стремительного набора высоты перехватывать крестатых, и жечь их, жечь...

Делать это и еще многое другое по долгу летчика Ивану Лютюеву приходилось не однажды, и он, долетав до капитана и не погибнув, считал, что почти все, похожие на охотничьи, приемы из БУИА-401⁵ ему удавались. Ходил он и на сопровождение штурмовиков, а в последнее, перед ранением, время – даже во главе групп резерва. Туда, как известно фронтовым летчикам, назначали самых грамотных, умеющих с верхнего эшелона увидеть всю картину боя и повлиять на нее. Но чаще и, конечно, по возможности просился он в свободный поиск, получал не раз удовлетворение, досматривая до самого конца хоть краешком глаз надломленную, коптящуюся смрадом, глиссаду подбитого фашиста. Да что удовлетворение? – увидеть гибель врага было главной радостью, а может, и счастьем даже.

Групповое патрулирование Лютюева сковывало. Привычной свободы в управлении ЯКом он не ощущал, небо делалось тесным. И большинство, кому доводилось ограниченными в маневре,

отвлекаясь на своих же подчиненных и товарищей и тротя внимание не на отыскание противника.

Но ведущий – это ведущий, ему быть впереди. Поэтому Лютюев научился брать на себя то, что достается головной машине еще до начала боя и потом, в самом бою. Плюс еще, разумеется, неудачи и тяжкие ошибки летчиков.

От всего этого Виктор посуровел, скулы его неброского лица обострились. То, что называют взглядом, превратилось из привычной в нем сдержанности даже не в огонь, не в укравистый свинец – отсвечивающая сразу и пламенем, и льдяной глубиной, и какой-то еще неведомой краской, смоль его зрачков жгла из-под шлемофона. И лишь вечерами, после заигранных утесовских пластинок, когда к взлетам следующим было уже ближе, чем к прошедшим, черничная темень в Ивановых глазах влажнела. Как капли дождя освежают сочную таежную ягоду, так и от сердечных хриповатых песен Лютюев потихоньку мягчел приглядом, а умывшись, сменив напотевшую полоску подворотничка на свежебелую и смахнув БУИА-401 пыль с кирзовых голенищ, и вовсе отходил. Но если сейчас, вдруг, спустя несколько вылетов в день, он заметил бы брызжащий шипящий шорох тревожной ракеты, то снова, забыв усталость, прыгнул в кабину, защелкал бы торопливо тумблерами и, подгоняя стрелки приборов, закричал механику: “От винта!”

Собственно, так и происходило.

Повторялись задания, отбои, зябкие ожидания погоды, возвращений, и Лютюев во всем этом не выделялся. А если и был кому приметен, то, может быть, только тем, что ему везло. За столько боев не сломать себе шею – это что-нибудь да значит!

В эскадрилье, даже в полку, поведение гвардии капитана на земле и, в особенности, в воздухе никого не удивляло и уж тем более не восхищало – каждый, кто взлетал, имел слишком много шансов не приземлиться. Летчики – народ суеверный, наперед загадывать не торопятся, и такую особенность природы своей не скрывают, но и афишировать, как слабость не любят. Поэтому не возвратиться совсем оказывалось порой лучше, чем полуупасть-полупосадить машину обгоревшим, незрячим, покалеченным, и уж гораздо лучше, чем попасть в плен. Об этом не говорилось, но так выходило.

Боевая работа уравнивала, в принципе, всех, братала независимо от должностей, возраста и знаков различия. И если уж летчики выделяли кого среди себя, негласное право на это получал человек с крепким заваром умения и вдохновения летать, ощущения не всегда рассудочной ненависти к врагу, мужского дружба, страстности непременно сделать положенное и по совести, а также еще с чем-то негромким в характере, чего никто и никак объяснить вслух не пытался. Нечто приближенное ко всему этому, но часто загнанное под казенные слова, оставалось от побратимских судеб в похоронках, в служебных письмах осиротевшей семье, ну и еще – в представлениях к наградам. Ивана же летчики прозвали по-своему...

13 августа полевой аэродром шумел с туманистого рассвета. Клочковатый, похожий на отсыревшую старую вату, влажноватый воздух напылял из лесной низины на стоянки и, не удержавшись вблизи свистящих винтов, обнажал задранные, подрагивающие от нетерпения носы самолетов.

Истребители работали без перерыва.

⁵ БУИА – боевой устав для истребительной авиации Красной Армии/

После обеда, когда хмурым Лютоев, наклеившись в штабе новеньких хрустящих карт-пятикилометровок, начищал сапоги – привычка иметь их ухоженными, неслышными в ходу как домашние пимы – сосед по землянке Гладюк, тоже капитан, собирался на вылет. На этот раз надо было прикрыть ИЛы из 397-го ШАП⁶.

Насмешливо глядя, как кражистый, корявый какой-то, но все-таки ладный Иван втирает синеватый блеск в голенища, он сказал:
– Ширкай, ширкай!.. И другим в эскадре скажи, чтоб кирзачи насуконили!

Лютоев поднял лицо в царапинах.

– Черт! Опять не сумел нормально побриться! – удивился. Это в честь чего-то?

Забрасывая планшет через плечо, сосед радостно объяснил:

– Полчаса и покимарил, а со-о-он!.. Натуха моя что выдала?.. – И сам тут же ответил. – Сы-ы-на! А как разродилась, а-а? Федор третий будет!

Еще довольней заулыбался, отмеряя ладонями.

– Во-о!.. Как и рассчитывал! А-а?! – И засмеялся крупно, изумляясь собой. – Так что, с меня причитается. На сны Гладюк – вешун!

Он произнес так, словно печать поставил на откровение. Восхищенно посмеиваясь, капитан ушел к самолету, хлопая планшетным целлулоидом по тонкому хрому удлинненных скрипучих сапог.

Часа полтора спустя, после странно нерешительной, вприпрыжку, посадки Гладюк доложил: “Железнодорожную станцию Мартыновка вывести из строя ИЛам не удалось”. “Горбатые” нанесли повреждения только паровозу с тремя платформами. Ну, и пожары нажгли еще вдоль путей.

Повода, как от надоевшей тесноты, налитыми, в обильных потных развоях, плечами и глядя выцветшими глазами поочередно на комполка и комиссара, он добавил, что из шестерки штурмовиков, похоже, никто не уцелел.

Не ожидая расспросов, он продолжал говорить, спеша и часто сглатывая слюну, словно боясь что-то забыть или сказать не так:

– Ну-у, Катрук, – раздраженно поправляясь, взмахнул рукой. – Пара непосредственного прикрытия... Катрука пара... встретила “мессеры”. Двенадцать моторов. Бой Катрук завязал сразу. Фрицы разделились. Попытались... – тяжело, силло дыша, он показал ладонями, как было. – Атаковать Илы снизу, справа и слева...

По его словам вышло, что ударная пара Гладюка ШАП1 находилась согласно боевого порядка вне ИЛ-вторых. Метров на шестьсот. Ну, и позади них примерно на тысячу метров. Когда все закрутилось, встать на место пары прикрытия ему не удалось, так как неожиданно исчез ведомый – младший лейтенант Гвоздик. И движок слабеть чего-то начал.

Командир полка, сухопарый и сумрачный, поглядывая на вертлявые капитанские руки, переспросил о первой паре:

– Ну-у, Катрук сел... Сел, я видел, отметка есть. Тут, минутах в двадцати. Ведомый его... ну-у, Лецишин, тот подпалился трошки, но выпрыгнул. Оба живы, значит. А с Гвоздиком что? – глухо задал вопрос командир.

Тут капитана как прорвало. На одном шелестящем дыхании, не сдерживаясь, он выкинул все махом:

– Я же просил такого мухомора не посылать!.. Ра-но! – Не зная, куда деть руки, он беспрестанно водил ими вдоль ремня, расправляя диагональную гимнастерку, трогал пуговицы. – На мои команды, вообще, ведомый реагировал плохо, держаться парой не умел!.. А техника пилотирования? То ж не техника, а кисе-ель! Ла-ап-ша! Ломака он! Короче! – оборвал комиссар. – Что все-таки с Гвоздиком?

Капитан помедлил, плечи его высоко приподнялись, но тут же потеряли крутизну, в них проступила рыхлость, и если бы не твердость непоблекших еще погон, можно было бы подумать, что само тело выдохлось, потеряло свою плотность.

– Ну-у, пришлось назад поглядывать – с обиженным вздохом ответил Гладюк, и взгляд его почти ничем не наполнился. – Вынужден был опасаться за мухомо... ну-у, то есть, за младшего лейтенанта. А случилось что? – Он еще раз втянул ртом воздух, как бы пытаясь наполниться и стать прежним – все одно ведь докладывать придется! – Уже перед целью, ну-у, перед Мартыновкой, когда зенитки заударяли, Гвоздик... ведомый Гвоздик самовольно переменял эшелон. Ну-у, и влез в облачность.

Больше его не видел. Я не разрешил и приказа никакого не отдавал ему.

Командир полка, ссутулясь, отвернулся. Чего пытаться тут? Получается: не выдержал Гвоздик. На шальной снаряд “месса” напоролся или зенитка достала... Жаль паренька. И хлопцев с ИЛов жалко.

– Еш тебя! – скупо, не расцепляя зубы, матернулся. – А дивразведка предупреждала: станция несложная, не потратитесь! Вон сколько не дошли даже...

Так об этом вылете на Мартыновку и записали, как сообщил капитан Гладюк.

Тяжелому разговору о нем комполка поставил точку: послать полторку с врачом и людьми из БАО1⁷ за Лецишиным и Катруком, может и с подломанным ЯКом что придумают. На младшего лейтенанта оформить бумаги. Как полагается в таких случаях. Гладюку – отдышаться.

Выпив на ужин жадно, не морщась, капитан Гладюк дожеввал еду, почти не шевеля тонкими губами, не отвечая на взгляды и не косясь на незанятые рядом места.

Столовая пустела быстро.

Когда кто-либо не возвращался, в ней зависала гнетущая, вязкая тишина, и летчики спешили разойтись.

Он вышел последним.

В землянку Иван нырнул поздно, но сосед не спал. Не сняв даже португено, сопел на нарах, уткнувшись в березовую стенку.

Прикрыв фитиль в лампе, Иван разделся.

Лег.

Ему было слышно, как сосед не мог сдаться сну, долго ворочался, а когда, наконец, заснул, лежал напряженно, поминутно вздрагивал, бормоча что-то и крутясь с боку на бок. Одежда перекрутилась на нем и казалось, что Гладюк спит запутавшийся или вообще связанный собственным ремнем. “Как это он сам себя?” – мелькнуло у Ивана, обернувшегося на вскрик с нар, и он не удивился нелепости впечатления.

Иван думал.

Мысли являлись разные. Неровные. Отрывистые. Непослушные, наплывающие помимо его воли. Быть может, сказывалось и так давала о себе знать немерянная утомляемость от всего накопившегося, пережитого в днях и мгновениях, что не шадит никого – ни пожилых, закаленных, ни еще молодых, как он, не притерпевшихся к бедам. А, может, просто потянуло на родину, где еще дозревает непрочное, краткое лето, где Эжва – река, просветленная, флегматичная, зарыбленная, так и не согрев полные свои воды, растеклась среди тайги, задремала в предчувствии долгого зимнего молчания. Не раз, грешным делом, мечтал Иван о тихой, далекой теперь, парме. Сейчас там грибы-ягоды в перестое, собирать желают... Эй-ей-ей! Мур кок нянь – пирог рыбный – куснуть бы?! И кедрушку пощелкать, а?! И чтоб кругом, как было, стояли высоченные, в небо, шершавые, подкрашенные несильным загаром, сосны. А по передутью, еще до дня – только птицы. И – никакой стрельбы! Совсем!

Как-то в беломошном бору подстрелил он лосиху.

Подошел, постоял над еще не покорившейся мертвенной неподвижности нежношерстной тушей и увидел, как из огромных – блюдцами – черно-синих глаз потянулись струйки.

Не уворачивался от колкой хвои, от приборотных зарослей – неловко стало перед крупногубой звериной.

Долго виделись ему те крутые глаза.

Последней для Ивана была та охота.

После войны за ружье он уже не возьмется!

Хватит с него ЯКовских пулеметов...

Соседу он сочувствовал.

Обидно, что так все сложилось у Мартыновки, но хоть сам Федор уцелел! Теперь вместе будут готовить полетные карты, штурмовать районы боевых действий, поддежуривать. И ожидать своего часа...

Вспомнилось, как появился Гладюк.

В самом разбеге весны личный состав полка обновили. Приехали пилоты с излечения, запасники. Было и пополнение из летных школ. Как быстро выяснилось, обучалось оно накоротко,

⁶ ШАП – штурмовой авиационный полк.

⁷ БАО1 – батальон аэродромного обеспечения.

но высший пилотаж проходили – не то, что курсант Лютоев в 40-м. Почему-то тогда для летчика-истребителя посчитали необязательными фигуры воздушной акробатики. Из учебных программ они были изъяты. Скольким же фронтовикам с неоправданным риском пришлось исправлять глупейший методический просчет!

Когда на построении представляли прибывших, Лютоев не обратил особого внимания ни на кого. Разве только заметил Гвоздика: из всех названных именно эта фамилия была встречена естественным мужским хохотом. Младший лейтенант был скорее Гвоздем, а вернее – Гвоздищем, потому что роста и наполнения, несмотря на календарную невзрослость, оказался добротнейшего и как там же, в строю, стрельнули полковые меткачи, поместится в ЯКе тютелька в тютельку – фонарь кабины едва на замок встанет. Но вот без парашюта под известным важным местом товарищу Гво-з-ди-ку будет самое то!

Следующим объявили гвардии капитана Гладюка и, согласно списка, из шеренги красиво шагнул, хрумкнув ненюшными сапогами, улыбочивый летчик в отлично подогнанной форме под темносиней, с голубым кантом, пилоткой. Слева, в полгруды, привинчены червонешие ордена Красной Звезды и Красного Знамени.

– Федор Федорович имеет значительный тактический опыт. У него геройский счет гитлеровских стервятников, – сказал комполка, – который и здесь, у нас, будет продолжен.

Ордена, что имел Гладюк – летчикам это было хорошо известно – не зря отдают цветом густой, спекшейся крови. Почти каждый из них мог бы рассказать свою личную историю, и для них отрекламированные заслуги Гладюка остались на словах: “Поживем – сами увидим!” Но они заметили, что он к тому же, как дал понять комполка, успел повоевать еще до войны. Похоже, значит, ничего мужик!

Попав к Ивану в соседство, Гладюк держался при небольшой, но все же разнице в годах, и такой броской авторитетной внешности, по-простому, и это нравилось.

– Ну-у, в клуне два капитана – оглядев землянку, протянул он задумчиво. – Ба-га-то!

– Что? – не понял Иван.

– То я так, – с хитрецей подморгнул Федор Федорович. – Про наш деревянный отсек.

Расположился он основательно, и по тому, как тут же вещи его наши единственно удобные места, Иван догадался, этот человек из тех, кто имеет собственное понятие обо всем, и оно может быть совсем иным, не похожим на общепринятое. Живал в землянке этой замкомэск – летал, если не как бог, то ничуть не хуже, во всяком случае, своего помощника. На послеполетных разборах, выслушивая его разносные комментарии, летчики соглашались: да, атаку не надо строить открытым маневром, лучше сочетать натиск с введением люфтваффовцев в заблуждение... Вот когда фриз откроется, когда клонет на внешнюю наживку, тогда и не спи, и не стесняйся – не экономь пружину в гашетке, врежь по защелку!

Арапист был замкомэск, придиричив и памятливы на любой полет, во всякий день. Куда, кто и как попал – помнил великолепно, сам стрелял недурно. Но в смысле личного порядка разбросан был – ужас! Не мог спросонья найти портянки, пуговицы сами по себе отрывались на брюках и рукавах, а уж мылом, расческой и другой бытовой мелочью побирался постоянно... От этого всего, от разболтанности на земле, и Ивану как-то не верилось в лихое пилотство замкомэски... И погиб он плохо: на взлете по тревоге нагнал своего же, упали прямо на полосу...

Гладюк покорял обстоятельностью, уважительностью к себе и ко всему, из чего складывалась дисциплина – видно, добротного изготовления человек!

Так определил Иван тогда, в первый же день, и довольный выводами, ревниво оценил и свой вид, пригладил постель. Не ощутив удовлетворения от себя и своего жилища, насунился:

– Почему отсек и багато?

Видя, что хозяина, кажется, обидели его слова, Гладюк достал из фибрового, без дорожных отметин, чемоданчика пенал. Помедлив, раскрыл продолговатую коробочку: сверкнула тонкожалая бритва.

– Ух! – восхитился Иван, разглядев на лезвии иероглифы. Рядом с бритвой, играя гранями, пригнезвился помазок, а по

обеим концам коричневого пенала в подложках среди вишневого бархата желтели золотом чашечки.

– Держи! – Гладюк протянул ему чудо в футляре.

Иван потянулся, но тут же, пересиливая желание, закачал головой.

– Спасибо!.. Спасибо, не могу!.. Дорого, очень дорого... не могу!

– Бери-и! – отрезал Гладюк и вложил пенал в Ивановы руки. – Дарено – подарено!.. Вез знакомому ЧэВээСу⁸, да опоздал. Уже нету. А нам, Ванюха, жить с тобой. Ну-у, смастерим лучше дозправочку!

Уголкем одеяла он обтер консервные банки, аккуратно вскрыл.

Шустро, но так же ровненько, бережно нарезал хлеб и колбасу, приятно удивив Ивана.

– Ну-у, вот и доужинек! Так сказать, аэродром подскока к столовке, да? – И засмеялся, надкусывая бутерброд.

Ел он, как позволяя себе есть лишь те, для кого еда не необходимость, а наслаждение всегда, первейшее из всех прелестей на свете. Хочешь не хочешь, а глядя на него, жующего, любому захочется перекусить еще и еще, как бы ни был сыт.

Дожевывая, он спросил:

– Откуда родом?

– Коми, – ответил Лютоев ЧэВээСу¹.

– Ясно – кивнул Гладюк. – Комарей кормишь. Вопросов не будет. Я не СМЕРШ⁹. Не люблю расспрашивать. Никого. И себя тоже.

Улыбка у него получилась шикарная, и Иван никак не мог przypomнить, где он уже видел похожую.

– У Столярова! – наконец, вспомнил недавно прокрученную в столовой кинокартину о цирке. – Ну-у, а я дончак, – сказал Федор Федорович. – Тут рядом. Края все здесь знаю... В трудшолу ходил, аэропланы глядел. “Все выше, выше и выше стремим мы в полет наших птиц!”... Батка в город послал, чтоб дело нашел и бумагу получил. Ну-у, поехал с земляком. Идем, глядим объявы... Вижу: воздухофлот зовет! На пилота хочешь – с семилеткой можно, берут учиться. На техника-механика школа полная нужна. Чего делать?.. Зашел в общежитие, те лыбятся: кроме спецпредметов – еще одиннадцать!.. Ну-у, химия, русский, математика, физика, еще целая куча. Так то ж какой казан надо, чтоб все влезло?.. Ну-у, думаю, соколом красным лучше! А-а? Лучше ведь?.. Пускай батка ругает – прямым курсом в летную школу! Потом не жалел! Батка только не верит, что столько вылетал... – Капитан обнес себя кружкой, влюбчиво хмыкнул. – А земляк в технари угодил, ломака-а!

На пятые сутки, в 7.42 в полку появился исчезнувший Гвоздик!

Не сам пришел, как большинство тех, кого сбивали и не убили, кого не забрали в плен. Не привезли его затихшего, беспомощного – младший лейтенант с перевязанной чубатой головой, торчащей из не закрытой кабины, приземлился чисто и спокойно на своем же ЯКе.

Как он доложил, тогда, под Мартыновкой, капитан Гладюк на высоту полез сам, потому от ИЛов и оторвались. Потерять штурмовики, вообще, что плонуть по ветру: сверху, со спины, ИЛ-2 неприметны, земля прячет их.

После вопросов и осмотра самолета командованию стало очевидным, почему и как штурмовики остались без прикрытия, что ведомый не струсил, а сумел, как мог, без старшего выполнить то, что предписывалось обоим: вошел в атаку, стрелял, несколько раз сажал “месса” в прицел, но мазал. Одного, кажется, все же подранил. Точно, зацепил. К матчасти замечаний нет. Маленько, правда, ковырнули гады: маслопровод прошил – натекло в кабину, отбит элерон, осколками надрезан трос к рулю направления. Потому у артиллеристов и сажался. С их помощью подремонтировался и – сюда, домой. Голова – пустяк, заклеили. К боевой работе готов!

– Хорошо! – отпустил младшего лейтенанта комполка. – Идите!

Мрачно-сосредоточенный командир, проводив его взглядом, переглянулся с комиссаром, шишкастые желваки перекатились на

⁸ Член военного совета

⁹ СМЕРШ – войсковая контрразведка

худом, землистого тона, шершавом лице. Когда рослый Гвоздик выбрался из штаба, стало совсем сумеречно.

– Еш твою мать! – не выдержал комполка, ожесточенно суя кулаки в широкие бриджи. – С солидолом!

– Что же получается? Гладюк – сволота? Да за такое – под трибунал!

Медлительный комиссар сморщил бровастый лоб. Высокий, обычно кажущийся светлым, отчего и лицо – от линий выпуклых губ, крупного, бульбой, носа, до карих живинок в зрачках – в любую пору виделось доброжелательным, открытым, в тот же миг как-то заузился, сник, словно обданный прорубной водой. В нем замерзло всякое движение, осталось только помертвелое чувство.

Гладюк, Гладюк... Задал же задачку.

Но не им, не командованию, а всем! Всею полку!

Не было еще такого с самого образования их части, не было, хотя в каких только переплетках не довелось побывать людям! Если всю такую правду о Мартыновке и Гладюке объявить теперь вслух, то тогда придется и однозначно сказать, что среди нас существует негодяй.

– Подлюка! – бросил, ни к кому не обращаясь, комполка. – С солидолом!

Нашумел на писаря, неуклюже вносившего стопку журналов и летных книжек. Оружейники не успевают ленты патронами снаряжать, а тут с чертовой канцелярией ефрейтора под ногами путаются...

Ладно, будет правда! А кто поверит?

Кто поверит в то, что Гладюк – подлец? дважды ранен, орденосец, интернационалистом был, наконец, сейчас не на телефоне отсиживается!.. Разве таких аргументов мало, чтобы не сомневаться?

Но была ведь Мартыновка, была!

Там остались экипажи с ИЛов.

Там был Гвоздик. Он есть. Он видел. На нем подлости нет. И на паре Катрука тоже нет.

Значит, согрешил все же Федор Федорович? Смылся, переложив долг и вину на молодого... Наверное, можно теперь объяснить и прежние, хоть и мелковатые, но все же неясности в действиях Гладюка, о которых раньше сильно не задумывались. Да и не верилось как-то никому ни во что плохое... Что ж. Особый отдел быстренько разберется – здесь в полку, не должно оставаться никаких непроницаемых тайн!

Такой итог подвел комиссар, и командир, как летчик летчика, ничем не мог оправдать ведущего прикрывающей пары. Но из-за того, что прямую ответственность этого капитана в неудаче со станцией доказывать будет сложно. Лецишин обгорел, лежит культей, Катрук позвоночник повредил, и не выкинешь ничего из Гладюка: ни тех заслуг до, ни фронтовых после. Оба решили мусор не выносить, оставить капитана в полку. Среди всех. Без работы летчики никогда не засиживались, а об усталости и еще там чего как-то не принято напоминать, не спишешь на нее. Пускай Гладюк сам в этой собственной алгебре ответ и ищет. Война не кончается, надо летать – полеты и сделают свое...

После длительного немногословного советования так компромиссно и негромко поступили не только в штабе. Об этом так думали и рядовые летчики, видевшие, как ненасытно затягиваясь дымом “Беломора” и прижимая локтем пустую кобуру, побрел чугушной походкой обмякший, весь в густых холодных каплях, капитан Гладюк. В боевой расчет назавтра его не включили...

* * *

Сном в ту ночь аэродром забывался непросто.

Нервничали часовые, покрякивая без особой нужды, дергали затворы винтовок, недовольно переспрашивая пароль у застрявших на стоянках механиков. До постов доносились то затихающие, то взрывающиеся разговоры у чернеющих ЗИСов связи, из курилки и даже из незакрытых землянок; от них долгожданная тишь рассыпалась по разным сторонам, убегала до ближнего редкого березняка и, отдышавшись, успокоившись, не сразу оседала, возвращаясь туда, где она была очень нужна людям для отдыха перед днем наступающим и потому неизвестным ни тем, что он принесет, ни тем, что отберет у них – может, ненадолго, а возможно, и навсегда.

Наконец, затихло.

Не длинна полночь. Зыбка. Предутрье еще не подошло ей на смену. Не начали прогревать, гоняя на разных режимах, двигатели

ЯКов, Батальонный ЗИСок не затарахтел, развозя снарядные ящики и заправочные баллоны со сжатым воздухом. Самолеты, от эскадрильных до машины управления, имея полные боекомплекты с вечера, с послеполетной подготовки, стояли в ожидании неизбежного, как ждут начала работы станки и всякие механизмы, танки и пушки. ЯКи стояли с заправленными под пробки баками – поэтому, кроме караула и дежурных, все в полку подчинились возможности и необходимости выспаться за оставшиеся часы, а кому-то и за минуты. Их в остатке получалось не так уж много.

...В землянке было душно и сыро.

Лютюев проснулся от того, что услышал рядом торопливый, неловкий шорох. Через минуту, уже подальше, щелчок. Этот звук он узнал бы и не просыпаясь – так выдает себя лишь оружие.

Рывком сбрасывая с себя одеяло, вскочил.

Осмотрел полутьму от входа до соседних нар: Гладюк лежал, больше – никого!

Дернул с гвоздя висевшую в изголовье португую и, не соглашаясь с появившейся мыслью, понял.

Прыжок – он рядом.

Рванул белеющее плечо.

Почувствовал по какому-то наитию ТТ, обхватил его обеими руками. Не замечая вырвавшегося крикливого стога, вывернул пистолет набок, разжимая с болью хваткие мясистые пальцы.

Выгнав патрон из ствола, Иван встал, держа подрагивающими ладонями пистолет перед собой как что-то нехорошее, оскверняющее. То, что могло случиться, что едва не помог сделать его ТТ, выданный для защиты от врага и поражения его в опасной близости, было невероятным, не поддающимся скорому осознанию. Зачем убивать себя, если это может и так произойти – в любом бою? Но то же в бою, при исполнении...

Что же делать?

Глядя туда, где должны быть глаза соседа, Иван произнес:

– Две головы – мистьем морт!.. Плохой человек ты!.. Куда уйти легко хочешь?

От своего голоса Ивану вдруг стало легче.

Покрутив мешавший теперь пистолет, он спрятал его в кобуру, неспешно застегнул кожаную петельку. Разве можно стрелять в себя? А кто будет с фашистами биться?.. Сын – это хорошо, конечно, но дома нас всех ждут. Что бы ни было, ждут!

Иван ни разу не произнес слово “смерть”. Даже про себя. Оно не облекалось мыслью, хотя Лютюев видел гибели и понимал, что ни он, да и никто другой не застрахован. Она, нежизнь, была где-то там, неизвестно где, и везде, куда только что хотел укрыться Гладюк. А может, не надо было мешать ему?

Подумав так, он вновь почувствовал то, что ощутил недавно: ему стало не по себе. Совестно и противно. Не за себя. Виниться Ивану не в чем, так как ни одного задания он не мог не выполнить. Не все удавалось полностью, без неприятностей – это да. Если бы раньше кто сказал, что ЭТО случится с Лютюевым, что он соврет и будет заботиться больше о себе, чем за общее дело, он никогда бы не согласился. Не поверил бы! Потому, наверное, что умел забывать себя. Самое предательское здесь – слишком часто и много думать о настроениях и чувствах. Из-за них захочется жалиться, а себя пожалел – струсил.

Иван дал волю огню в лампе – землянка стала не мрачной. Потеплело, тени на набранных стенках смягчились, уменьшились. И сосед виделся весь, от взлохмаченных волос до тонкой вязки носков. Тело его, неестественно бесцветное, блеклое, шевелилось в маревном качающемся свете, будто сейчас, непременно сейчас, испустит оставшееся и рассыплется.

Иван присмотрелся: должно же хоть лицо перемениться! Не может быть, чтобы человек, который дезертировал, никак не изменился. Но ничего необычного он не заметил в Гладюке. “Сысьмыр! – подумал Лютюев. – Гнилой пень!”

Сказал:

– Ты ломака, Федор!

Неожиданно крикливым, из острых кусочков, голосом отозвался с затемненных нар Гладюк:

– Ну-у, ты, коми-ик! С тундры только вылез, а уже учишь?! Меня?.. Сала-ага! Как сарыч кричит! – сравнил с похожей на коршуну птицей Иван.

– Что ты?.. Ты заболел... Полежи, Федор, полежи. Я чай варить буду, согреешься. Лешему жарко станет, горячее и съест мисьтема...

– Да иди ты... – Гладюк длинно и грязно выругался.

Но Лютоев разговорился. Ему непривычно было находить столько разных и, он верил, необходимых соседу слов. Отыскивались они незаметно, без того усилия над скованностью, с которой Иван всегда участвовал в беседах. Пропала напряженность.

Гладюк, накиннув на перекосяк реглан, сдернутый со стены, лежал, отвернувшись.

Только теперь, заметив дергающуюся линию тени, Иван разобрал приглушенное то ли бормотание, то ли всхлипывание.

Сдвинув скомканное одеяло, присел на постель,

– Ты чего, Федь? – коснулся соседа.

– Сколько? – услышал он. – Сколько можно?.. Увижу как падает, дым... надоело!.. Хватит! Мы живем-то, Федя!.. Кто не боялся? Живе-ем?.. Пока живв-вем! – вытирая заснонавленный рот, крикнул Гладюк. – У меня сын!.. Сы-ын!

Лежал он все так же спиной, и Ивану больше не захотелось делиться. Для соседа подойдут, похоже, другие слова: колючие, вызывающие потуги изнутри и мучительные страдания.

– Ты мисъем! – строго и твердо кинул он. – Почему глаза прячешь? Не глядятся?.. Ты же сам мог остаться на станции, Гвоздика сломать мог! У нас говорят: с одной лыжей прямо никогда не пройдешь... а ты виляешь! Коля – твоя вторая...

– Ну-у, и забери себе его! – озлобленно перекрикнул Гладюк и, матерясь, снова отвернулся.

До самых ранних звуков, которыми оживает аэродром, взбивая пропеллерами выстывший за ночь воздух, Иван так и не заснул. Не дал он спать и соседу.

На завтраке, когда еще не зазвякали миски, и никто не успел запустить по скобленным дощатым столам призывную, не бывшую сегодня в употреблении, шутку-анекдот, неуверенно поднялся Гладюк. Не глядя ни на кого ввалившимися глазами, извинился при всех перед своим ведомым.

Младший лейтенант с забинтованным лбом, сидевший не рядом, смутился. Принялся разглаживать серый коверкот рукавов. Не оборачиваясь на капитана, он как-то ступешался, почернел.

Гладюк смолк.

Осторожно сел.

Так и не притронувшись к еде, никто не нарушил тягостную, низкую как сплошная облачность в заосенье, тишину. Все офицеры смотрели на Гвоздика.

Ничего не говоря, положив перед собой не начатый хлеб, он сидел неестественно прямой. Вилка в его пальцах вибрировала, тихонько стучала по краю миски.

Общее молчание превращалось в невыносимость.

Испытующе задержавшись на Гладюке, капитан Лютоев оглядел всех. Не вставая, сказал:

– Я прошу младшего лейтенанта быть моим ведомым!

По-прежнему смущенный не по-мужски, Гвоздик ободренно, даже радостно посмотрел на него, коротко кивнул. О Лютоеве он успел и наслышаться и сложить свое мнение.

...Гвардии капитан Лютоев, несмотря на то, что был чуть ли не самым молодым на весь полк капитаном, считался счастливым. Лютым счастливым. Такая и числилась за ним или кличка, придуманная кем-то, или поправка к фамилии.

Был он в том состоянии, что суждено не всем летчикам-истребителям, и потому выделяло его среди остальных. Замешанное на юношеском азарте, на таежной способности видеть рядом и вдалеке то, что нужно и что никак нельзя пропустить, на умении искать, оставаясь до поры незамеченным, входить в любой бой и вовремя покидать его, и, наконец, на присяге и проклятии врага – это состояние, а, вернее, проявления его позволили Лютоеву быть уверенным в себе и потому надеяться на удачный исход. Делаемое им в воздухе – были ли это тысячелетние минуты или четыре-пять вылетов в день – стоило, конечно, нервов, пота и крови в самом прямом смысле.

Складывались ситуации, когда он считал себя уже неживым, когда горел и дышал жжеными волосами, но потом снова оживал и успевал воткнуть очередь в дюралевое туловище фашиста.

Были мгновения, которых не хватало, их хотелось растянуть, чтобы видеть как ржавое пламя съедает фрицевский фюзеляж – надо было самому вертеться, иначе тем же огнем опалит твой борт, и ты уже будешь терпеть, стиснув зубы, такую жизнь. Лишь

бы движок не сдох!.. Лишь бы не вырубиться! А если не повезет, помчишься жутким кроваво-черным факелом вниз, стремясь успеть сдуть языки пожара до оставшихся для вывода ЯКа метров.

Воздушные бои, во многом и для многих драматичные, чем везучие, сделали Ивана мастеровитым истребителем, не боящимся расспросить о промахах и удачах. Он и других летчиков, независимо от должностей и служебного веса, измержал по такой же шкале, цена деления которой отсчитывалась только одним – поражением врагу. Надо только найти способ и суметь...

Решив стать таким, как Чкалов, или, во всяком случае, как герои-полярники Юмашев, Ляпидевский, Данилин, Громов, он начал с ответа на вопрос: как искать выход из положения?

У Ивана имелось главное: здоровье и желание.

Не было денег на дорогу.

Но ведь и легендарные экипажи на краснокрылых АНТ-25 сумели невозможное: трансполярные перелеты на Северный Полюс, в Америку, били рекорды дальности, продолжительности, высоты...

Кто мешает ему?

С двумя такими же мечтателями Ваня увел пятнистую корову у зажиточного мужика за Вычегдой. На городском базаре за вымистую телку получили достаточно: даже на парусиновые, более утреннего, солнечного снега, туфли хватило. Никому, разумеется, будущие военлеты об этом не говорили, но находчивостью своей в покорении неба гордились.

Надев летную форму, Иван все так же считал, что в его занятии результаты определяются только личными качествами. Настоящий истребитель лишь тот, кто отлично летает, то есть владеет мотором, крыльями, оружием. С началом боевых полетов, где не испытал он, в общем, ни бессилия, ни страха, ни, наоборот, самонадеянности, убеждения его изменились. Если раньше дотянуть до посадочного полотнища “Т”, хоть с недолетом, хоть перескочить, не было таким уж затруднением, то теперь он бывал и взбешен собой: когда от тебя ничего уже не зависит, а все исходит от того, сколько силенок осталось у слабейшего Яка. И еще от ветра – лишь бы не в лоб дул! Еще от многого непослушного ему, и меньше всего – от тебя самого. Теперь Иван не менее уверенно знал, что любого умения мало, все-таки мало, и что есть судьба, и что летчики, по-видимому, как и все служивые, и люди солдатского долга вообще, расставляются той судьбою вовсе не по их военной умелости, выслуге и даже весомости наград – то субординация внешняя, официальная, нет, расставляются они и везением по рангу честной славы среди товарищей, делающих одну адскую работу на всех, в которой нет и не может быть ни плановых норм, ни личных обязательств, ни сверхпроцентов, а есть только “надо” – без меры, без договоров, без тарифов. Хочешь летать – летай от души, выкладывайся, иначе пропадешь! И кто ты такой есть – робкий, задиристый, хитрюк, тугодум, лентяй или еще какой – положения такого от друзей и от начальства и дождешься. Если, конечно, не собьют тебя прежде твоей же известности – случайно или вполне справедливо...

Усвоил это Лютоев рано. И скоро. Может, в том июне, когда жажды давить гашетки, сжигать, бить хотя бы чем-нибудь скопилось гораздо больше, чем самой возможности драться и остаться не сбитым. Но тогда же – он усвоил и это – осозналось, что во всей своей судьбе никакому летчику не натянуть и ничего не спрятать – не соврешь! Не сможешь!

Были у гвардии капитана Лютоева и обиднейшие казусы. Например, приходил на аэродром на честном слове: с высушенными баками, без снарядов, которые разогнал неизвестно куда – не попал и все тут.

Если бы характер у Ивана сложился пощеднее на язык – среди старых коми редко появляются балагуры, а болтуны еще диковеннее – открыл бы он своему ведомому о том, чему вел с самого исходного взлета против фашистских оккупантов несомообманнный счет. Из этого вполне может получиться поучительная откровениями и долгая история рядового истребителя. Вернее, не долгая – неизмеренная, бесконечная...

Под Первомайском однажды облетывал отремонтированный ЯК. Открутил “кадушки”¹⁰, управляемые бочки, в мертвую петлю трижды слазил, качал, потряхивал

машину – ничего! Пошел обратно, домой, а тут “пешки”¹¹, с тем же курсом двигаются, вроде. Удивился: аэродромчик у Южного Буга явно тесноват будет. Догнал, хотел подойти поближе, посмотреть “Петляковых”. Слышать слышал о пикировщиках ПЕ-2, а не видел.

Когда вспомнил про спину, было почти поздно: повис фриц на хвосте, и еще два ганса за ним, на подходе – все жрать хотят!..

Куда занырнуть? Что придумать? Эх, стать бы комариком!

Придумывать, однако, некогда. Но надо!

Ручку на себя, ногу дал до предела, горку покруче заложил: день и ночь перескочил, без перерыва на вечер и ужин...

Вроде оторвался, а подышать ровно не успел: ЯК перестал тянуть, валится на нос утюгом и ничего не скажешь!

Но вот ведь машина – железяка с фанерой, клей да заклепки, а до конца живет. Стучит, кричит, а пытается вызволить себя и человека из беды!..

Как сыпался, как выровнять сумел, поддержать машину, Иван не помнит. Приткнулся на пустой проселок. Чуть “капот” не сделал на вымокшем под косыми струями черноземе, но ведь и не перевернулся, удержался вместе с ЯКом на ногах.

По-всякому складывалось.

Были такие карусели, что после не мог назвать, какие маневры выполнял. Четко видел только противника. И важно оказалось, как можно скорее и ближе подойти к нему, а как и сколько нажатий было – не помнил.

Как-то после сумасшедших, вдогон, вертушек с “мессерами” забыл о бензинометре. На приборы совсем не смотрел. На самой петле, когда висел башкой вниз, остановился винт. Дернулся, как от удара под дых, и стал перед самым носом пером набок. Куда вынесет?

Пальцы потом не мог отжать от ручки управления, как уместил ястребок на самую обочину у оврага. Не сполз. Тихо, на цыпочках, сели вдвоем...

Пришлось родной “Ячок” и на “живот” сажать – про шасси и не вспомнил. Не успел. Когда винтом стал землю брать, вспомнил, конечно. Чуть “один : один” тогда счет не вышел.

Или – об этом механики говорили – зарулит Лютоев на очередном травяном поле в уголок, поближе к деревьям, сдвинет плексиглазовый фонарь и заснет, не вылезая. После горячки на вертикалях его иногда хватало лишь на снижении зажигание выключить, а после посадки, на пробеге, кран топливный перекрыть, да коленками ручку зажать. Спит в кабине, а машину к полету следующему готовят. И только кто-нибудь из группы, вернувшись, сообщит про него: “Во-о, дал!.. Подзавалил гада!”

Но пока сам Иван не удостоверится, что ганс в земле, не доложит о сбитом. Так что учет у него был абсолютным.

Разное было.

Было и то, чем можно гордиться, и то, о чем можно и не упоминать.

Так и учился он всему, что положено уметь истребителю, учился делать как хотелось, и когда это удавалось, чувствовал Иван себя действительно самым счастливейшим летчиком, каким, по его представлению, был и товарищ Валерий Павлович Чкалов, самый летчик из всех. Но после, конечно, Нестерова – мертвопетельщика.

* * *

– Пойдешь? – спросил он у Гвоздика, вышедшего вслед за ним.

– Пойду, товарищ капитан – негромко отозвался тот позади.

Лютоев глянул на облака. Прищурился.

Кучерявые, они ползли от размытого горизонта, как оленья стадо уходит на свои пастбища. Только часа через полтора-два ветерок разгонит их, и можно покрутиться с младшим лейтенантом, присмотреться к нему.

Отнюдь не склонный к восторженности и осматрительный, Иван Лютоев внимательно наблюдал за новенькими, слушал. Судя по всему, работали они действительно неплохо, но оснований радоваться не появлялось. То, что другой, менее глазастый и вдумчивый, принял бы безоговорочно за навыки и даже способности, Лютоев виделось по-другому. Теперь, по прошествии трех фронтовых лет, он умел различать почерки летчиков и мог сказать определенно и сразу, когда некоторые из них, из молодых, не овладев достаточно технологией власти в

бою, прикрывали свою неопытность, малоинициативность лихачеством, показной неустрасимостью с заявкой на асовство, заканчивающееся обычно вредным, неоправданным рисованием.

Младший лейтенант воспринимался летчиком иного склада. Незаметные остальным приметы в его движениях, в поворотах длиннеей головы, в интонациях и количестве слов, сама манера держать себя подсказывали Ивану, что этот ведомый отличается расчетливостью, умеет нутром, не шалея, споро и экономно ориентироваться в обстановке. По-хорошему удивило возвращение из-под Мартыновки и скромная прямота по отношению к капитану Гладюку. Но еще ободрило то, что нельзя не отметить для летчика: решения свои Гвоздик может принимать не раздваиваясь, моментально, исполнять их без колебаний, но и не валком, и не нахрапом, а рационально, с умом. Причем, без подсказки.

Так-то оно так, и гвардии капитан Лютоев сумел бы в штабе доказать свои выводы о младшем лейтенанте, но не помешает увидеть их самому в натуре, убедиться в Гвоздике там, наверху, где все это, думай-не думай, убеждай-не убеждай, а обнаружится сразу же, со взлета.

Лютоев задрал голову, безотрывно осмотрел небо, проследил за облаками.

– Есть просьба, Коля! – он заторопился на КП¹².

– Слушаю, товарищ капитан!

Лютоев остановился, вновь глянул на небо.

Обернулся к ведомому.

Он застыл перед ним, будто и не шел размашистым шагом.

– Хочу, чтоб узнал ты, что я знаю. Только скорей. – Лютоев разглядел у него рыжеватые ресницы, и что нижняя, подушечкой, губа слишком упрямо поджата, что пуговицы, пряжка ремня и единственная звездочка на погонах до солнца натерты асидолом, а подворотничок пришит так ровнехонько и незаметно, как не сумел иголкой Иван. Однако, ничего!

Лютоев повеселел.

– Запоминай, Коля!.. Не терять из виду мой погон. Вот этот! Раз...

– Ясно, товарищ капитан.

– Самолет не опознал – атакуй! Два.

– Понял, товарищ капитан.

– Пошел в атаку – сделай глаза и сзади! Три...

– Понятно, товарищ капитан.

– Не забудешь – погоны отдам! – добавил Лютоев и сам не удержался перед улыбающимся Гвоздиком. – Ведущим сам станешь!

Засмеялся, и тут же, спохватившись, продолжил:

– Что есть пара?.. Я это ты, ты это я. Крыло в крыло. Прозеваешь – отобьют мне, и наоборот. У охотника ведь две лыжи...

– Так точно, товарищ капитан, две.

– Что ты, однако, заладил? – Ему не понравилось добросовестное послушание. – Все понятно – так не бывает.

Помолчал.

Подумал.

Сказал:

– В одиночном пилотаже летчик видит землю, горизонт, следит за приборами – контролирует, короче, полет. А тут все наоборот. Нет для тебя ни земли, ни приборов – ничего, кроме меня, кроме ведущего... Задача твоя одна: держаться за меня, не отрываться. Остальное пока тебя не касается. Овладеешь такой психологией – порядок! Не выйдет – сожгут! И я не успею...

Лютоев хотел сказать побольше. Трудно, понятно, ходить привязанным. Сталкивались даже, не то что теряли друг друга. И почти всякий раз виной была попытка ведомого оглядеться, уточнить свое положение в пространстве, засечь мельком стрелки указателей скорости или высоты...

Потом – о пилотаже надо напомнить.

Спросил:

– Какие фигуры любишь?

Гвоздик опустил нижнюю губу.

– Сложные, товарищ капитан!

– Ясно. – Он покосился на “колбасу” ветроуказателя у КП.

– Сколько же ждать этой погоды?

– Вопросы есть? – повернулся вновь к ведомому.

– Есть, товарищ капитан.

– Давайте.

– Товарищ капитан, много ли фашистов вы или другие ветераны полка сбили на сложных фигурах?

Лютоев удивился.

– Точно не скажу, но чаще – на простых.

Младший лейтенант переступил ногами.

– Вот видите, товарищ капитан. Выходит, чем проще – тем лучше! А вы про высший пилотаж... И на учебе нам то же самое говорили!

– Нет, Коля. Чем выше пилотаж, тем безопаснее победа. Выходит: тем дольше жизнь. Ясно?

– Так точно.

– Если ясно, тогда – к машинам! Номера знаешь, а я к отцам, договорюсь насчет покрутиться.

Шумливые летчики, перебрасываясь репликами и закуривая, обходили их. На ходу заменяли пилотки на шлемофоны, поправляли ларинги, подтягивали ремни с торчащими в кобурах ТТ. Успевая мельком подшутнуть, подурачиться, бросали взгляды на удаляющегося почти бегом “лютого”: кто с уважением, кто сочувственно...

К ведомому присмотреться не удалось.

Загадывать на вылет нельзя. Будет он или не будет, во время или не во время: пока не поднялся, пока не дотопал куда нужно, пока не приземлился – нечего зря пустословить! И даже когда все будет, не обязательно считать, что все в порядке. Командир полка приказывает, комэск разрешает, летчик полагает и может исполнить, но погода, оперативная сводка и материальная часть сотворят все по-своему.

...Около 18.00, когда штурмовики на бреющем пошли на Мартыновку, небо стало таким, каким не увидишь его ни днем, ни вечером. Было оно того невыразимого осеннего качества, которое иногда упрощенно называют цветом грустных сумерек.

Силуэты ЯКов, застывших вдоль летного поля, казались затусованными. Газанув, Лютоев энергично и нетерпеливо вырлил с места стоянки.

Рядом никаких огоньков. Лишь раз, и то, наверное, случайно, промелькнуло пятнышко “переноски”; механики, забывая о светомаскировке, осматривают самолеты, копаясь в моторах.

Лютоев коротко глянул на недалекий, сходящий на нет, точно проваливающийся куда-то вниз, лесок. Деревья проступали нечеткими, тоже как закрашенными, но при движении самолета казались совершенно сплошной, вытянутой и толстой стеной, отделяющей аэродром от войны. Иван перевел взгляд на горизонт и подумал, что за ним, если держаться на северо-восток и пролететь тысячи две километров, можно будет увидеть блестящую ленту Эжвы. “Там уже снежит”, – представил он.

Оглянулся: машина Гвоздика, переваливаясь по-утиному, пристраивалась за ним. “Похоже, робко идет...” – отметил Иван.

Осмотрелся вправо-влево. Потемневшая, как залитая чернилами, травяная зелень, прибитая горячими струями от винтов, перемятая, исполосованная колесами самолетов и грузовиков, была тосклива и тяжела.

“Кузь пась”¹³ – ему показалось, что он гонит самолет по той шубе с бранными узорами, и, вспомнив, Иван похолодел. Когда отец узнал о его самовольном намерении, то выгнал раздетых мать и сына, выкинув всю одежду. Спустя дни, Ваня приходил из Вильгорта на пустой двор, нашел обгоревший кокошник с украшениями, поломанные олени рога с охлупня¹⁴, резные веретена, а в стороне, за домом, затоптанную изрезанную шубу. Отец принес ее матери, когда родился он...

Стало зябко. Как от одиночества.

“Письма давно нет!” – кольнуло его.

Поднял глаза: сверху, от исчезнувших облаков, уже густо багряных, тоже обмазанных по краям чернилами, дымился, вытягиваясь к замершей земле, бледно-розовый иней.

“Раненько предзимок!” – сказал себе Иван.

Сдвинул сектор газа вперед еще. Стало ветренее – опустил на лицо очки.

Двигатель, взревев, потянул ЯК еще стремительнее, и сразу же, спаренно, добрал обороты двигатель ведомого.

Подпрыгивая вразной на невидимых неровностях, вперевалку покачиваясь, истребители разогнались, и без толчков, согласно взлетели.

Глотнув в несколько вдохов прохлады, капитан закрыл фонарь. Придирчиво пробежал глазами по приборной доске: мерцающие лунной лазурью стрелки показывали то, что требуется.

Остро осмотрел горизонт – нигде никого. Ни единой подозрительной точки.

Первел взгляд на бортовые часы – до встречи с ИЛами время еще есть.

Что там Гвоздик?

Обернувшись на ведомого, капитан упрекнул себя за поспешность идти такой парой на сопровождение: машина младшего лейтенанта отставала, шла скованно, рыская и по курсу, и по тангажу¹⁵.

– Коля, Коля! – прошептал, вздыхая Лютоев. – Удержишься?

Качнул ЯК с крыла на крыло.

Мигнул трицветом АНО¹⁶.

– Внимание, Коля!

Из донесений в штаб 397 ШАП:

“18 августа 1944 г. двумя звеньями ИЛ-2 в районе ж-д станции Мартыновка уничтожено 48 единиц подвижного состава с боевой техникой и живой силой. Выведены из строя пристанционные здания, пути, мост. При взаимодействии на прикрытие истребители ЯК-1, бортовые номера 11 и 12, отразили атаки МИ-109 в количестве 9 шт. Сбиты 3 самолета противника. Потерь личного состава и материальной части нет”.

Зам. командира 1 АЭ 397 ШАП

Ст.лейтенант П. Пташинский

* * *

Ведущий, гвардии капитан И. Лютоев, поджег два “мессера”.

ФОМИЧ

Для всех прилетающих наш город начинается памятником на привокзальной площади. Памятник в аэропорту как памятник – вроде бы ничего такого и нет. На постаменте из мощной трубы для газопровода стоит самый маленький по нынешней поре вертолетик. Одноместная машина, то есть пилот один. Сидишь как в колбе электролампочки...

На постаменте есть фамилии и имена тех, кто первыми осваивал такие машины здесь, на европейском севере. Идя на работу на аэродром и возвращаясь, ловил себя не единожды на мысли, что нет в том списке того, вспоминая которого и сейчас мне неловко...

...Для многих тогда он был просто старым технарем. Да и как не старым, если Фомич, когда разговоришь его, откровенничал о полетах наших в той еще, в корейской войне. И что сколько, как сбивал, и почему ястребки МИГ-15 накальвали все-таки американские “сейбры” на снарядики своих 37-миллиметровых пушчонок, были вертки и скослоподъемны, а янки к тому же дрались в одиночку и не умели. Чуть что не так, задымит кто-то из них – остальные хвосты показывают. Наши – боючие, показывали себя неплохо, хотя и горели... Вообще, от той драчки не остыли, с фрицами, а здесь с союзничками кулачаться – мы же не фу-фу полеты вели!

Так выражался у нас только он, Фомич. Между прочим, трудяга был такой, что мог и два, и пять часов лазать без перерыва под капоты двигателя, вскрывать-защелкивать лючки и крутить винты, проверяя в который раз фильтры, трубопроводы маслогирисистем. Найти сразу причину неисправности в тесном переплетении проводки, тяг разных и механизмов трудновато, но он – мог. Узнает о дефекте, послушает пилота, вздохнет и пойдет к вертолету. Постоит вприглядку, попробует обшивку касанием ладоней, опять повздыхает на всех оборотах, по приборам глазами полазит, поизмерит цифры, выключит все, кивнет механикам: “Снимайте топливный насос!”

Ребята, возившиеся перед этим на вертолете, чертыхались, плюясь из-за самоуверенного указания, откручивали – точно, виноват именно подкачник! За чувствование нутра воздушных судов Фомича боготворили – как умеют делать это работающие в любую погоду на улице технари со стажем, и молоденькие сменные инженеры, для кого выпускать машину точно по наряду было престижем, делом чести, хотя никто и понятия не имел о причине отказа. Звали Фомича – и машина успевала быть готовой прямехонько к рейсу. Поднимали с постели до завтрака, если был выходной, отыскивали на рыбалке, в кино, на даче – никогда никто в ответ не слышал ни ворчания, ни тем более протеста.

Здоровался он интересно. Не сжимал поданую ладонь, а касался ее, но так как-то, что всегда вызывал уважительность. И руки вроде обычные – всегда в металлической пыли, замаслены, дубленные. В общем, сильноватые! Случалось, в неудобном месте никто из механиков не мог отвернуть гайку внутри фюзеляжа. Все липнет от мороза, в рукавицах и делать-то нечего – ключ не удержать! Фомич подойдет, заглянет в отсек, поглядит молча. “Это ж не фу-фу, а сооружение! – вздохнет, собрав пальцы “пятнадцать на семнадцать”, засунется почти полностью в машину – через несколько минут вылезет с гайкой. – Вот так, паря! Надо захотеть!” – И уйдет. Никто и никогда круче не попрекал. И ни разу положенными по всем нормативам рукавицами при обслуживании вертолетов не пользовался. Даже в феврале, когда ночами машины подогревают, кутают ватными чехлами, чтобы “на брезгу”, лишь рассвет только-только начнет заниматься, запустить подостывшие моторы с чихом и дымом, в парующем тумане...

...К сочнокрасному МИ-1 с бортовым номером 18000 я постарался подойти по-хозяйски. Все-таки командир! Правда, никого в подчинении у меня, кроме техника, не числилось. Да и тот значительно старше, прослужил в авиации куда более! Я шел от диспетчерской и представлял, как техник, заметив, оботрет торопоку руки ветошью, застегнется как положено и отрапортует о состоянии материальной части. Разумеется, я выслушаю, поздороваюсь кивком головы и разрешу. Продолжайте подготовку к полетам, продолжайте! – А сам начну, как требует карта предполетного

осмотра, обходить вертолет, проверяя лопасти и втулку несущего винта, подкосы и колеса шасси, подвесной бак, кабину...

Меня у МИ-1 никто не встретил. Засунув себя по пояс в раскрытый отсек, техник орудовал там спиной ко мне. Этого, конечно, я не ожидал. Фомич – это был он – услышав шаги, выкарабкался наружу, неуклюже поправил черный, в масляных пятнах, комбинезон и равнодушно, как показалось, буркнул:

– Порядок, командир!.. – Протянул для оформления бортовой журнал. – Принимаю железо!

Он никак не назвал меня. Даже официально принятое в таких случаях произнес по-своему, самовольно проше. Разглядывал меня он тепло и покойно.

– Умеете осматривать или вместе надо? – поинтересовался шутя, пока я перелистывал документацию и читал опись имущества, замечания о работе бортовых систем.

– Учили! – гордо ответил я, идя по колечку вокруг вертолета.

– Ну-ну! – одобрительно хмыкнул техник, залазя снова в отсек. В его словах ощущалась обезоруживающая непосредственность и простота, на что я не мог обидеться.

День прошел нормально. Получилось рейсов двенадцать. Сходил “по трубе”, от компрессорной до компрессорной верст сто пятьдесят, посмотрел с наблюдателем трубопровод. Затем завез почту на буровую, забросил продукты леснику. Следователя подвез в отделение совхоза – там кто-то наломал дров ружьем. В общем, задание по наряду выполнил. Когда пошел обратно, в Ухту, машину начало почему-то раскачивать. Даже очень резко. Как ни пробовал утихомирить – не вышло. Связался с аэропортом, мне спрямили маршрут – к полосе я выскочил, будто минуту назад был здесь. С ходу нырнул, рискнул с высокой вертикальной скоростью, чтоб побыстрее. Уже перед самой землей понял, что не удержу, машина не вспухнет и зацеплю, значит, хвостовым винтом...

МИ-1 действительно не завис. Плюхнул я его вперевалку с боку на бок, чиркнул все на балкон. Уже на заруливание, как в наушниках, припомнил: ведь предупреждал Фомич, говорил:

– Эта тру-ля-ля, – так он называл вертолет с нашим номером, – сердитых движений не любит! Учти, не на фу-фу летаешь!.. Дави мягенько, а она вытянет!

На стоянку машину подвел нехотя, на цыпочках. Встретаться с техником не хотелось. От него, наверняка, не утаились ни косолопая посадка, ни замедленно-осторожное руление, ни мое кислое выражение сквозь остекление...

Фомич подошел, ничего не говоря, помог освободиться от привязного ремня. Сам не спеша выключил все тумблеры, поставил на тормоз несущий винт.

– Чаек согрелся! – сказал по-отцовски. – Пойдем, командир! – И мне стало понятно, что этот человек может увидеть и душу мою, и защитить, и высказаться правдой.

Потом разное было. Авиация – дело неровное. То металл подведет, то машина не тянет, то просто не повезет и все тут. Иногда сам напортачишь. А боженька со своим настроением сколько раз фортеля с погодой выкидывал: синоптики прогнозируют ясное, дотопашешь туда – в том районе туча за тучей попеременно, развернешься носом – полосы уже и не видать. Редко проходит без закорючек...

Когда однажды затих двигатель, даже не поверил. Не понял тихоты. Пришлось по-срочному нырять, под себя садиться. На счастье попал в “колодец” – сосняк метров под двадцать, как на щетки для Гулливера, ровнячки – еле втиснулся со своими винтами. Но на бок не лег, балку хвостовую не подломил. Ура!.. Когда осмотрелся – черт, отсюда же не взлетишь – не пролезешь вверх! Больше того, чтобы вертолет восстановить, придется топтать через тайгу, а по карте до ближайшей дороги километров восемь. Это если нормально, да умножить придется на конец марта, пургу, на минусу за тридцать...

Фомич, можно сказать, вынес машину на руках. Разобрал все сам, отыскал причину, опять собрал. По пояс в снегу работал, костром обходился, но за три дня сделал. Вертолет, словно соскучившись по небу, легко вытянул свечой. Только выключились в аэропорту, Фомич распахнул боковую дверь и, не ожидая останки крутящихся лопастей, выскочил на бетонку:

– Э-эх, разлюли-малина! – Радостный крик был одобрением самим себе. Повернулся ко мне. А твое занятие, паря, переменчиво!.. Ветерок то в нос, то в хвост, а курс – держать надо, а?!

От его слов становилось всегда легче. Подумаешь: и впрямь, всякое случается на работе. Но уверенности терять нельзя.

В объяснительной записке для расследования я написал, что упало давление топлива и при экстренном снижении на авторотации, без двигателя, “не хватило ноги” в управлении педалями. Как, собственно, и было. Комиссия вынесла решение: причиной отказа могло стать упущение при техническом обслуживании вертолета. Через три дня вывесили приказ, и Фомич оказался безлошадным, да еще и понижен – куда пошлют, к кому и на какую машину...

То, что не хватило ноги, мне однозначно посоветовал вписать комзск. Ты, мол, сделал все верно, по документам, а неисправность управления не позволила сесть по-другому. И на эскадрилью не будет пятнышка, и не придумано – вспомни, как падал!.. А наше

дело соколиное – чтоб в небушке высококолько-далекоко чистоенько было! На земельке этой пускай и разбираются!..

С Фомичем мы оказались у одной машины года через два. Я торопился, уж и не скажу: из-за заказчика или туманец поджимал – надо было по-скорому вылететь. Фомич как будто не изменился.

– Ну, чего там? Знаю же тебя – смотреть машину не буду, некогда. Давай – от винта!

Техник нахмурился.

– Запачкаться боишься? – Пришлось подчиниться установленному порядку предполетного осмотра.

Пристегнулся, включил радио. Несколькими качками дал воздух на стартовую раскрутку двигателя, а Фомич меня по плечу хлопает:

– Давай!.. Не на фу-фу летаешь, дави мягко...

Сколько прошло, а до сих пор ловлю тебя на виноватости перед этим человеком. И фамилии его на постаменте первым нет – несправедливо!..

СЕМЬ МИНУТ

У каждого такое было. Взвихрила когда-то, закрутила песня или просто мелодия. Со временем, в заботах и днях-годах, вроде бы, затихнет она, почти забудется. Но вот выпадет мгновение, и неожиданно все вырвется из памяти, обожжет.

Так и небо. Каждый летавший испытал первые волнующие секунды. Потом, позже, повторяющиеся взлеты-посадки пригладят в повторяемости рейсов краски начала. И летаешь, летаешь... Пока однажды не всколыхнет душу эхо отчаянной радости от встречи с крылатой машиной, от зовущей и властной взаимности в стремлении набирать скорость и высоту. И вновь зазвучит та мелодия или песня.

* * *

Длинномерные лопасти, докрутив еще несколько замирающих оборотов, остановились.

– Все, дотопали, – поймал себя на радости Устинов, командир вертолета-крана МИ-10К. Облегченно стянул с головы радиогарнитуру, пригладил отблескивающие возрастной белизной волосы. Он всегда растягивал послеполетные минуты, не спешил, как многие, расписаться в бортовом журнале и, схватив портфель, бежать к автобусу. В экипаже на него порой ворчали за это, но случалось такое редко, потому что во всем главном и также в остальном Максим Николаевич был человек, что надо.

На своей “десятке” Устинов делает все-все: возит, ставит, поднимает, стыкует, демонтирует. Может на ладонь опустить из-под облаков конструкцию тонн этак в девять. Мягко прикоснет к руке и удержит на весу – не почувствует. А еще умеет собирать из кубиков-секций заводской цех или башню телевизионную. Он – летающий монтажник, король вертолетного дела. И все, кто попадал к нему на выучку или экспромтом, на рейс-другой по воле начальства, считали для себя честью поработать с таким пилотом.

Неговорливый, даже скуповатый словами, Устинов никогда после посадки не отругает за промашку. Перед тем, как отпустить товарищей по экипажу, поблагодарит всех и потом только, как бы невзначай, напомнит ситуацию, объяснит ошибку. Если что-то серьезное, добавит в конце:

– Полет всегда в единственном числе, понятно?

– Конечно, понятно, командир!

Услышав “конечно, понятно”, Максим Николаевич обязательно посмотрит строго-недоверчиво. В нашем отряде знают, что Устинов не перебаривает быстренькое соглашательство. Погасит взгляд, голос станет каким-то другим, низким:

– Начальник для вас я вышестоящий... Первый командир каждому – сам ты. Вот и поступаю по субординации!

По привычке, закинув на не по-модному чубатый затылок синюю фуражку и поправив порывевшую, в потертостях, кожанку, пошел со стоянки пешком. Всегда, если только не поджимало время следующего рейса, он протопывал через весь аэродром. Надышился приземным воздухом, слушая стук собственных

каблуков по бетонке, озабоченный говор у раскапченных машин. Он считал, что авиация начинается вот здесь, на пропахших керосином и маслом пятках земли, где вертолеты готовятся к работе и куда возвращаются.

Замечал он у пилотов, даже классных, некоторую высокомерность в отношении к техникам – от этого становилось обидно. Обидно за них самих, чья профессия и вообще благополучие основаны на почитаемости летных правил и уважении труда всех, кто провожает и встречает экипажи с полетов. Как бы мы без технарей, без инженеров?.. Машины-то какие гигантские: проводов – километры, мощи в движках – тысячи лошадей, самому справляться уже невозможно! Не то что МИ-один...

Он, благодарно вспомнив шутивное название МИ-первого, усмехнулся. Была такая стрекозочка, была. Сколько же времени отвертело, а? Вроде бы и совсем недавно потел-мерз в маленькой, юркой “единичке”, а поди – годы-ы, годы...

Приходилось порой брать с собой в рейсы и техника, подводило кое-что – винтокрылы только приживались, все в вопросах. Как-то взлетел, набрал сто метров – чувствуя: ручка шага-газа пустая стала, ходит, а толку никакого. Петрович сидит сзади, за спиной. В зеркало видно – побледнел, поворочался, заерзал, потом неожиданно разразился...

Отчетливо ощутилось все-все: гулкая стукотня поршневого двигателя, шорох сопротивляющегося ветра в приоткрытой форточке, противно леденящее стужение в груди и вспотевшие ладони на рубчатке управления. Что случилось? Как садиться? А Петрович уже мостится у тяг, складывается. Как он уместился с его ростом на тесном полу, непонятно до сих пор. На спор потом с эскадрилей Петрович попытался несколько раз повторить хитровато ловкую геометрию – не получилось, даже ноги некуда было деть! А сели тогда – ничего, с третьего захода. Сумел саженьный технаряга тягу состыковать, успел!..

– Давай, давай назад! – отвлек Устинова флегматичный моторный шум под громкие команды. – Лопасть не зацепи, погля-я!

– Черт старый! – узнал это хрипотцовое “погля-я” вертолетчик. Оглянулся: огромноколенный КРАЗ – буксировщик осторожно пятился в угол стояночной площадки, к запрятавшемуся среди высокоростных, пухловатых воздушных судов – МИ-8, МИ-6, “двадцати шестерок” с дельфинными носами.

Подтянутый, постаревший Петрович руководил работой по транспортировке. Вокруг малышки собрались техники, пилоты, рабочие.

– Прощайся, Максим Николаевич, – поздоровавшись, объяснил ветеран. – Отлеталась ласточка. Не забыл нашу? Она и есть. Час в час ресурс отработала. Осталось по формуляру семь минуток. – Он расстроено обернулся, не пряча вздох. – Списали! Памятником будет... на площади, у аэровокзала... Все, пускай, глядят... с чего мы пешковали...

Махнул водителю:

– Поехали! – Пошел сбоку, рядышком. Так уж положено провожать все летающие – и огромные лайнеры, и несерьезно хлипковатые аппараты. Собравшиеся медленно двинулись вслед. Позади, замыкая грустную процессию, неторопко, с низко опущенной стрелой, как насупившись, покотился подъемный кран.

– Стой! – заорал вдруг Устинов и, став поперек движения, скрестил над головой руки. – Стой! Отцепляй водило!..

– Чего-о? – подбежал Петрович. – Все я проверял, нормально!

– Отцепляй! – торопя, засуетился пилот. – Ведь есть еще ресурс!.. Давай, готовься, Петрович... Сейчас согласуем – и... как тогда-а!

Звуки ожившего вертолета оказались для Устинова самой лучшей музыкой. Он ходил взад-вперед мимо открытой дверцы, слушал и лыбился, не пряча настроения. Ждавшие аэропортовцы, толпясь, тоже улыбались.

Усевшись в лампочную кабинку – во, колба! – Устинов сдвинул рычаг шаг-газа, плавно добавил оборотов, отпустил тормоз. Посвистывая замельтешившими, в блестках, дисками винтов, МИ-1 покотился по рулевой дорожке. Крепко сжав управление, Устинов осмотрелся через лобовое стекло. Впереди, вправо-влево раскинулся простор аэродрома, наполненный небом с серебристо-солнечными облаками. Он скоро дотронется до них, и его кабину зальет белая темнота. Шкалы и стрелки приборов зажгутся зеленою, а потом – сквозз облачность, в синеву...

МИ-1, послушный Устинову, сделал спокойный широкий круг, словно летное поле, ангары и склады, локаторы, ряды застывших у перрона самолетов – этого раньше не было. Потом, с линии разворота металлическая птица потянулась вниз, прицеливаясь к выбранному месту.

Заслышав нарастающий, придавливающий рокот, люди выбегали из аэровокзала, из ближних жилых домов. Словно

сопротивляясь надвигающейся обесценимости, МИ-1 тянул к орнаментной, в разноцветье, округлой клумбе посередине площади. Еще, еще... и напрягаясь возбуждением машина облегченно приникла к постаменту из трехметрового отрезка широкой газовой трубы. Погас шум, обмякли лопасти. Вертолет осел сразу тремя точками – стойки шасси даже не спружинили. Никогда еще Устинов не сажал так нежно и грустно...

Посадку зафиксировал в 14.20 – не сняв наушники, принял голос диспетчера. Стоянка номер... ноль!

Нехотя отпустил управление, потянулся к магнето – выключил. Пощелкал, опуская, тумблерами. Обвел, проверяя, влажнющими глазами кабину, поправил зачем-то лампу подсвета. Точка уходила, уступая тихой гордости: а ведь повезло сделать кое-что, и не в хвосте...

* * *

Бывает что-то в нас. Приходит час, когда подзабытая мелодия воскресит самое близкое, самое дорогое.

Так и тут. Почуешь аэродромные запахи и звуки – поманит, разбередит дурман силы и высоты – и понесутся через тебя тревожащие краски памяти.

Вы когда-нибудь видели, как старится вертолет или самолет? Пока длится его судьба, умирают все, кто мог бы поделиться своим памятным о нем. И тем, кто дошел до нас, достаются в наследство только воспоминания о воспоминаниях.

МИ-1 застыл памятником. Тем, кто начинал и осваивал вертолеты на Севере. Кажется, присел МИ-1 ненадолго, чтобы, передохнув, лететь дальше, выше, быстрее...

ЧАСЫ С НЕЗАБЫТОЙ МЕЛОДИЕЙ

*От счастья и от горя мы на волосок.
(из песни)*

Было еще темно.

Тусклый неоновый свет навис над домами и над рекой. Кажалось, отяжелевшее фиолетовое небо опускается от усталости на землю, продавливаясь крышами, деревьями и столбами.

На тротуарах слякоть.

Ранняя осень сырными цветастыми полосами и пятнами подрагивала на окнах, лежала на припаркованных по улицам и дворам машинах, на черном песке пустынного пляжа, нехотя покачивалась на ветках, стекая каплями с мокрых листьев, и влажно шелестела под колесами редких такси.

В густом воздухе городские фонари в парных, с неровными разрывами, шеренгах отбивались от темноты, и за многоквартирным набором серийных пятиэтажек застроенная без претензий на вкус панельными и блочными “высотниками”, Пионер-гора молча вздымалась, поблескивая новенькими, как в совсем другом мире, безмолвно, неизвестно, и лишь рядом, вызывая озноб и досаду, робко перестукивались по жестяному карнизу срывающиеся с шифера скучные дождевики.

Он повернулся к жене, и уже без этого ощущения посмотрел на ее спутанные, подкрашенные в седеющих местах хной, волосы и полуоткрытый дышащий рот. Значит, у нее скоро юбилей? Неужели сорок пять?

Ужиная, Дмитрий Сергеевич спросил:

– Что, Наден, хочешь? – Косясь на сына-девятникласника, моргнул ему. Два таких мужика к твоим услугам, командуй! Что желаешь к празднику?

Жена усмехнулась, наливая чай:

– Да чего там? – Ей все чаще грустно становилось в ожидании своего дня. – Какой же это, господи, праздник?.. Годы, что солнце с луной. Молодость прошла – не попрощалась. Старость на подходе – не спрашивается. И хотела бы не впускать, да она сама навязывается, давит...

– Ну так что, матушка? – шутивно принуждал ответить Дмитрий Сергеевич. – Устраиваем круглый стол объединенных наций?

– Да зачем, Дим? – Жена несогласно остановилась у стола. – Компании собирать он обожает – всем друзьям и соседям известно. Гостю-юн!

Отойдя к плите, отозвалась сухо:

– Не люблю большие торжества. Да и хлопотно, зачем?

Круглоплечий Слава, кашлянув, напомнил:

– Кажется, собирались мокасины приличные матери к зиме купить? Ее очередь.

Надежда Васильевна обернулась:

– Да то когда решали?.. Когда папа наш замглавного был?!

Тогда жаловали его неплохо, – сказав, она тут же пожалела что затронула эту тему. Но привыкшая говорить мужу все без обиняков и уменьшительных суффиксов, продолжила на ходу с посудой в руках. А на нынешний окладик только замки запасные и колготки в тон поискать можно!.. Стоило столько учиться, столько лет в одном управлении работать, что бы оказаться выкинутым...

Подойдя, раздраженно добавила:

– Может, к пенсии поумнеешь хоть – кому нужны эти принципы? Чего добился? Того, что сейчас ты никто, а ваш Чернык на Звезду в золоте все молится?.. Довыступался?

Дмитрий Сергеевич сердито глотнул чая и, обожгнувшись, со стуком, разливая, поставил чашку. Он устал отбиваться. Конечно, Надежда права: в его возрасте и с его опытом вернуться к юношеской получке рядового инженера – смешно! Смешно и обидно!

Не поблагодарив за ужин традиционным чмоком в щеку и даже не глядя на жену, он расстроено поднялся из-за стола. Грубовато подтолкнул жующего сына и, ничего не сказав, пошел на балкон.

Сумеречная прохлада успокоила, но только на немного.

Дмитрий Сергеевич потащил из кармана пачку “Опала”, аккуратно достал сигарету, помял ее, помял и так и оставил в

пальцах. Что говорить о переговаренном? Надоело!.. И знает же, что больно делает, а все равно колет...

Он обиженно подумал о жене и поймал себя на том, что злиться от ее постоянных поддевок и нескрываемой неудовлетворенности его положением, а значит, и состоянием, продолжает как-то машинально, не пытаясь смягчить настроение Надежды и скапливая горечь внутри.

Из открытой форточки кухонного окна донеслись баритонистые неровные слова, и он невольно прислушался. Чего это Славка напал на мать?

– Ему тяжело с его характером, а ты масла подливаешь...

– Пусть не молчит, как полено! – мгновенно отозвался голос жены. – Ишь, жертва перестройки!.. Если воюешь с начальником, надо рассчитывать силы!..

–...и последствия, – продолжил в тон Славка. – Чтоб все было взаимно, да? Дозированная правда?.. У этого Черняка мохнатая рука, он перешагивает людей, если ему что-то нужно! А у кого-то, между прочим, просто сердце болит от несправедливости!..

– Вот-вот! – обрадованно вскрикнула жена. – И нечего лезть, если сердце слабое. С мохнатыми надо их же приемами, иначе съедят!

– Нет! – отрезал сын. – Отец правильный. Он слишком человечный! А Черняк – редиска!.. Это его прокатили мимо кандидатуры в депутаты? – Славка хмыкнул удовлетворенно.

“Откуда он узнал?” – удивился Дмитрий Сергеевич и зажег спичку.

– Какую же наглую совесть надо иметь, чтобы не быть на собрании, где его должны были избрать кандидатом? – спросил Славка у матери. – Должн-ы, понимаешь ты?.. У нас в школе учителя проболтались на дне самоуправления, а мне захотелось посмотреть на этого Черняка?.. Отца с работы снял, а сам что?

Славкин баритон стал жестче:

– Если что я и ненавижу в вас, взрослых, так это двурушничество. Так легко вы предаете самих себя: говорите одно, делаете другое, а в глаза суете третье!..

“Молоток!” – улыбнулся Дмитрий Сергеевич. Хотел все-таки закурить, но раздумал. Выбросил сигарету.

Внизу жила улица. Прохожие занимали ее по обеим сторонам, разделенные движущимися автобусами, легковушками, шумными мотоциклами. Изредка перебежали они дорогу под нервное факанье сигналов.

Начинало моросить. От появившейся сырости Дмитрию Сергеевичу стало зябко. Нудный мелкий частич, внешняя разобщенность идущих людей угнетала. Он уже не слышал разговора из кухни, мысли его перепутались, разбежались, возвращая к работе, к предстоящему дню рождения жены, к Славкиным проблемам.

Неделю назад сын заявил, что прежние планы идти в Бауманское он изменил. Подумал, и решил заняться воспитательством. Будет поступать в педагогический. “Ну что ж, тебе жить, – поразился Дмитрий Сергеевич, – тебе и шаги мерить. Только почему? Почему из конкретной инженерии – в бездонное учительство?”

Славка пошевелил скулами, и в нем проступила упрямость.

– Пока не знаю, отец... Только понять хочется – где, когда и отчего из самых честных пацанят прорастают вот такие!.. из-за которых сейчас газеты страшно читать.

– Ты уже разуверился после Советской власти и в этой? – Дмитрий Сергеевич сощурился. Сын взрослее, чем он полагал. – Что ж, не так уж это и плохо. Но ранимым быть опасно, Славик!.. Хотя, чтобы пройти через боль, через радость, через смятения, надо пораниться!..

Он тревожно нахмурился, не делаясь подуманным.

– Я другой власти не знаю, – твердо ответил сын. – Но то, что вы наделали за прошлое, заставляет переспрашивать, не верить на слух, и думать, думать.

– Хорошо, если – думать! – вздохнул Дмитрий Сергеевич и попросил все же объясниться. – Почему в учителя?

– Я сказал: не знаю, – пожал плечами Слава, и на лбу появилась поперечная складка. – Мне кажется, если нам... ну, стране, чего-то не хватает, так, прежде всего, нас самих.

– Не понял! – Отец сдвинул губы. Где он нахватался? Что-то раньше не замечалось подобных увлечений!

– Все ты понимаешь, – снисходительно улыбнулся сын. – Только говоришь, что не понял. Такого как раз – в избытке везде!

Они замолчали.

Как закончить беседу, Дмитрий Сергеевич не придумал и хотел отложить ее на выходной. Чтобы сестра и спокойно посоветоваться. Всем троим. Он собрался предложить, но Слава опередил:

– Быть самим собой, отец – очень сложно?

– Да-а, – низко протянул Дмитрий Сергеевич. – И дорого. Сложно и дорого!

– Выходит, столько людей не уважают даже самих себя, если врут? – неожиданно звеняще спросил сын.

Отец подавил вздох.

– А ты? – задал еще вопрос Славка, и Дмитрий Сергеевич ожесточенно сдвинул брови. Придется пофехтовать с ним, иначе дров наломает! Ну, закончит педин, попадет, в конце концов, в дыру деревенскую, где в школу на тракторе возят... Какая там педагогика? Глушь – венником не достанешь!

– Ладно, – уйдя от ответа, он положил ладонь на сыновье колено. – Давай в воскресенье сядем и выговоримся, идет?

...Темнота постепенно посерела. Комната из бесконечной оконтурилась и на потолке, на хрустальных сосульках люстры, загадочно забегали лучики, размываясь и вспыхивая от уличного света.

Дмитрий Сергеевич не спал.

Послезавтра воскресенье, а он до сих пор не готов отговорить Славку. Откуда, все-таки, у него уверенность в могуществе учительства? Дело это всегда – и при царе, и нынче – было и будет мучительным, необоюдным, и хотя называют его благородным, есть ли еще профессия, в которой каждый был бы всем: учителем, учеником, оценкой, жертвой, силой, ненасытностью, любовью – которая так легко принимается и осуждается каждым, и забывается так легко, как только уходишь из школы? Сколько непонимающих друг друга получили аттестаты зрелости?

Он вспомнил себя выпускником. Учителя для него были прежде всего предметниками – химичка, биолог, физик... Славка же видит в них больше: тех, кто привносит не столько знания наук, сколько отношение к ним и в итоге – к человечеству. И не только видит – требует!

Сделав такой вывод, он признал, что Славке будет, видимо, непросто в смысле карьеры. А это – и семья, и здоровье... Пошел бы в ЭМВЭТЭУ! Если в котелке вариться что-то свое, толк получится. А у сына голова есть – соображает парень!

Рассуждал Дмитрий Сергеевич и по-другому. Что сейчас инженер? Ушло куда-то самое главное – думание. Инженер должен быть хотя бы чуть-чуть впереди ситуации. А посмотришь на многих: почти никто не спрашивает себя – “почему?”... Славка, допустим, склонен к таким вопросам, но Макаренко в нем не просматривается, не-ет!.. Хотя, если жизнь не отобьет его душе почки и не остудит его, из Славки вполне может получиться нормальный думающий воспитатель. Мужики там нужны, аж горит!.. А вообще – чепуха: недумающий воспитатель – это топор! обух! кирпич!..

Зато станок, кран, механизм – склонялся Дмитрий Сергеевич к инженерной судьбе сына – никогда не обманет. Просто сломается, если за ним плохо смотришь. Врут только люди! Тратишь, тратишь на них, а в конце концов тебе же – фи-и-ига!

Он жалнулся мысленно, вспомнив как вызывали его в отдел кадров – распишитесь, мол, за приказ о сокращении вашей должности. Черняк не предупредил, не поговорил, даже руку не пожал! И какое сокращение, если другой уже с назначением вместо Дмитрия Сергеевича ознакомился: кадровики бумаги не разделили, он и прочитал.

Несколько месяцев ходил он в управление сам не свой. Стыдно было глаза поднимать, как будто натворил что. Зато Черняк и здороваться перестал – не было словно ни десятка лет общего дела, ни сотен совместно решенных проблем, ни орденов и других наград у начальника, которые грех считать самоличными. Да ладно-о!..

Время и заботы взяли свое, и Дмитрий Сергеевич постепенно выпрямился, утишил себя. Может, и не надо смущаться ничем, что случается вокруг? Делать свое, по-своему, стараясь иметь доброе влияние на окружающих, и – не чертыхаться... Если каждый будет занят собственно своим, все тогда упорядочится и исчезнут всякие конфликты, и жить станет проще... Но услышав как-то в коридоре управления хахакающий смех Черняка среди новых заместителей, он узнал в нем мюллеровскую реакцию из “Семнадцати мгновений весны”. Сразу стало ясно: Черняк и был наделен всем этим, чего не видел раньше Дмитрий Сергеевич на всю глубину, и не мог бы увидеть вблизи. Мстительный, хитрющий Черняк обнажился теперь редкой способностью фокусироваться на дефектах подчиненных,

извлекать из них потребное и держать поэтому рядом насплошь обязанных и поддакивающих. Кто распознавал и не работал уже на него, тому приходилось уходить. А выборы – что они? С выборами Черняк не учел: рано или поздно он выдохнется, душу невозможно спрятать в служебном костюме и люди не вытерпят пренебрежения.

К черту! К черту и Черняка, и Мюллера со всеми его смехами и вопросами для проверки!.. Дмитрий Сергеевич устало провел рукой по лицу, пытаясь смахнуть и думы. Надо же все-таки уснуть!.. Как быть со Славкой?.. А с женой? Подарить-то что?

Ложась спать, он надеялся услышать ее мнение, не категоричное как всегда, а мягкое, как неуверенное, но сказанное так, что примешь его непременно.

Жена, стесняясь по-прежнему раздеваться при нем, сразу же выключила торшер. Оранжевый полумрак уступил комнату ночи, и Дмитрий Сергеевич догадался, что ничего не получится.

– Будильник завел? – зевнула, укладываясь, Надежда Васильевна.

Шепотом он ругнул себя за то, то не отдал часы в ремонт. Поставил остановившийся будильник на полку в прихожей, чтобы не забыть – и запомнил.

– Проспим же снова! – сердясь, но уже полусонно, упрекнула жена и отвернулась. – Даже это не можешь толком сделать!

– Выходной, Наден! – буркнул, оправдываясь, он, потеряв и желание прижаться к ее телу. Дался ей этот будильник?! – Может, раскошелиться, и “Электронику-супер” купить?.. Тиккер такой – кого хочешь разбудит!.. – И ворчать хоть не будет. Дмитрий Сергеевич бесшумно засмеялся самоуготовариванию. Действительно, если и дарить что кроме роз, так практичнее всего – пока “Электронику”. Он представил на прикроватной тумбочке мерцающее точной лазерью цифр табло с тактовым секундным пульсом – точкой. Насильно взгляделся в углы – ни справа, ни слева ничего не светилось. И знакомого молоточкового туканья будильника не доносилось – лишь тихое беспокойное дыхание жены, которой и во сне, похоже, приходилось что-то напряженно решать.

Надежда Васильевна легла на другой бок, к нему, и он стал смотреть на жену, спящую, угадывающуюся нечеткими линиями родного лица, смотреть с таким чувством, точно они никогда не были супругами. Рассматривал с любопытством, подумав со странной жалостью о том, какой она была тогда, в расцвете девчачьей красоты. Даже теперь, после появившихся затяжных недомолвок, вязких молчаний он не соглашался перед самим собой признать, что жена уже начала утрачивать прекрасность, свойственную ей прежде.

Как он ее вообще разглядел? Ах да, лекция была по архитектуре Западной Европы, какой-то пухлый доцент гнусавил у доски, а он, Димка, с друзьями писали “морской бой”. Потом Серега показал на девушку в их же ряду, но на противоположном краю овальной аудитории, попросил нарисовать портрет. Пригляделся и скарандашил прямо в конспекте. А когда после занятий встретился вблизи с ее вопросительно-строгим взглядом, не отдал рисунок. Ни Сереге, никому.

Подойти к Наде не решался. Ду-у-ра-ак!.. Друзья издевались: девчонка девчонкой, как и другие студентки. Но на той неинтересной лекции она стала вдруг лучше всех. Особенной.

Дмитрий Сергеевич пытался сказать себе, за что он полюбил Надежду, и не смог. И не потому, что миновало уже много годов. Он просто не задумывался тогда над этим “за что”. Шел за ней от института до квартиры, где она жила у хозяйки, провожал после тренировок в спортивной секции, напросился в стройотряд, где она была комсоргом... бежал ночью восемнадцать километров, под ливнем, чтобы извиниться перед ней за какую-то, в общем-то, ерунду, а скорее всего увидеть ее... На четвертом курсе поженились. Серега от всей группы вручил студенческой семье настольные часы с боем. Когда после “горько” он подвел большие, с тонкой кружевой, стрелки к встрече на каждом часе, часы отозвались громкой, зовущей мелодией и вся свадьба подхватила ее...

Он хотел напеть эту мелодию, но начальные слова забылись. Не выпуская звук наружу, Дмитрий Сергеевич слушал его, и ему донесся нестройный, но сильный разноголосый хор, из которого выделялся и Серегин, и его, Димкин, голос, и присоединившийся высокий Надин... “Лучше нету дороги такой, все что есть испытаем на свете...” Звуки все же вырвались, и Надежда Васильевна, забормотав о чем-то, отвернулась от него.

Серега приезжал пять лет назад. Стал пожарным, мотается с парашютом, летает... Семья есть, говорит, а мужикам надо уезжать, уединяться. Не бриться, уставать, чтобы ни рук, ни ног... Тогда своя, настоящая, жизнь по-иному видится. И ценить начинаешь ванну, диван, столовый сервиз... Жену – тоже. Надюху перехватил, бандит сердешный?! Смотри, береги ее, а то десант выкину, увезу. Если обидишь! Ведь когда живешь вместе, когда долго вместе, перестаешь видеть. Привыкаешь – и тебе довольно, верно? А я не хочу привыкать, Дим, не хочу и не буду!

“Ты любишь свою Надежду?” – спросил напоследок Серега. В самом деле, любит ли он? Если честно, после всего, что было у них? Как-то не приходилось задумываться. Некогда было. Когда женился – любил, и вроде ничего. А теперь – не то. Поугас. Или, может быть, к сыну потянулся сильнее?.. Работа спасала. Жить можно: неслышно, ровно. А у кого любовь вечная?..

Но отчего все время в нем стойкая, неуходящая тоска? Потому, наверное, он поглядывает на других женщин, ревниво смотрит и... забывает о Надежде. Она знает такое в муже. Потому и ссорятся, скорее всего. А в других манит потребность быть выслушанным, понятым. Дети и женщины могут слушать, и этим выручат, если когда-нибудь понадобится сделать что-то такое, что не всякому объяснить можно. И дальше он хочет дожить так – со временем все утрамбовывается, улаживается: люди устают от всего, смиряются. Часы жизни берут свое, забирают...

Часы? Какие часы? А, “Комсомольцы-добровольцы”? Серега удружил – и где грошей столько собрал?

Когда они остановились, Дмитрий Сергеевич понес их в мастерскую. Лысый, отполированный как голыш на берегу моря, мастер задвинул на молодой череп бинокляр, снисходительно выглянул из-под лампы:

– С прошлого века, дядя? Отстают или вообще того?

Покопавшись, скривился:

– Старье! У нас и калькуляций нет на них!

Выкинуть подарок он не решился. Засунул часы в кладовку, и Славка, похоже, не однажды лазил в них с отверткой,ковырялся в шестеренках, вызывая к жизни.

А что, сын, если...?

Тебе кажется, что все наши споры, несогласия, схватки суть центральные проблемы времени? Да? Может, ты и прав, Славка. Очень может быть мой мальчик взрослый! Но мне показывается более серьезным не только это. Замечаем ли мы, как все наполняющее нас, незаметно, день за днем, становится позавчерашним днем вместе с нашими намерениями, с нашими героями и поддлецами? Успеем ли до конца века разумно очиститься от скверны и освободить время для более достойного? Успеем, сын? Иначе ведь крайний индивидуализм останется, а мы уйдем вместе с нашим неумением справиться с грузом своего прошлого.

Время не ждет, Славка! Часы напоминают нам, будят: должок, дол-жок, дол-жок...

Какой долг, понимаешь?

Дмитрий Сергеевич встал, отыскал инструмент. Он знал, что подарит жене. И не только ей.

И еще он верил: возникнет все же человеческое разумение человека – не фактора, не ресурса, не резерва, не части массы и не винтика, а того солнца, вокруг которого должны вращаться, заряжаясь энергией жизни, политика, экономиста, культура и все-все прочее. И это зависит и от него, и от жены, и от Славки, и от всех нас. Время всегда молодое!

Не говори, что время впереди!

В. Бенедиктов, 1835 г.

Удерживая руль левой рукой, он гнал “волгу”, не обращая внимания на непрерывные лужи и обильные грязевые брызги от встречных автомобилей. Правая ладонь не отпускала вибрирующий рычаг скоростей, передавая нехорошее напряжение двигателя.

На последнем повороте к аэропорту все-таки занесло. Машина рискованно завихляла на занятую чужую полосу, словно потеряв управление. Запоздало, он вывернул, разозлившись, принуждая “волгу” к прямому курсу.

У штаба, долго не выходя, бездумно глядел на замываемое дождем переднее стекло. Дробный стук капельной шрапнели не успокаивал. И это утро не радовало. Вызов в отряд после всего – финиш! Рашпильный разбор! Ну, и пошли они... к чертовой матери, все-е! Работы и так нет, случайный рейс как праздник по очереди, а мой экипаж – где он? Тю-тю, рассыпался... Так что отметимся на коврике – и...

– Что скажешь? – не здороваясь, резко спросил Баган. Сесть не предложил.

– Решено-о! – обреченно понял Курявцев, кратко глянув на осанистую, выдающуюся неугомонную подвижность, фигуру.

– Ну-у! – нетерпеливо повысил голос командир отряда.

– А что говорить? – раздраженно ответил пилот.

– Песенка спета. Погоды нет – выключай движки!

Баган всмотрелся испытующе. Кучкастые, с казацким лихим перевалом, чернющие брови вздернулись круче, делая открытое лицо растроено сердитым.

– И сказать нечего? Сколько лет отвертолетил здесь, и – ничего-о? Или не в кондиции, а?

Пилот вздохнул.

– Оформляйте как положено... за про-гул.

– ...лы! Про-гу-лы! – уточнил Баган. Он точно давно не видел его. Синяя, устаревшего покроя, форма еще не отнормирована, таскает. Значки – “единичка”, классности и “десятка” за безаварийный налет десяти тысяч часов – нестершиеся крылышки на потускневших пуговицах... Еще солиден, но после этого месяца загустели в тусклых глазах кровавые прожилки. Выцветшие обмякшие губы подрагивают беспокойно. Весь Курявцев, несмотря на наглаженность и бодрающийся вид, казался мятым и вспухшим.

– Цистерн сколько закачал в себя? – едко поделел его. – Учил же сотню раз всех: прилетел из командировки – так не в гараж, не к подруге, а – домой, и – сразу! Разберись с детьми, с женой побудь, в приятность введи, за жданием отблагодари – тогда только и расслабляйся... Если надо и охота – ладно, выпил. Одну-у! Ну если очень хочется – две! Напиваясь-то зачем?... А раз запил, значит, забоялся жизни! Стру-си-ил!

Курявцев увел глаза.

– Глянь в зеркало! С собой познакомясь! – приказывающе бросил Баган. – Испепелился! Труха-а...

Пилот молча смотрел в сторону.

– У меня, знаешь, времени не так много на тишину! – прикрикнул командир. – Да еще с тобой любоваться...

Официальности уже не чувствовалось. Курявцев подтянулся. Баган догадался сразу.

– Может, зачет устроить? У меня с ходу не выйдет! Это другие тебе “отлично” ставили, не я! Что, слабо?

Пилот безразлично повел плечами.

– Отдавался, все... И не говорится – язык как вымазан...

– Тебе лучше знать – чем! – отрезал Баган, пытаясь закурить. Вспомнив, что бросил недавно и предпринял попытку ограничить курение в отряде – даже распоряжение издал – отложил решительно выгашенную из пачки сигарету. С шелестящим шорохом взял со стола лист с нарядом на пролеты. Посмотрел, потыкал штыкастым пальцем в черканый, с поправками, состав экипажей.

– Почему второго пилота нет? Где подчиненный твой, объясни!

Курявцев безнадежно вяло отмахнулся рукой.

– Не знаю... Пашку потерял я. – В висках застучало, он болезненно провел ладонью по щекам. – Он с кралей той... жиганул. Штамп поставил и жиганул. С левого кресла еще не ввелся, хаты нет своей, а – уже...

Он отвернулся, пряча завлажневшие глаза.

– Па-а-ацан!

Баган удивился.

– Павел женился?

Отталкивая с шумом стул, командир встал пружинисто и протянул руку.

– Так чего нюнишь. Поздравляю как батька батьку, Василь Никифорыч! Значит, не пацан Пашка – нет... Может, это и есть самое-самое решение!.. Вот и утряслось, а ты... э-эх! дедуганом станешь скоро, гордись!

Доставая носовой платок, Курявцев закашлял. Виновато моргая, обтер лицо. То, как по-мальчишески поступил сын, как вся его история выглядит и что за сплетни растеклись в аэропорту – это тянуло пригнуться, давило, бросая то в жар, то холода.

– Не успел в загс, – захрипел, оправдываясь. – Не додумал. А они там чего? Есть же порядок, по закону...

– Мужиком будь! – осадил командир. Степное, широкое в скулах, лицо его выровнялось, под успокоившимися бровями выступило добродушие. Баган рассудил благосклонно:

– Там поняли, сочетание не радостное. Не теперешние сороварки... Молодым этим на-а-адо! И прекрасно, что не казенники. Привыкли мы под фразу чью-то все-все подводить, потом – в багетик!.. И промашку разовую, и судьбу – давай, под параграф! Не умещается в рамки, отчитаем, затаскаем...

Он резко повернулся. Подвеска знака заслуженного работника народного хозяйства покачалась на груди маятником. Молодой походкой Баган прошагал вдоль кабинета, приблизился опять. Курявцев казался безучастным. Не то что непроницаемым – был даже как бы зашторен, и если удастся открыть невидимую, иную, натуральную материю, будет видно уже другое.

– Ты-то сам что, Василь? – тихо напомнил о себе командир. – Как же ориентировку потерял?

Пилот заторопился скороговоркой, едва слышно:

– По елкам-соснам куда хочешь дойду, в любую погоду... не плутал никогда – все знают! А тут как, что делать? Действительно, летать проще... Точно задано: куда, зачем, когда! Бухуня греет или хвьяля подует... облака больше атласа знакомы! В НПП¹⁷ все просчитано, каждое действие – не ври только. Ни ему, ни...

Баган оказался так близко, что погорячело от его сильного дыхания. Знакомо сочно пахнуло терпким одеколоном. С-час, как хлопнет по спине! Ох, и ладонья ж у него – не выстоишь! Курявцев напрягся, ощущая мускульную боль у лопаток.

Но командир, похоже, сжалился. Побере-ег?

– А у кого ровно-гладко? Что у меня тут, рассказать? – раздраженно потыкал большим пальцем по лбу, в сердце. – Авиация сплошь личные отношения! К документу, к вертолету, к инструменту. Во всем и ко всему – что, не ведал? То-то. Но не бросаем же ручку-педали, ведем! Иначе никакая комиссия потом не разберется. И у меня сын не без проблем...

– Твой – нет!.. Каза-ак! Летучий... как ты!

Неожиданно заударял себя сжатыми кулаками:

– Да понимаю я! Понимаю все, а – не могу! Наверху прокатался, налетал сверхпланы – дома ничего толком не сумел...

– Дозреваешь! – облегченно согласился Баган. – И что “не могу” пока над тобой – тоже наблюдаю. Скоро такое и не проходит. Но скажи: ты что, в Нью-Йорке обитаешь? Здесь не в то место зашел, не так попал, не то брякнул, гульфик расстегнул не там – через час вся округа прознает! И я в том числе. Про-вин-ция! Последствия тут повесомей столичных...

Тяжко, с влажным задыхом, Курявцев глотнул воздуха раскрытым ртом. Трижды вытер вспотевшую мяклую кожу. Становилось утомительно от затягивающегося воспитания – пора...

– Где берут сейчас сбитых летчиков? – не виноватясь, оправдываясь он вопросом. – Конец он хоть какой, но – конец. Я – летун! Сторожем если только, или коробки в магазине подтаскивать – так не смогу, не-е-ет! Тыщи в комке из окошка отклеивать – тоже нет...

¹⁷ Наставления по производству полетов.

– А там такой и не нужен! – сердито отпарировал командир. – Ишь, работяга-а... Помнишь наших всех? Скольких удалось вернуть через РСУ¹⁸, а? Уж как сбивались, как меня сверху клевали за них – ничего, долетали многие свое... Но строек нет, видишь положение, профсоюз тоже переменялся: чуть что – на суд подадут, во-о!

– Значит, за забор?

– Можно сказать, тебя не ценили? – мгновенно отозвался Баган. – Между прочим, ты и прав. Теперь – так. Не хочешь, не нравится, не можешь – ворота открыты...

Надавил кнопку селектора.

– Кадры, личное дело Курявцева. На пару минут!

– Зачем, Михайлыч? – попытался сократить беседу пилот. – Взыскания не забыть, а поощрения – кому это нужно сейчас?

В Багане проступила плотность, упрямой линией сдавленных губ перерезая прежнее выражение. Он вновь заметно рассердился. – Зато я позабыл! Ну, запоматывал, за что это Курявцева Василия Никифоровича орденом награждали и не так давно? Каким, в какой раз? За-бы-ыл. Уж не за стаканы ли твои? Или за...

Осторожно приоткрыв дверь, бархатно вошла секретарша. Насмешливо обведя Курявцева намакияженными выпуклыми глазами, положила знающе папку и бесшумно удалилась по цветастому паласу.

– Техника пилотирования отличная. Работоспособен. При выполнении заданий добросовестен, ответственен. Вдумчивый организатор и воспитатель экипажа. – Прочитывая характеристику, Баган презрительно, хлопком, закрыл дело.

Покосившись на невнятную улыбку пилота, отошел к панорамному, от стены до стены, окну. На перрон заруливал рейсовый ТУ, и Баган, дожидаясь выхода прилетевших на трапп, разглядывал их. Выделил экипажных. Среди пассажиров свои узнавались не сразу. Толстоватый штурман – позавчера супруга его в Карловы Вары отбыла, с начальником партии из экспедиции, с геологом, попить водички – спешил, увешанный баульными сумками, и Баган, выискивая остальных, вышагивающих медленно по асфальту, поймал себя на мысли: со временем даже семижды любимая профессия приедается. Устаем мы от долгого, вязко-липучего как клей, постоянства. Рано или поздно, но утомляемся. Да-да, но глупости-то делать зачем?

Людам бывает от того плохо чаще, что они просто живут так. Нет ничего паршивее видеть причины в чьих-то кознях, в обстоятельствах, в семье. Как только с этим согласишься – все, обаяются неприятности обязательно, засыпят. Ругай, не ругай ситуацию, а выбор делаем почти всегда мы! Правда, почти... Успеть бы! Да и не промахнуться чтоб. Всмотрись в самого себя, пощещь в собственных принципах – поймешь быстро и причины... К сожалению в собственных принципах – поймешь быстро и причины... К сожалению не многие тратятся собою, чаще душу на “молнии” держат. Проще ведь и других принуждать... С Василем, вот, сколько вместе, а проглядел. И не только его!..

Иногда он был уверен, что должность научила. Управлять, собственно, несложно. Как любое дело, требуются сноровка и навыки. Но главное – подобрать к каждому отмычку. Свой режим подхода. Конечно, нужно и еще многое. Даже отвага необходима, да-а... У всех ведь свои страстишки, раз. От природы, от образа жизни, влияний. Второе: чему человек поклоняется? Например, этому нужны почести, славы ждет, а этому корысть как хлеб, но многим потребны наслаждения. Когда разберешься в наших идолах – все! Тогда ключик и к рецепту – у тебя!..

Подумав так, Баган перебрал несколько отрядных событий – если бы возвратиться, можно было бы исправить многие из них, факт! Он засмеялся в себе, не оборачиваясь к Курявцеву. Ничего, пусть постоит, побродит в моей кваснице! Дрожжи в нас далеко не всегда возвышенные, ибо людей порочных не меньше порядочных... И кто знает точно? Сумеешь заставить врасплох – не судя, рассуждая – значит, в ремесле своем что-то соображаешь! Тогда и страстишку нашуцаешь, развернешь правильную атаку... Про-фи-и!

Прервался он с усилием. Скорым мягким шагом, не глядя на пилота, вернулся к столу. Не торопясь, уселся. Выдвинул ящик, достал чистую бумагу...

– Пиши рапорт! – толчком указательно отправил лист навстречу.

Курявцев не отреагировал, и Баган грубовато спросил:

– Что, ручки нет? Пропил... или потерял как экипаж? Приличной писалки, хотя бы “паркера”, не завел, чтоб автографы закордонцам давать? Жмотишься? И здесь помочь, как тогда “запорожца” на “волжанку” заменить?.. Не зря, видать, в городе портовских скупарями считают, не зря-я!.. И у тебя, может в одном такси экипаж поодиночке расплачивался, а? Жа-ден-щики!..

У Курявцева засуетились желваки.

– Проситесь не буду. Что положено, то и... – произнес он решительно, не переходя на “вы”. – Педагогить меня не надо. Хватит! Во-о!

– А ты как хотел? – взорвался Баган, массивно опершись о столешницу. – Сделаем! Как надо!

Оттолкнулся, заходил поперец кабинета.

– Хочешь по закону?.. Только заставлю тебя слово назвать... нет, два! Без них и закон не закон! – зло остановился напротив. – Нет, дорогой, не мораль... Эти слова не теряю! А ты?

Курявцев помялся с неохотой.

– Вот тут, где ты, отстоял КВС¹⁹ один. На коленках, да-а! Вымаливал, чтоб в Африку направили. Или на Мальдивы. В Хорватию – нет!.. Тоже, между прочим, с первым классом, налет, и тэдэ, и тэпэ. Семейство, мол, подкормить надо, домик на Кубани взять и сундучок деткам на итоге своем сложить... То да се – заботы ясные! Говорю, а как же летать там будешь, если все тебе херово, а? Там ведь пахать надо, не хулить!.. А тут: обслужили не вовремя, машина не тянет, бортмеханика дрянного подсунули... Да, что-то и не так, как надо и как хотелось, но ты же командир воздушного судна! Не взлетай, пока не исправят... не-е-ет! Набаламутно, намелю язычком – пускай господа начальство разбирается, да?.. Потеть надо, дорогой, во всем, силенку отдавать. И зарплату – своей семье, а не половиниться с тетей из 25-й квартиры на Нефтяников, 47...

Курявцев скривился.

– Но зачем все это?

Вмиг Баган подпрыгнул:

– Мое, личное! Да, говорю, точно. Вот это именно личное! Но так и я личноно беседую, без парткома, без замполитов. Я уже, дорогой, не просто начальник. Я – работодатель! У меня уже нет оснований доверять тебе. Сколько разыскивали тебя к вылету не дома, а? Как санчасть уговаривали? Дермец-цо ты, а не КВС!..

Баган перевел дыхание.

– Ну, вышел отсюда – меня же и обгадил!.. – Махнул огорченно. – Черт с ним! – извиняюще посмотрел на пилота. – Пытаюсь поверить – не могу... Почему? Попасть в водоворот несложно, ты выберись! Слабо-о? Вот и назови слова, целиком!.. Или по буквам как в “Поле чудес” играть будем? Приз уж сам выберешь, хорошо?

Курявцеву надоело. Написать этот дурацкий рапорт, и – хана. Время мое вышло...

– Подсказать? – усмехнулся жестко Баган. – Когда полеты с метанолом срывал, на Воззе скважины спасать мешал – было? Под обкомовским оком каждая минута, каждый минус считали? Не думал о таких словах? Уперся, позу сделал, а заплатили бы сразу, за рейсы, по червонцу лишнему за сверхсаннорму и риск – и не было бы принципа “ФЕ”, да? Если бы по-человечьи понимал: НА-А-ДО!.. А когда на Ямале по площадкам воздух возил, в тоннах, чтоб налет над планом перетянуть, а к отпуску в Сочи процентики в плюсе иметь да еще с экономией керосина, думал? Или под Воркутой когда балок с приборами геофизиков терял только потому, что раскачал донельзя, вспомнил? Тогда как обычно заказчика виноватым оформили, трос, тросик, мол! Но скорость ты прошляпил, ты!.. Еще подсказать картинки? А, может, для зачетного ответа подготовиться нужно? 21-й век на носу, поколение другое удивляться будет, а? Вот позабытые эти слова, что жду, я уже приучился не поганить. Ни у кого на это права нет, Курявцев, и – у тебя тоже!

Пилот побледнел.

– Оправдываться не хочу. И зачем, к собачьей шкуре, школярство это? Что было, то было – у кого под сердцем чисто?

Баган не прекращал.

– Термины из НПП все помнишь? Извлеки из “Наставления по производству полетов” высоту принятия решения, а!

Низким хриплым баритоном пилот начал вынужденно объяснять относительную высоту для ухода на второй круг при заходе на посадку, если!..

– Затараторил! – остановил Баган. – Ладно. А вот здесь, не наверху, эту высоту как определить? Дома? Как ни крути, получается, что те же правила и между ними действуют. И ты, летун, со всеми своими допусками и высоким профессионализмом, давно уже гробанулся! Разбился-я... Вовремя собственную высоту не сумел вычислить! И шанс себе впереди не оставил. Вот так-то, дорогой!

– Хватит! – предпринял еще попытку прекратить односторонний разговор Куравцев. – Силы не те, командир. Выдохся, кажется...

– Я и не натаскиваю тебя! – Баган пододвинул бумагу ближе. – Беседы, собрания, выговоры и все такое – для непонимающих. Тебе уйти придется. Нужно, считаю... уйти в отпуск. Вот и пиши. Как принято – по сложным семейным метеоусловиям. Что, разве не так?.. Клаву уже не вернешь – груз этот до конца дней твой! Такими, как она, не бросаются... отвоевывают! А к Павлу съезди, разберись на месте... Легчики нам нужны живучие и живущие. Чтоб любили жить!.. На Крохале, вон, кресты скорее растут, чем квартиры в городе, знаешь? Это же страшно. И... стыдно. Туда не хочу провожать раньше Бога...

Куравцев нехотя достал шариковую одноцветку. Придерживая лист подрагивающими, неслушающимися пальцами, написал размеренно, заставляя строчки быть более или менее ровно. Поколебавшись, расписался внизу. Поставил подкасанную Баганом дату. Подал вон. Еще не успев спрятать ручку в карман, он, окрыленный поначалу предложенным и реализованным уже компромиссом, почувствовал: не сможет остаться таким образом. С хрустом скомкав бумагу, проронил:

– Не так же было, командир!.. Нельзя так... Не так!

Баган вспыхнул, но не прибавил резкости, сдержался:

– Ну и ладно. Тебе только, Василь, самосууда и не хватает!..

Дава-ай! Но прежде чем уйти, скажи: осилишь себя? Здесь скажи. Не командиру – мне! Раньше и я был позлее. Не то что добреньким стал, нет. Приучился в положение входить, да! Вы же и приучили. И ты тоже!.. Тот КВС просил все в цивилизованную страну съездить, в Африку! У них там, да, кой-чего получше, быт побогаче... поучиться можно! Только, думаю, цивилизация держится не на том, что она дает, чем людей снабжает, а – тем, что требует от них... Хрен с тобой, ладно! Со всеми нетаками вашими... Совсем и необязательно мне понимать все это. Иди, иди-и-и...

Ничего не произнес Куравцев. Мрачный, он съехался не по росту, и ступая как-то неловко рядом с ковровой дорожкой, ушел из кабинета точно по льду.

– Эх, Василь-Василек! – сухо и отчетливо сказал в закрывшуюся дверь Баган. Зажгя спичку, подумал: сколько же до взлета мы навешиваем на себя, мусор копим, а потом на силы, на сердце пеняем. Мощи у движка, мол, не хватает!.. Павлухе-то просто стыдно стало, за тебя же, батька Василь!.. Потому тайно и уехал. И Клавы больше не будет, никогда... Наверное, нельзя быть в пилотской кабине одним, а здесь совсем другим. Гре-ех это!

Ожгло пальцы. Тут же очередью затрещали телефоны, и Баган облегченно, отшвырнув горелую спичку, схватил ближнюю трубку. Смятый рапорт остался на просторной блестящей столешнице, и командир отряда, отдавая кому-то распоряжение, покосился на бумажный комок с неприязнью.

ВЗДРОГНЕМ, ЛЮДИ!

Мама все переиграла в последний день.

– Ну, хорошо-хорошо! Пойдем к вашим Гурочкиным! – сдалась она к радости папы и Стасика. – Мне же лучше! Холодильник целее будет...

Только сейчас, намучившись в стараниях приготовить что-то вкусное и оригинальное, мама уступила, наконец, начатым неделю назад уговорам мужской половины отпраздновать Новый год у папиного друга. Тот возвратился из заграникомандировки, и папа рвался посидеть с ним, послушать о забугорном житье-бытье из первых уст.

– Хапнул, небось? – вздохнула, собираясь, мама. – Везет же людям!.. Хоть чирком глянуть на их прилавки, подышать бы вдосталь без очередей, без талонов... без языков злых!

– Тебе бы лишь магазины! – быстро одевшись, папа чмокнул ее в напудренную щеку. – А я понять хочу: как же вышло так? Было же все, было, мы самые богатые – а тут хана, пшик... Даже зарплата – фью-ить!

– Прекрати свистеть в доме! – рассердилась мама. – Себя бы задунул куда-нибудь! Хоть к папусам – чтоб дожить не нищими... О сыне подумал бы!

Папе было известно, что дальше будет говорить супруга. Учись, мол, у товарища, если сам и в таком возрасте тюхтя – не можешь семью своим окладиком обеспечить. Вон, у Яцукиной, муж обыкновенным грузчиком, не на ЭВМе кнопки дергает – на хлебе, так Райка до конца века мукой запаслась. И еще по полторы-две твоих зарплаты ежемесячно притаскивает. Плевал он на электронщика высшей категории – каждый вечер кульки-коробки носит, а ты? Другие все умудряются... – и так далее.

Погрустнев, он бессловесно смотрел на нее, рассеянно повязывая галстук. Спасительно подозвал сына:

– Хочешь, Стаска, побалдеть? Видушку поглядим, филипповскую!.. Та-акие там мультажи...

Шестилетка, уже в шапке, коротко и понимающе кивнул, и отец с удовлетворением похлопал его по плечу.

Дверь открыли не сразу.

Женщина в блестяще-мягком, с розами по-китайски, халате строго оглядела их, вышагнув на лестничную площадку подъезда. Заметив мальчика, оживилась.

– Ктой-то холесунчик та-акой, а?.. Такой большой-большой, такой симпатенький! – Она затормозила его, восхищаясь. – Я

валяюсь! Ую-юй... клясавеньчик-загляденьчик!.. Ну-ка, скажи, тебя как зовутеньки, а? Скажи!

Стасик изумленно засопел, отодвигаясь на всякий случай за родителей.

– Бояка, да?.. Сто, ты лазговаливать не умее-е? Меня зовутеньки Ал-ла Сел-ге-вна, а тебя?

– Да умеет он все. – Папа нахмурился. – И имя есть у него. Да, Станислав? Просто мужичок небольшой еще и стесняется дамы.

Хозяйка снисходительно развела руками, и Стасик поглядел на нее спокойнее.

– Так мы что, будем до курантов здесь ждать? – шутнул папа.

– Уй ты, зыних какой! Не пускают холосенького? – опять заулыбалась Алла Сергеевна. – Плоходите, плоходите, гости доблые!

Закрыв двоящую дверь, крикнула вглубь вытянутой, в цветастых обоях, прихожей:

– Степануська-а!.. Смотри, кто плисол сюда?..

Появился грузноватый, с выпирающим животом, дядя, охнул и, наклонившись с трудом, забасил:

– Уйю-юй, уйю-юй!.. Так кто з плисол? Ты-ы кто? – Махнув взрослым, повернулся вновь. – Вы плоходите, лездевайтесь, а я с этим господином музсиной за луську поделзусь, холосо?!

Он протянул Стасику пачку жевательной резинки и повел за собой.

– Ссяя невеста плидет, наса Ксаноська. Знаес Ксаноську?

Сжав ладоней жвачку, мальчик отрицательно покачал головой, с шапки стряхнул тающий снежок.

В большой притемненной комнате озорно мигала бегающими огоньками елка, увешанная украшениями, и Стасик сощурился от вспыхнувших на красочных шарах бликов. Оглушающе вырвались из невидимых колонок сочные звуки магнитофонного оркестра, и задвигались тени. Они дергались, крушили, качались, а когда музыка угасла, обступили круговую, ожив мужскими и женскими голосами.

– Оо-о! Мадамы-ы, еще продолжитель рода, урр-а!

– А какой красивы-ый...

– Как тебя звать, мужичок?

– Господа-товарищи, зенисок плямо в тютельку! Где з Ксаноська-а?

– Ксаноська-а, де ты? Иди к салевичу Стасичку!

– Лекса, плыви сюда! Напальник плисол...

Из хохочущего круга множество рук вытолкнуло мальчика и девочку, нарядно одетых, примерно одинаковых лет.

– Есте, иглайте, длузываетесь! – приказала хозяйка. – И не месать взлосным, ясно?

Дети оказались у края сервированного стола, и некоторое время, косясь из интереса вправо-влево, уминали с ближних тарелок, запивая лимонадом.

Взрослые поднимали бокалы, шумно провозглашали тосты, смеялись, рассказывали анекдоты и, в перерывах смеха, поругивали власть, президента. Потом папин друг делился впечатлениями от заграничи, в комнате завистливо затихало, а легкий нечаянный стук вилки или фужера, хоть и казался странно громким, мешающим удовольствию, исчезал скорехонько в общем поглощающем ожидании гостями еще чего-то сверхудивительного.

– У них там слова “нет” нету. Только спроси, и если тебе подойдет, то скажут время... когда товар привезут на адрес... домой или куда надо! Кстати, пацанята с малолетства “зелененькие” добывают, сами зарабатывают. Во-от, как твой. – Мягкая разогревшаяся ладонь погладила нестриженные Стасиковы вихры – стекла моют, прессу на каждом углу навязывают, посыльными шуруют... Во-о, воспитание трудовое, да-а? Не то, что усредненное нашенское!.. Покажем, Алочка? Господа народ жаждут знать натурально иной мир!

Хозяйка принесла разные коробки с красивыми наклейками и иностранными надписями, папин друг раскрывал их, доставая пакеты, банки...

– Это подарки от Санта-Клауса! – широким жестом хозяин обвел выставленное и тут же стал убирать обратно. – Умеют же! Загнивают, прели, а какие товары подают! Ну, мы-то оценим, отблагодарим, да-а?.. Чего уж скрывать теперь? Мы же их капитализм и принудили таким быть, а сами...

Он булькующе хмыкнул.

– Кофе – это, чтоб Ксанку проще приняли в музыкалку. С гарантией, узнава-ал! Коньяк французский, с набором – в кухне раковину обновить. Для Аллуськи нашей, да-а?

Оглянувшись на папу, подмигнул ободряюще.

– Надо, чтоб твой никогда не служил в армии? Или чей не хочет погон? Энурез организуем, или чего еще! Пусть лучше девок здесь, в городе, гоняют, пока не захомутаются, как... мы, да?

Хозяйка, напомнив о привезенной аппаратуре, унесла показанное.

– О-о, забыл!... С-час, с-час! – Папин друг задвигался. –

Похвастаюсь кое-чем, с ароматом... с острой!

Мама смутилась, торопливо толкая Стасика:

– Идите в другую комнату, поиграйтесь.

– Да-да, холосые мои, класавчики... – поддержала Алла Сергеевна, отодвигая стулья у детей. – Ксаноська, Стасисек, лексонька... там иглуски. Займите друг друга...

Когда они остались одни, Стасик спросил:

– Чего они, больные?

Поправляя платице, Ксаночка рассудила серьезно:

– Это мы для них такие... Оттого и говорят с нами по-такому.

Второй мальчик внимательно пробежал глазами снизу вверх:

– Ни-че-го! Выглядишь сексуально. Как тебя записали?

Девочка виновато приподняла плечики, зовя ребят разобраться с игрушками.

– Твой предок клубнику обожает, что ли? – смеясь взглядом, спросил ее мальчик. – И имя странное у тебя... Ак-си-нь-я! не попадалось по телеку...

Стасик обошел вдоль стен и, задрвав голову, осмотрел огромный висящий ковер, книжный шкаф, кушетку. Олекса, проследив за ним, не отставал от девочки.

– А приватизировали?.. Хибарка клевая, подмазать и – гони бумажки, что моя!..

Поддев носком ноги пухлявую коричневую мартышку, задумчиво сказал:

– Как любовь показывать, так нам и – нельзя!.. Ха, гомики, лесбочки, стандарты! Ха-ха-ха! Об этом я после садика еще узнал, во-о!.. А мой все это с резинкой делают, а твой?

Стасик не знал, что ответить.

– Бизнес имеешь? – не отставал мальчик. – Я надьбал кое-что, баксов тридцать-сорок после уроков можно, будь спок! Пока предок на вертушке в Азии черномазых катает, я тоже не сижую-у!.. На мотик намотаю, без коляски, во-о!

– Хватит о делах, мальчики! – перебила их Ксаночка. – Новый год же! давайте отметим своим поколением...

Она аккуратно раздвинула горку игрушек, вытащила шампанское.

– Я же говорил: ты секс-мина! – взвизгнул довольно мальчик, хватаясь за фольгированную бутылку. – Ах ты холосенькая, уюй-юй!.. Вздогнем, люди, за то, чтобы и нам досталось, во-о!

Уже звучал боем часов год, пришедший из недавнего будущего.

ЧОКНУТЫЙ

Нет ничего обыкновеннее, чем наша жизнь. А попроси любого: напиши внутреннюю, так сказать, независимую рецензию о своей судьбе – что, мол, в ней, почему и как. Покумекаешь, раскинешь годы, припомнишь то да се, были-небыли собственные и приятелей – друзей – да разведешь в сердцах руками. Отчего, почему – и кто ж его знает?

Вот, к примеру, сложилось такое.

Вечером, когда Ранюшин сел за пишущую машинку, жена бросила ему в спину сердито:

– Была б моя воля, таким бы запрещала создавать семью. Вам же одиночество нужна, она – важнее всего! Монахи долбанные... вы все, писаки!.. – Она мучительно и нервно подыскивала слово. – Чокнутые! Думаете, что впереди вечность целая, а времечко-то наше даже не рядом, а позади... на хвосте!

Виктор молчал. Ну, не приспособлен к таким заботам, характер непрактичный, неумеха... Да, виноват. Конечно, виновен. Надо было пораньше в той милой, мягкой и красивенькой студентке университета разглядеть ее сегодняшнюю! опустить влюбленные глаза – и рассмотреть, задуматься.

Жена постепенно становилась бесцветной какой-то. Нет, цвет был, даже привлекательный, но слишком уж контрастный, противоречивый. домашние встречи чаще оказывались столкновениями, буквально в мелочах, на которые никто из них до сих пор не обращал внимания, и день Ранюшин обожал жену, день ненавидел, но потом приучился относиться к ее выпадам терпимее – иначе начатая рукопись романа так и останется в планах-мечтах.

И сейчас спорить он не собирался, настроившись поработать ночью над следующей главой. Иногда, когда все засыпали, писалось нескончаемо и ладно, и ночь была так чудесно мила, что не хотелось утра, и чтобы никто-никто не вошел в комнату и даже помешало бы солнце, и он бы сидел и сидел вот так за столом, вырисовывал бы душу и намеченное до того мгновения, когда выльешься весь незаметно, ослабнешь до бездумия...

– Сколько лет мне, протри глазищи-то! – продолжала корить жена. – Есть у меня мужик, а у дочки отец?

– Ты же умница! – не удержался Виктор. – Пойми, надо побыть одному, поработать очень нужно!.. Я обещал сдать книгу!..

– Да твою книжечку записную читать никто и не станет! – в сердитом бессилии усмехнулась она. – Что, эта макулатура... твоя приведет жизнь в порядок? Обернись, умойся, посмотри, как люди-то крутятся!

Ранюшин вздохнул. Он знал, куда сведется дальше такой разговор. Четвертый год не заканчивается дача – то сарай не доделан на участке, то на чердаке не заделан угол, то в погребе доски менять надо – гниют... “жигуляшка” ржавеет, пора латать – перекрашивать, а двигатель до ума кто доводить будет? Соседи уже на “мерседесе” катаются, а с тобой таким по магазинам на рейсовых автобусах селедкой баночной трястись? В квартиру знакомых пригласить стыдно – вон они, с площадки одной, обои переклеили леточком, линолеум у них шикарный, кухня-ванная закафелена, с узорчиками разными, а у нас? И вообще...

Он чувствовал, как в груди горячело слева, припало к секунду. Поднял глаза на “семейные” подарочные часы на стене, но привычного тиканья не уловил. Куда бежит время, где оно? зачем жена не оказалась такой с самого начала? И еще ему подумалось неожиданно, что она в чем-то, возможно, и права. Ведь многие другие проживают просто и понятно, обыкновенной рядовой жизнью, а он? Кому пригодится его писанный труд, если книжка вообще выйдет?

Для всех, знавших его, Ранюшин был почти не от мира сего. Инженерил как вулкан неостывший – начальники цехов боялись его предложений и идей потому, что доводить их до конца предстояло им. Разговаривать о деле, приказывать Виктору, добиваться от него досрочности было тоже непростое – ценил он сначала порядочность, потом – грамотность, толковость. Для Ранюшина это – основное. А чего он вообще не терпел – неискренности и конъюнктурщины, откровенной выгоды. Тяготился всякой враждой, любым равнодушием. Быть может, последнее считалось ему опаснейшей разновидностью зла: поэтому он не желал оказаться причиной огорчений даже для тех, кому не смог симпатизировать с пробуждением добрых чувств и справедливых наклонностей.

И еще Ранюшин сочинял стихи, пробовал осилить многостраничный роман-гипотезу. Вел переписку с несколькими ветеранами, скопил папку документов и вырезок из журналов, газет. Изучил драматическую историю дирижаблей и удивлялся, не обращая внимания на хихишки в его адрес в техотделе и бухгалтерии, почему же и через столько поколений люди не приучились сберечь природу сегодня назавтра, что позабыли самое экономичное и грузоподъемное воздухоплавание и почему-то вообще никак не становятся лучше, человечнее.

На недостроенной даче пытался он собрать универсальный аппарат, где старенький движок от “запорожца”, прикупленный втихую от дома, в сочетании с форсированным карбюратором от его “жигуляшки”, самодельным струганным винтом и накачанной сигарой перекроенного прорезиненного матраца могли бы в принципе проявить задатки вертолета, вертолета и традиционного самолета. Названия еще, правда, не придумано, но и оно, полагалось ему, должно отразить рационализм финиша 20-го века. Что-то вроде дивертосама. А, может, и по-другому. Главное, что конструкция может летать и возить.

Как в нем умещалось все, Виктор и сам бы не мог объяснить самому себе. Увидев цель и увлекшись ею, он постоянно тянулся придумывать – это как неизбежность – Ранюшину внезапно открывалась в такой неупорядоченной занятости своеобразная свобода. А влечение души, считал он, победить нельзя. Ну а стихотворство, рукописание – что? Человек становится художником потому, что видит, наверное, других, предметы и взаимосвязи не так, как большинство людей и как хочется их видеть. Возможно, что это и вовсе по-иному. Объяснить творчество невозможно, иначе можно загнать все в технологию, в регламент, а это... уже производство, серийность, поток...

Когда в квартире хозяйкой оказывалась тишина, он брал чистые листы бумаги, усаживался – и начиналось самое радостное. Слова, линии, цвета, целые вереницы мыслей уводили Виктора в себя и одновременно за горизонты, в круговую, где было хорошо.

Иной раз, если не получалось ничего, он уходил в лес. Подолгу бродил в деревьях, вбирая сразу все: запахи, шорохи, краски, расстояния. Слово подкармливая вдохновение свое и веру – тогда и думалось яснее, стремительнее.

Сегодня, он понял, не выйдет ничего.

Потоптавшись у письменного стола, сказал огорченно:

– Ну, не мешай!.. Пожалуйста! Мне еще надо успеть много, пойми...

Не выговариваясь, жена зло взвизгнула. Не сдерживаясь от очередной его занятости, разорвала рукопись, стопку рисунков и чертежей, переломала ручки, кисти, карандаши – все, что попало в жаждущие мести пальцы. Хлопнув до стеклянной россыпи дверью, она скрылась на кухне.

Переводя синие, с влагой, глаза то на отца, то на закрытую дверь, дочка оглушенно смотрела, как исписанные, зарисованные листы, будто опасаясь попасть еще раз в резкие, жестокие руки, падали испуганно на пол. Дрожа, Ранюшин вместе с нею собрали обрывки и, не в силах сложить, затолкали комком на угол столешницы. Не глядя на это, он ушел из дома.

Аппарат стоял, ожидая – оставалось совсем немного: подкрасить расчалки, погонять двигатель на режимах и взлететь. Сейчас тишина колола, и Виктор включил “Спидолу”. По “Маяку” читали Лермонтова.

Он приготовил банку с серебрянкой, погладил дюралевые трубки расчалки, но прежней потребности делать не ощутил. Снова обожгло изнутри, слева. Виктор взял карандаш, заставляя себя написать:

Человек постоянно несовершенен. Потому что он человек. Я пытался понять это. Людские горести прорываются ко мне без конца, не дают покоя. Но по-другому книги не пишутся. Любить, жить – больно, иначе смысла нет, не мо...

Эти строки я обнаружил на струганной доске для полки. Возможно, Виктору хотелось сказать больше – наверняка! Умер он сразу после того, как грифель должен был успеть передать его мысль. Не могу и не хочу...

Узнал я и что слушал тогда по старенькому приемнику Виктор. Это были любимые его лермонтовские строчки: *“Источник страсти, есть во мне // Великий и чудесный; // Песок серебряный на дне, // Поверхность лик небесный; // Но беспрестанно быстрый ток // Воротит и кружит песок, // И небо над водами // Одето облаками. // Родится с жизнью этот ключ // И с жизнью исчезает; // В ином он слаб, в другом могуч, // Но всех он увлекает; // И первый счастлив, во такой // Я праздный отдал бы покой // За несколько мгновений // Блаженства иль мучений.”*

Его жена на поминках говорила: Ничего не исправишь – сердечная недостаточность. Что ж, медикам виднее. Хотя странные бывают определения здоровья. Я же точно знаю, что у моего друга билось гигантски емкое сердце, не набравшее еще и сорока пяти лет... Виктор опасался больше всего – нашего быта, в котором исчезает человек. Тысячи, миллионы нас пропадают в мелочах проблем, не успев проявиться душами, лучшими делами. Живые пока, мы слишком часто забываем, что внутри у нас, у всех, хрупкое...

ВАЛЬКА, ВАЛЬКА...

Домой я вернулся удрученным. В рейсе стало “гулять” давление масла в правом двигателе. Вертолет дорабатывал отведенный ресурс, на многие его слабости экипажи смотрели понимающе – за такой стаж МИ-6 с полсевера грузов на буровые и всякие площадки поперетаскал. Металлический организм порой не выдерживал, допускал ошибки наш брат, но и выручали друг друга немало.

Поглядывая вниз на нескончаемую, не отошедшую от зимней стылости, парму, и на нервно вихляющую стрелку прибора, я поймал себя на желании побыстрее возвратиться в Ухту. Мысль разбиться ни разу не страшила меня, но сейчас почему-то уверенности не было и каждую утомительную минуту покалывало слева от жгущего стремления посадить машину.

Стоянки в аэропорту сплошь заняты безработными тяжеловозами, и только к весне подошла моя очередь подлетнуть. Вроде бы и праздник – радоваться надо. Просиживающий пилот мертвец, он не живет. На взлете я запел, отвезли груз нормально, а на обратном курсе – пилюля. Хочешь не хочешь, да торопись на земелюшку!

Штурман спросил:

– Как считать, дед: до запасного дотянем?

Дед это я. Недавно у сына, у Вальки, появилась дочурка. Ладная, глазятами поблескивает уютно и хитро, наверное добрая будет. После заздравной горькой, как положено, эскадрильские мужики переименовали меня. В эфире теперь и слышно: “Дед да дед!” Начальство поругивает за нарушение фразеологии радиообмена, да я молчу. Куда денешь годы?

– Устал? – жена поставила ужин.

Я неопределенно пожал плечами. Завтра придется прослушивать пленку бортового самописца, объясняться. Господи, легче дотопать на одном движке, чем разбираться с инспекцией после вынужденной посадки. Что “за” и что “против”, всегда какое-то несовершенство отыщется, а то и промашкой, недостойной профессионала, попрекнут. Да ладно, прорвемся!.. Вот сын стал бескрылый, что делать? Ни друзей, ни дела мужского... Вроде и ходит в отряд, но сам – на базаре. Коробки какие-то, шмотье, пакетики... словно не летун, а вертля приправочная! Спорить бесполезно – сразу в лоб о рыночных отношениях, реформах и вообще о пользе пере... ну, этой горбопругости дурацкой! Свое время, мол, профукали под лозунги и романтику – нам хоть жить не мешайте. Вы работайте, работайте, а почивать, как всегда, другие будут. Откуда это в нем?

– Включи музыку! – попросил жену.

Есть не хотелось. Обидно за Вальку. И за проживание такое совестно. Куда ни обратишься – везде унижительно. За державу неловко!

“Радио один” передавало “Бюллетень розыска родных”. Прошло столько времени, а люди так и мучаются неизвестностью...

“...ищу Бабчука Валентина Ефимовича, 1932 года рождения. Пропал без вести в 1943 году в поселке Буденновка Сталинской, ныне Донецкой, области”.

Что, что? Это же родина моя. А Бабчук, кто это?.. Неужели Валька? Ведь мы никогда не называли его по имени-отчеству, не слышали так. Не успели.

Заметили его сразу.

Роста был он нашего, пацаньего, но по тому, как ровно и гордо держался его взгляд, по всему виду новенького, казалось, что это уже парубок. Молодок – то есть. Из тех, кто состоял при полках и эскадронах, и кому, особенно после кинокартины о красных дьяволятах, завидовали не только мы, поселковые. Да и как не возмут завидки?

Перегородив дорогу, мы стояли в выгоревших латанных рубахах, переминаясь босыми ногами и пряча за спины цыпастые руки. Увидев нас, незнакомец распрямил плечи, короткими движениями вдоль ремня расправил диагональную гимнастерку. Мы разглядывали его всего – от блестевших даже под пылью хромом сапог до настоящей комсоставовской фуражки. На груди отсвечивали под голубыми петлицами два значка – парашютиста и Ворошиловского стрелка.

Неяркие, цвета степного бессмертника, глаза строго осмотрели и нас. Мы молчали. Ничего не говорил и он.

– Я – Валька, – сказал, наконец, хлопец в военном. Произнес твердо и так, будто мы обязаны были знать его раньше.

Никто ему не ответил.

– Мой отец – военлет. Мама – инструктор в Осоавиахиме. Мы приехали в отпуск к дедушке Остапу Андреевичу.

Тогда, помню, нам не понравилось, что военный хлопец сразу поставил нас в положение вынужденного уважения. Главная улица поселка называлась именем Юмашева, известного полярного героя-летчика, и сколько комсы-шахтарей²⁰ пошли по призыву на самолет! И мы хоть сейчас ушли бы тоже, но знаем – возраст, рост, ждаться надо. Значки на гимнастерке хлопца притягивали нас. Такие даром не дают – это мы понимали.

Встреча запомнилась. И не только потому, что Валька показался нам пришедшим из другой, более настоящей жизни, но и тем, что знакомство закончилось мирно. Чужих мы не жаловали, разговоры с ними частенько не обходились без обычного для нас кулачкания. Этот же, новенький, приехал в деду Остапу, а Бабчука, орденосоца, в поселке – да что там Буденновка? В Донбассе всё! – уважают. И трогать его гостя, обижать, значит, нельзя.

– Пошли! – уладил ситуацию Ким, наш комэска. Подтянув штаны засунутыми по локоть в карманы руками, мы отступили. Ким резко подбросил маялку, поймал лениво ее на самый кончик босой стопы. Считалось это шиком и никто – ни пухлый Шкварка, ни длинношей Гавря, ни я, и уж тем более щекастая Танька – не мог как Кимка начинать так и выбивать маялкой до трех сотен раз. А еще он имел упрямый характер, слесарил на шахте № 3-Бис и был справедливым.

Вечером в палисаднике у Бабчуков ярко желтилась лампочка, играл патефон. Сквозь пахучие кусты сирени мы заглядывали во двор. Валькин отец сидел за столом, в такой же темно-зеленой, перехлестнутой португеей, гимнастерке. Червонно блескавился орден Красного Знамени, в небесных петлицах отсвечивались кубики. Держался он тоже ровно и гордо, пел хорошо и громко нашенские песни про коногона, юзовские штгольни и плачущую жену. Дед Остап, празднично одетый в белую косоворотку под пиджаком, подпевал и улыбался, обнимая и сына-летчика, и Валькину мать.

Выглядела она очень радостной и совсем привычной среди всех. Мне даже подумалось, что Валька приврал о ней. Ведь в Осоавиахиме пилоты, спортсмены, а здесь – обыкновенная женщина и на инструктора ничуть не похожа.

Заметив среди листьев наши головы, Валька крикнул:

– Давайте сюда, ребята!

На следующий день мы сами повели его по нашим местам. Показали ставок, заброшенную шахту, паровозное кладбище. В поселке, огороженном со всех сторон темно-серыми, всегда пылящимися терриконами, железнодорожными путями с перетаскиваемыми, покорно стучающимися вагонами с углем да колючими лесопосадками, все это было тайной, в которой мы жили. Дороже дружбы для нас ничего не было, и Кимка, уличный командир, учил защищать Родину.

Валька все было в удовольствие. В будке машиниста он уверенно двигал рычаги, басил вместо гудка. Шкварка весело удивлялся:

– Прыдумав же чоловик!.. Хоть бы энтот паровоз – двыжитья дуем! А як в цэ повирыты, шо паром? Дуе, дуе – пш-ш, пш-ш...

Валька снисходительно косился на него.

Мы переглядывались: там, где Валька с родителями такими служит, все значительнее. Конечно, аэродром один чего стоит! И Валька, словно подзадоривая нас, рассказывал об устройстве самолета, про ночные прыжки и всякие случаи на полетах. Слова у него были такие, какие нам и не снились.

Набродившись под пеклявым солнцем, мы добрались до штаба, спрятанного среди свалки проржавевших цистерн, переломанных станков, скрученных рельсов и всяких разных железяк, оставшихся, говорят, с гражданской. Ким протянул маялку:

– Сколько выбьешь?

Валька взял кусочек заячьей шерсти, утяжеленный свинчаткой. Подкинул, примериваясь на ладони.

Мы догадались, что Ким проверяет его, наверняка не умеющего ножить по-нашему. Вернее, решил все-таки поставить гостя на место.

Сначала у Вальки ничего не получалось. Маялка не хотела возвращаться к ноге, отлетала вбок. Валька потихоньку злился, но потом, поджав губы, стал набирать разы. Когда Шкварка произнес “три сотни”, мы обступили вкруговую вспотевшего, кивающего в такт чубатой головой, Вальку и считали хором. Все-таки перебросил! На сорок семь разов! Мог, видать, и больше выбить, но нам показалось, что маялку он не поймал нарочно.

– А ничего-о! – почесал затылок Ким и криво усмехнулся. Цыкнув сочно слюной, Шкварка глянул на поверженного комэску.

– Бигим у пэрэтыку!.. Поглянэмо, як вин шукаты будыть!.. Може вин розвиднык гимнастыг, га?

И лучшим разведчиком был, естественно, Кимка. Куда только не прятались мы, особенно худой Гавря и юрка Танька! Умостятся под корягой, среди тоненьких, изламывающихся стволов вишнидичка или колкой маслены, но все равно Кимка умудрялся найти.

В густом перелеске мы растворились, умчав в разные стороны. Не успел я успокоиться под тенистым шиповником, как надо мной кто-то оглушительно прошептал:

– Тебя нет!

Я испуганно обернулся. Валькина фигура стремительно исчезала в деревьях.

Собрались мы возле Кима хмурые, растерянные. Шкварка вопросительно оглядел нас, отряхивающихся и поправляющих пояса выпачканных штанов:

– Як зийдэ місяць, пидэмо купатысь, га?.. Що-о-сь жарко-о, аж у животи зудыть!

В полусонное июньское предутрье, когда тихая, еще не выпавшая Буденновка начинала только зевать хлопками калиток, глухим кашлем собирающихся на смену, на окраине курил, сказочно туманясь, ставок. Здесь иногда поклевывала разная

²⁰ Шахтеры-комсомольцы.

мелочь, но чаще попадались всякие предметы, выброшенные за ненадобностью крикастыми горнячками. Когда занырнешь и коснется тебя что-то под водой, жутко холоднёт внутри – хоть ори! Лишь опасение слыть трусом сдерживало нас не выскакать с криком.

Шкварка как-то загреб руками утопленнику в пальто. Со страху наглотался замусоренной, мутнявой воды. Из крайних домов прибежали люди, вытащили мертвеца за набухшие тяжеленные рукава. С тех пор в ставке мы не купались.

Тихо стукнула оболонка на веранде деда Остапа. Валька спросонья поеживался. Нас, озябших, тоже потряхивало. Воды не было видно. Ставок паровал только разлитым киселем, линии деревьев на берегу тоже дрожали, словно тоже от недосыпания среди влажной теплоты.

– А втоплэныка нияк не найдуть, – громко прозвучал дрожащий шепот Шкварки. – Плава соби, пла-ава...

Ким засмеялся.

– Не будьди! – отвернулся к Вальке. На том боку могилу найдешь... Свежу!.. Принесешь с нее китайки кусок!

Мы стояли бесслвно. Если принесет, значит, будет наш. Над нами. А Кимка?

– Глубоко... на середке? – каким-то не своим голосом спросил Валька.

– Три разы. З ру-учкамы-ы, – невозмутимо показал Шкварка и зачесался, царапая у себя под мышкой. Гавря толкнул сзади. Танька округленно глазела, обхватив плечи обеими руками. Ким промолчал.

Валька расстегнул гимнастерку, снял ремень, сапоги, одежду. Сложил форму на траве и ушел в туман. Всплеска не было. Мы тянули шеи, поворачиваясь то правым, то левым ухом. Ти-ши-на!

Ко мне подошел Ким, к самому младшему:

– С ним чтой произойдет если, бегишь к деду. Вяня? Кликнешь его только... А принесет китайку, – тогда Шкварку охолонем!..

– Ва-а-альк! – дважды прокричал он. Даже эха не было. Нам стало не по себе.

– Все!.. уоп! – простонал Гавря, и его вихрастая голова странно присела над телом. Плечи упали.

– Тихо! – осадил его Ким, вслушиваясь в молчащий ставок.

Где-то рядом всплеснулось. Вскоре из тумана появился мокрущий, сжавшийся весь, Валька. Он вытянул правую руку.

– Развяжите! – На запястье двойным узлом была приторочена синяя полоска материи – китайки.

Танька охнула, принялась обгирать “гусиную” кожу Вальки новесть откуда взявшимся полотенцем.

Ким сам подал военную одежду.

...В воскресенье, когда в Буденновке уже кучеряво переключались гармошки, по радио объявили, что началась война. Мы сразу, кажется, стали какими-то другими, и уж почти не играли, а заботились о хлебе и печках, отстаивали в очередях, ходили в контору шахты № 3-Бис слушать сообщения Совинформбюро. Кима видели редко. Он уставал на своей работе и, поев, быстро засыпал, так и не договорив с нами.

Валька собрал под свое начало всех поселковых пацанов. Его слушались, как слушаются с уважением за заботу и справедливость. Мы делали все, что он приказывал или чаще просил. И не было на поселке дома, которому, как сумели, не помогли бы.

Немцы появились осенью. Первый покалывающий морозец-недосви²¹ уже прихватывал лужи. Грязная танкетка, фыркающая и покачивая короткой пушкой, раздавила хрусткий ледок на улице Юмашева, сломала крашенный к Первомаю штaketник. Солдаты разбрелись, крича и пугая автоматами.

Мы смотрели на них с веранды деда Остапа. Сжимая кулаки, Валька стоял в своей форме, с надетой фуражкой. Ким, почерневший и злой, стянул замазученную, пропахшую углем и металлом, стеганку и набросил на Вальку:

– А то заметят!

Виделись мы с тех пор все реже. С наступлением темноты Буденновка выжидающе замирала. Редкое оконце, да и то накоротко, выдавало себя желтым пятном керосинки или тусклой капельной свечки. Заляет где-то собака, резанет очередь “шмайсера”. И снова – та же напряженная, вязкая тишина. Замерт до светания все-все, до последней дворняжки...

Однажды мы сидели у Бабчуков. Валькина мать, застудившаяся, куталась у печной трубы. Посреди комнаты, за столом, дед Остап ремонтировал настенные часы. Внезапно резко распахнулась дверь, ввалились немцы. Из-за них выглядывал полицай, в усиках и с ломкими бровями, он хватал солдат за серые шинели, визгливо орал:

– Она, она!.. Муж у ней – летчик!.. Берить ее!.. Тут и сынок ейный, соколенок хренов, и дедун!.. Краснюки голостапиновые!.. У-ух, сво-ло-та! В хурдыгу Бабчуков, за решетку!.. Берить их, господа-а!

Растолкав солдат, полицай подбежал к Валькиной матери и сорвал с нее платок. Кофта распахнулась, и женщина вскрикнула, защищаясь прижатými руками. Двое немцев, заломив ее руки в локтях, потащили женщину из комнаты. Валька рванулся вслед, но тут же, сбитый подножкой, рухнул. Грузный фриц, закинув автомат за спину, медленно подошел к нему и трижды, с уханьем, ударил сапогом. Валька закрыл лицо ладонями, кровь закапала между пальцев. Увидев на рукаве гимнастерки звезду, немец опешил. Стал стаскивать “шмайсер”.

Мы бросились к немцу, колотя по мышной шинели, дергая за оружейный ремень. Очередь Ким отвел вверх, в потолок. Шкварка и Гавря кинулись к Вальке, потянули к двери. Таня испуганно заверещала. Немец упал навзничь через меня. Неожиданно в проходе появилась рыдающая Валькина мама, в разорванном платье. Полицай тот, в усиках, толкнул сбоку ее прикладом, и тут же грохнул выстрел.

Женщина сделала еще один шаг в дом, потянувшись растопыренными пальцами к сыну, и – обмякла, упала ничком.

Мы никогда не видели такого лица у Вальки. Он оцепенело смотрел на неподвижную, сразу замолчавшую, мать и будто ничего не понимал. Зрачки его посерели, в них точно сыпанули терриконовой пылюки – не стало видно бессмертников, только лед.

С криком “Шо наробыли вы, каты-ы!” опрокинул стол дед. С размаху он рубанул шашкой из тусклой дулевины полицаю по шее, его брови слились, лицо исчезло. Дед полоснул поперек и заоравшего фрица. Никто из них не успел убежать из дедового дома.

Остап Андреевич принял смерть на следующий день. Страшно было видеть, как два заломленных до самой земли тополя, к которым привязали фашисты за голые ноги дедушку, окровавленного и хрипевшего, подняли Бабчука доверху. Не ведали посаженные им к сыновей жизни деревья, что же сотворили они молодой своей силой...

* * *

Мы ждали весну, а она не приходила. Все холодно, стужно. Кругом под вычерневшим снегом, как огромные забытые по сиротски копны, высились терриконы, а угля не было. И хлеба не было тоже.

Помер Гаврик Зайцев, Гавря.

Через неделю не встал больше и Кимка. Ким Левашов. Вместе с осунувшимся Валькой я и Шкварка ходили по путям, пока не прогонит фрицевский патруль. Собирали рассыпанный антрацит, чтобы помянуть на то, что можно съест. Набрал за пазухи холодных кусков, сразу отходили от полотна.

Издредка появлялся состав в несколько вагонов. Стальные колеса, мы знали, грохочут часто и звонко под обыкновенными вагонами, а под пульмановскими – глухо, тяжело. Непривычно резкая, даже ушам больно, стоит после поезда тишина.

Шкварка, обданный паровозным горячим паром и машинными запахами, голодно поводит носом и сердито сопит:

– Шоб нэ доихалы, каты хриц-цовы! – И, поправляя студеничку живот пазуку с углями, добавляет огорченно. – З камня сыт нэ будэшь!.. Кандейку супця бы зысты... хочь одну-у!

Потом заболел Валька.

Лежал днями в сырой, захолохнувшей комнате. Переменился он сильно: щеки впали и, казалось, вот-вот станут прозрачными. Но в глазах все тот же серо-стальной цвет.

Он обрадовался нашему приходу, вытащил из-под одеяла, протягивая нам, ладони. Костлявые и холодные. Гимнастерка стала великоватой, и Валька поддевал под нее дедов свитер на косоворотку.

– А я придумал, хлопцы, как поезда остановить у Буденновки. – Как-то необычно, с усилием вытягивая звуки, проговорил Валька. – Скоро прогонят фашиста. Будет и тепло, и наедимся... еще и летать будем – батя нас научит!

Мы решили завтра же исполнить его план. Валька достал из-под подушки полкруга макухи.

– Сестра дедушки Остапа принесла, из Мушкетова... Панбархатное платье выменяла... мамино. И Таня там, у нее – я попросил спрятать ее... У них там, оказывается, комендатура сгорела, и листовки клеют... Значит, – не устоит фашист, не-ет! Во как, ребята!

Сил у Вальки было мало. Я видел, как его пальцы удерживали ту макуху.

– Шкварка, ребят позиви... – Ему было и говорить трудно. – Поделится на всех.

– А ты, – сказал он мне, – кипятка сделай. По кружке чтоб...

Валька лежал, опустив веки и вытянув ладони. Белесая, как у ребенка, голова непокорно выделялась на кровати. Гимнастерка была застегнута, и мы верили, что Валька обязательно поднимется.

На повороте к шахте № 3-Бис мы в предрассветных сумерках разобрали железнодорожную стрелку. В шесть рук еле отвинтили прижавшие гайки, закопали в разных местах. Когда стали отходить по полотну от шахт-двора, позади взорвалось. Меня ударило в спину, и крикнуть я не успел.

Придя в себя, еле приподнялся на колени. Дворовый забор, террикон, столбы с разбитыми фонарями – все качалось, кружило. В нескольких метрах, беззвучно плача и скалясь окровавленным беззубым ртом, Шкварка собирал среди шпал в разорванный живот все, что вывалилось и кровянилось в вибрирующих руках. Дальше, между рельс, я бездумно различил спину, посеченную и безжизненную. От стрелки, как и положено командиру, Валька отходил последним...

“Радио один” исполняло песни по заявкам. Не знаю почему, но сколько их, этих мелодий и слов, мучительно радуют иной раз! Как легкий пар после ненасытной, потной работы. Подпевая, вернешься на родину, к встречным березкам, к крыльцу, где не был давным-давно, и хочется просить прощения, и нанюхаться весенней акации, и наоскомиться вишней-дичком. И макуха та припомнится, и рыжие, выгоревшие подсолнухи у шахты № 3-Бис...

Когда год за годом – оно вроде и не так заметно. Но когда оглянешься разом, выходит, и жизнь позади. Всегда вот так!

Кто же дожидается Вальку до сих пор?

А, Валька мой, Валька?..

КАК ЖИВЕТСЯ, ВЛАДИК?

Знаю: привязанность к авиации, в которой некоторые из нас признаются с легкостью, есть понятие смешанное. Немало в нем гордыни, настоящей на романтике и риске, многовато будничного труда и даже принуждения, но наиболее существенные его слагаемые – симпатия к самолетам – вертолетам, нескончаемые поиски конкретных ответов на ответственный вопрос: как поступить? И значит – как жить?

Недавно Миничков возвратился с очередной оперативной точки. На этот раз – с полуострова Ямал.

– Как живется, Владик? – спрашиваю, разглядывая его нахмуренное, покрасневшее от полярной стужи лицо.

– Хочу узнать, чем все это закончится! – он огорченно отмахнулся рукой, и я догадался: найти время зайти в гости – опять у Миничкова внутри хворь засела. Да как сегодня вылечится?

“Чтобы помочь, – сказал он когда-то после неудавшегося спора со мной, – надо сначала не башкой соображать. Главное от глаз все-таки сокрыто. И вообще совсем не обязательно ругать темноту. Лучше зажечь хотя бы одну свечку, спичку... огонек!”

Как знаю Миничкова?

Если в годах, то уже три десятка лет.

Если в том, из чего складывается мужское дружество, то как сказать – достаточно или мало?

Он оказался среди тех, первых, у кого я, тогда только “зеленый” выпускник института, брал уроки отношения к вертолетам, к самой работе. МИ-6 привозили из рейсов на свои стоянки в аэропорту не только грузы, но и дефекты. Техника есть техника. То радиостанция связанная забарахлит, то датчик давления масла заменить нужно, то автопилот не держит по курсу – да мало ли что устанет в вездеходной, бурлацкой машине от долгих трясок и нагрузок!

Никаких отказов и неисправностей Миничков не боялся. Если уж не помогали навыки и накопленная опытом статистика, и требовалось почувствовать логику свежего дефекта, он не вздыхал, не ворчал на растянутый наряд на полеты воздушных судов и вечную нехватку времени да рук, не ругал конструкторов за несовершенство узлов и неудобство доступа как раз к самому нужному, не скрипел зубами на снабженцев за постоянный дефицит в неснижаемом запасе расходной кладовой – посвистывая, доставал из бортовых сумок тяжеленные схемы, отыскивал нужную и, развернув отсиненные, в огромную простынь, листы электрооборудования, начинал ползать на коленях по всей длине фюзеляжа от кабины МИ-6 до створок.

Поначалу я удивлялся, как он, почти мой ровесник – годом раньше Миничков окончил Криворожское техучилище – прослеживал коротким негнувшимся пальцем зигзажные линии проводов, перескакивая через клеммные колодки, обмотки реле,

контакты. Читал он быстро то, что у большинства специалистов вызывало явные затруднения.

Позже сообразил: все, к чему приходилось прикасаться Миничкову, исполнялось неспешно, но дотошно, не мелочась. Не пропускалось ничего, что могло хотя бы сопутствовать дефекту, и в предчувствии финишной точки было самое натуральное проявление грамотности, какой-то по крестьянски основательной уважительности к делу. Те, кто с ним трудился в смене, волея-неволей перенимали миничковскую добросовестность.

Меня он не жалел.

Мозоли у инженера должны быть не только на мозгах, но и как у всех! – мог сказать Владик, снимая без указания забарахливший передатчик связной радиации и перекладывая с улыбкой в мои руки двадцать килограммов аппаратуры.

Тогда, в конце 60-х, высшее образование давало нам право, пожалуй, лишь на повышенную, в сравнении с техсоставом, ответственность. По сути – за все. Главное, из чего состояло обслуживание вертолетов, делилось нами поровну, но подпись последнего, где требовалось и когда требовалось, ставил инженер. Конечно, если его признавали таковым не столько по должности...

Как-то пришла “шестерка” с нехорошей записью экипажа в бортовом журнале вертолета. Сработала первая очередь противопожарной системы – это серьезно. Признаков загорания не было, значит, автоматика подчинилась ложному сигналу. Но откуда он поступил, почему?

Мы облазили, осмотрели, прощупали буквально каждую деталь системы – ничего подозрительного. Но нет хуже, когда дефект не подтверждается! Мне было не по себе, потому как завтра утром машина должна снова отправиться в рейс, а причину пока найти не удалось.

Самый практик из нас Виктор Каменецкий, вытирая ветошью ладони, пошутил устало:

– И чего шукаем? Полечу с экипажем, возьму восемь баллонов – и порядок. Потушимся!.. Если дефект вылезет!

Прибежал начальник цеха. Криво ухмыльнувшись на раскрытые капоты двигателей, отвернутые штепсельные разъемы, снятые крышки лючков, съязвил:

– Что, фишка в масле? Может, еще спецов вызвать? Глядишь, наступит кто на проводок!..

Я молчал.

Старинная, как сама наша отрасль, картинка типичного узкопрофессионального ехидства. У спецов, то есть у нас, занимающихся приборами, электро- и радиооборудования, все-все неприятности сводятся к одному-единственному: контакта нет, где он должен быть, или он есть там, где не нужен. Частенько авиатехники и инженеры по силовым установкам и фюзеляжу

издевались по этому поводу над нами, хотя у них самих причины неисправностей обычно были более обнажены и подвластны. За такие шуточки мы называли эксплуатационников “слонами”, беззлобно и скорее в ответ.

Каменецкий не выдержал.

– А вы сами и потопчитесь, пока здесь командуете. Может, и обойдемся только вами...

Начсмены ничего не ответил. Коротко зыркнул на нас, потом бросил взгляд на кабинные часы:

– Да блок исполнительный замените – и все тут! Пилотов предупредим, пусть повнимательнее будут. Наряд же утвержден!

Не оборачиваясь и продолжая возиться в распрекоробке, Миничков буркнул:

– Сделаем как надо!

Завершили мы работу в полночь, но уходили с машины с убежденностью в ее исправности. В моей вспотевшей ладони лежала маленькая релюшка, замкнувшаяся, наконец, без пожарного повода после нескольких наших разных попыток удостовериться в ее безотказности. Перепаляя концы, проверили схему – нормально.

– Нужно знать, что искать! – весело хвальнолся Владик. Опять он оказался прав. Для меня это означало: если подводит аппаратура даже простоватая, желателен разбораться с каждым ее элементом, каким бы малозначительным он не казался. Только не ленись.

Над заснувшим аэродромом моросило. Темные туловища застывших в недолгом отдыхе вертолетов обвисли лопастями. На стоянках затихло, будто набираясь сил в канун нового дня рабочих забот, а мы топали втроем по влажной бетонке и пели. Казалось, что самое интересное еще только впереди, и нет ничего такого, с чем мы бы не справились.

Сколько же раз мы были вместе?

Наверное, не так уж и много, хотя до сих пор возвращаемся из всех поездок в один и тот же аэропорт, ставший действительно вторым домом. Скорее – совсем немного, потому что ни работа, ни характеры наши, ни обстоятельства не позволяли делать встречи чаще. Скажу уверенно: технарил Миничков по-хозяйски, словно выполняя наиглавнейший для него долг. В промежутках между полетами на оперативные точки жил он негромко и с остальными водился без особой дружбы.

Сел однажды МИ-6 на вынужденную. Прямо в поле, в нескольких километрах от аэропорта. Когда добрались до вертолета, Миничков воскликнул:

– Во-о! Как подранок! – поразился увиденным и в самом деле было от чего. Огромное белое-белое покрывало, отороченное вкруговую замороженным, хрустальной ломкости, ельником – в самой серединке, точно подбитый, застыл оранжевый вертолет. До подвесных баков провалился в снежище, почти утонул. И – тишина!

Аккумуляторы для запуска двигателей мы таскали на плечах три часа с лишним, грудью пробиваясь сквозь снежную целину. Мокрые от пота насквозь, от носков в унтах до волос под шапкой – а было вокруг минус 42!

Как только перелетели на базу, разобрались до конца. При послеполевой подготовке техник В. Пелевин напортачил с проводами блокировки при замене электроконтактора. Ошибка-то ерунда, но последствия весомые: начался перегрев цепи, изоляция проводов загорелась, и дым потянуло из-под пола в кабину пилотов. Самым странным в этой истории оказалось для меня то, что вину в происшедшем Миничков назвал его собственной. Как принято, издали приказ и согласно акта расследования Владика наказали прилично. Лишь спустя некоторое время он проговорился: в тот вечер от В. Пелевина ушла жена и человек нуждался хотя бы в такой поддержке. Никто из смены, да и в цехе, об этом не знал.

Припоминаются самые разные случаи, факты, в которых очевидна непохожесть Миничкова на тогдашних спецов. Ни у кого, к примеру, не было брюк – ползунков с подогревом от бортовой сети, а у него были. И даже с регулятором температуры. Сам перекраивал типовую одежду, строчил, паял. И мог работать на холоде гораздо дольше других техников. Только у Миничкова из всех-всех аэропортовских в барак-малосемейке на подоконнике бурели под стылый Новый Год толстокожие помидоры. Лишь он один мог ковыряться терпеливо несколько дней в монтаже радиоконписа и все-таки раскопать хитрый излом в ВЧ-кабеле, из-за которого на всех служебных совещаниях, разборах и планерках

начальство кляло всех-всех спецов, умудрившихся заменить третий комплект АРК²² и копировать задержки вылета вертолета из смены в смену. Да сколько же интересного может возратить каждый день из прошедших!

Грустно мы оглядываемся на железный ряд – естественную свалку отработавших, разбитых, сломанных вертолетов. Есть такие, в общем-то, в каждом аэропорту. Ходим иной раз в тот ряд, чтобы снять потребовавшуюся деталь, трубопровод, крепежные узлы. На одной из разобранных машин Владик тихо сказал:

– И у них так, как у нас. Тоже ресурс ограничен, хотя они могут жить долго... И вертолеты есть, как мы – хорошие, плохие, всякие... Если человек нормальный, он волнуется, часто излишне, потому что все принимает в себя, беспокоится за жизнь. Потому и помирает раньше, чем дрянной. И вертолет тоже: тянет, тянет, делает дело, вдруг – сюда, и рухнула судьба!.. Не бережемся!

Кажется, понимал всегда Владика, но что же сегодня?

Он заговорил непривычно глуховато и одиноко, будто никого рядом не видел. Я поежился.

– Неужели ты не спрашиваешь себя?.. Почему наши разборы стали напоминать собрания или, наоборот, приказные встречи? А собрания превратились в обыкновенные производственные передышки?.. Люди изнервничались безысходностью, страхом быть мгновенно уволенными за голос... Помнишь, был здесь Сажин такой – писал все в газеты, в обком, по комиссиям всяким бегал – добивался чего-то, а мы посмеивались? Назови и теперь его фамилию, в цехе загадочно хмыкнут...

Я вздохнул. Таких примеров – море! Если кто-то обращается по инстанции наверх, то скорее потому, что не находил исчерпывающего ответа на месте. Опять та же проблема – отношения! Проблема проблем!

Говорю:

– Владик! Мы еще не отошли от паралича. Сколько ведь лет! А, в общем-то, без свободы мыслить – не демократия. Тем более, если добивается правды негромкий человек, ищет конкретного разъяснения по закону... Но почему, скажи, все реже находится тот, кто мог бы поддержать его и удержать? Неправ если – подсажи, убеди! А если по справедливости – помогите!

Миничков морщит лоб.

– Да-а, мельчаем! Карманы полним, а души – э-эх!... Вот где осевина. Управление, экономика – это поправимо. Тяжко, но разобраться можно, поправить. А человеку как человеку быть? Скажи, инженер? Сла-а-бо у нас-то здесь, да? Ну почему я совсем не такой, как батька мой? Совсем не такой. Да мы все зачем становимся скрытнее, разъединеннее? Отчего это произошло с нами? Может, мало достается нам, а? Почему всё меньше общего, объединяющего, но все больше спеси?

Не торопи время, Владик. Хочется лучше жить да побыстрее, но люди меняются не по напечатанным законам. Сложнее всё, иногда и проще. Пришла новая пора переоценки. Это – трудно, конфликтно. Да и других судить легче – недостатки назвать, грехи показать, вывести на чистую воду. В природе нашей такое естественно: видеть в другом и не замечать собственное. Для некоторых поносить – даже удовольствие. И сам при этом поднимается, кажется смелым, умным. Но, как правило, это натуральная демагогия. Осуждать человека, критиковать – слишком ответственно. Не суди – и судимы не будете, не зря библия подчеркивает! Сколько мы узнали о своем прошлом и как? Как будто сами не жили тогда, не видели своих руководителей, не помалкивали...

– Чего-то много ты собрал! Получается самое естественное качество – порядочность – сродни мужеству, да? – блеснул с хитринкой во взгляде синих глаз Миничков.

– Может быть. Если твоя мысль не совпадает с тем, чего ожидает твой цех, твое начальство, но ты сам веришь в это, встань и скажи в полный голос – в этом самое большое мужество. Слишком у многих совесть законсервирована, простаивает... как большинство предприятий. А стране очень нужны люди с совестью кричащей!.. Собственно, и перестройка начиналась для этого, и у каждого есть возможность переделать себя... Но и слишком многие ленивы в этом смысле!.. А что тот Сажин? Если нет у него личной корысти – выходит, он видел жизнь именно так, как писал, как говорил. И тут можно спорить. Но страшнее всего то, что он – один! О-оди-ин! Он

мог озлобиться, ошибаться, но он сумел стать нетерпимым к неорганизованности дела – вот это замечательно! Это надо ценить, хотя такие как Сажин неудобны, сразу дополняются, врагами...

Миничков вопросительно покосился в мою сторону.

– Так как же тогда поправлять жизнь? Опять лозунгами? Призывами?

– У них своя высота, Владик, – ответил я. – Лучше уметь не перешагивать через людей, а идти к ним, к каждому и – ко всем.

Он сощурился. Знаю, сейчас перейдет в ближний бой!

Вот сегодня в цех из трех заявленных МП-300²³ приехал один подогреватель. А машина с “Арктикой” вообще подрулила к вертолету с порванным шлангом. И это с такой жидкостью! При мне сменный звонит диспетчеру, а ему так ласково. “Чего вы всё безопасностью полетов прикрываетесь?” Там знают – наряд вытянем, выкрутимся и с такими машинами. Вот и выходит: меняли у нас товарищей командиров, главных, генеральных и других директоров, а что-то не появляется такой, кто службы все мог бы сложить. Разбегаются по углам они, а как же летать?.. Ведь ради этого и авиация!

Миничков расстроено качнул головой. Тут же продолжил с нетерпением:

Мы с технарями как-то перебрали всех, кто нами командовал... Что не везло, то не везло! И еще, знаешь, решили: руководить должен все-таки не пилот, а лицо инженерно-экономической. И АТБ²⁴ – ведущая служба, хозяин основных фондов. С нас начинаются и нами завершаются полеты. С нас бы и весь взаиморасчет в предприятии шел, отдавали бы вертолеты – самолеты в аренду летным отрядам, оплачивали помощь наземников, метео, связистов...

Не обращая внимания на мое удивление, он говорил:

– Да чего тебе объяснять?.. Посмотри, послушай, как акты на задержки рейсов переписываются!.. Прямо и честно никто не скажет – лишь бы отбиться!.. Выходит, и чести уже нет. Так привирать и обманывать друг дружку приучились, что и самих себя потеряли.

“Да”, – молча согласился я. Запущено оказалось немало, не учитывалось, не стыковывалось, пряталось. И нынче эта халтура тоже мешает совершенствованию, вытаскивает в эфир и прессу те же бездельные, хотя и правильные словечки. Если что из больших задач и решается, то приказом, хитрыми связями, не через ум и душу, а через бумажник. Потребности людей обмениваться непохожими суждениями, пофилософствовать для поиска рационального выбора и сейчас не любят, не допускают возражений. Это – не к добру.

Противоречивые совмещения, я заметил, уживаются в Миничкове: он может неожиданно резко выступить на профсоюзном собрании или отрешенно отсидеться на цеховом разборе, не воспринимая накопившееся в нем самом и в товарищах. Или может увязаться за новеньким и говорить с ним, говорить. И в общежитие – домой пойдет, чтобы рассмотреть того не на работе.

В аэропортовых и семейных буднях отчетливо видна надежность Миничкова, а это такое свойство природы, что хоть она и небезупречна, на ошибки свои и недогляд признает совестливо, с анализом, и промаха встречного не допустит. Обстоятелен Миничков, но и сложен. И привязанности его удивительны. Взять хотя бы потребность не в наставнической опеке даже – в каждодневном общении с кем-то из начинающих, самых впечатляющих, в кого хочется Миничкову вложиться безо всякой оглядки, без предчувствия неизбежного разочарования...

Говорю ему об этом.

– Преувеличиваешь! – Отзывается не сразу, отыскивая внутри, чем мог бы отмахнуться. – Не могу созерцателем быть. Их и так полным-полно развелось...

– Люди живут и работают, как умеют, – перебиваю его.

– Скоро за то, что он в дверь только вошел, надо будет зарплату давать! – внезапно разозлился Миничков. – Что за экономника? Она большая только в хороших, порядочных руках. Когда человек думает не от сих и до сих, а хотя бы на корпус вперед, пошире, повыше...

– Ты о чем?

– Да все о том же! – он снова замкнулся на недосказанном. – Правильно: нужна оплата по труду, но отчего мы вновь забываем о том, что и эта приватизация, дробеж на компании-фирмы тоже

может оказаться мероприятием другой крайности, если и его будут проводить недобрые, непорядочные люди?

– Между прочим, Владик, у нас серьезное производство, а не педагогический колледж!

– Во-во, и все поедет сначала, да? – В нем проскальзывает обида.

– Нет, Владислав Иванович, так нежого! Мы же затрагиваем общие вопросы и не стоит принимать все близко. Не стоит. Может сердца не хватить!

– Послушай!.. Вот, отмечали юбилей отряда, помнишь?.. Собрались в ДК как принято, стенды праздничные, выставки, концерт по заявкам, подарки по торжественному случаю... Когда расходиться стали, впереди, через ряд, мужик плачет... Докукина знаешь, Ван Ваньча? Из тех, кто первым здесь был, когда зрение подвело – был предместкома, потом инспектором по безопасности полетов...

– Давай дальше, – киваю ему.

– Сын у него на АН-2 командирит!..

– Ну, рассказывай! – поторапливаю я.

– Никто Докукина не пригласил на торжество, сам приехал, полуслепой, чтоб послушать. Все же жизнь отдал! Так начальство сидит, хотя бы руку кто пожал, уж не надо “спасибо”. Так и ушел мужик – глаза незрячи, а текут, живые...

– Владик, всех и не упомянуть...

– Вот тут не понимаю! – взорвался он. – Не хочу понимать. Докукину ведь не подарок нужен, не фамилия в приказе, а только то, что и его не потеряли, помнят. А мы?.. Ведь сколько организаций было только для того, чтобы помнить каждого – партком, профсоюз, комитет комсомола, социологи, замов у командира посчитай по всем направлениям! Нельзя не помнить о каждом, что оставил посильный вклад в общее, нельзя!.. Оттого и труха во всем, неужели не понимаешь?.. Теперь вместо политработников есть заместитель по социальной политике, сидят инженеры по кадрам, а опухоль та же...

Он не дает покоя.

– Спрашиваю нашего предместкома: “Тебе всё понятно в коллективном договоре?”. Он удивляется: “Конечно!”. И так на меня глядит, глядит. Во-о дает!.. А мне почему-то совсем не ясно, представляешь? Могу здесь, не отходя, полсотни вопросов накидать, так как нет на них решения. Нету-у! Почти во всех пунктах колдоговора вставлена фраза: “при наличии средств”. Тогда зачем писать? Что за управление такое делом, если все сомнительно? Мне почему-то не приходит в голову мысль ссылаться на отсутствие отвертки, пассатижей и не обслуживать машину? Начальник за свой уровень работы не отвечает, да и повыше никто не платит за то, что они меняются слишком часто или очень поздно. Почему расправляются с неудобными теми же методами, которые сами же и осуждают? Почему мстят?

Он опять сощурился.

– Все эти годы я знал всех-всех летчиков наших от унтов до зарплат, от привычек до родителей. Даже подруг знал. А теперь и фамилии по экипажам незнакомы. Пришел на вертолет, а второй пилот и сам говорит, что в отряде есть неведомые. Так что с нами, скажи? Когда это стряслось? Может, когда погоны разноцветные ввели, а? Только после широкой лычки равенство и признавалось, верно? И с пенсиями тоже натворили такое же – потеряли столько профессий, должностей... Куда же мы летим, если здороваться стало немодно, если по душе и поговорить не с кем: только деньги да шмотки на языках!.. Я в авиацию шел навсегда, на всю жизнь, а сейчас, при моем опыте и возрасте, не могу многое объяснить в ней. Ведь не хочется идти дальше вслепую, хочу понимать все, чувствовать себя хотя бы иногда не шплинником, а бесконечным. Как перед взлетом, когда еще не думаешь о посадке. Взлетаешь – и все тут. Живешь!

Отшумела перестройка. Или то, что официально объявлялось ею. Среди тех, которым сегодня абсолютно все понятно и они могут дать исчерпывающие трактования задуманного в стране и происшедшего в центре, в глубинках, есть все же и другие люди. Их можно назвать сомневающимися.

Волнения их, по-моему, благодетельны, потому что их тревожит гораздо большее, чем акции, собственная выгода и вообще то, что сводится к хлебу насущному. Их волнует самое главное, самое решаемое в жизни – мы сами, люди. Что же происходит в нас, почему? И какие мы становимся, если так меняем уклад страны, народного хозяйства, отрасли, родного предприятия?

Уходил я в тот вечер от Миничкова именно с таким ощущением: Владик изменился значительно. Он стал болезненно ранимым, взвинченным и недоверчивым.

Такие, как он, я убежден, принуждают думать всех. Что и говорить, поотвыкали мы от этого. Отучились вдумываться, оспаривать, убеждаться, не соглашаться, находить и оценивать найденное, честно и открыто страдать от потери, но искать, докапываться до истинного. Судьба авиации, как и всей страны,

все-таки должна набрать высоту разумную, чистую и волнующую души.

Поэтому я в который раз удивился Миничкову – неизмеренному технику, неугадываемому, нетрафаретному. Он – человек, вопрошающий за всех нас, и потому так важно нам искать оптимальные параметры не только взлета, но и всего, что и есть, собственно, сама жизнь.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Люди... удивительно! // Как уехать вдаль? // С ними жить мучительно, // А расстаться жаль, // Несмотря на трудности, // Как-то лобо мне // В вихре, этой людности, // В вечной толкотне.

В. Бенедиктов, 1859 г.

За многолетие работы в нашем аэропорту Хозяинов знал столько разных начальников, что всех уже и не вспомнит.

Одни кричали так, что звенело в ушах. “Ты наряд на полеты не срывай! За план и ответить придется!” Покрикивали, носясь по стоянкам, по лабораториям, складам и ремонтным мастерским, стараясь увидеть все лично, всех подтолкнуть, поторопить, заставить сделать именно как положено, вовремя или, что лучше, досрочно. Иногда у них получалось.

Другие, наоборот, оседали сразу в бумагах, увлекаясь приказами, подробными распоряжениями. У этих выходило похуже.

Со временем и тем, и этим становилось ясно, кто и как в самую неприятную минуту задержки рейса может ее сократить и тем самым отвести от ближайших организаторов производства, то есть от них, вышестоящие разряды молнии. Одной из таких палочек-выручалочек и был Хозяинов.

К нему, слесарю по текущему ремонту воздушных судов, обращались всегда по имени-отчеству:

– Петро Иванович, надо по-скорому: машина на Усинск встала! И он делал по-быстрому, лучше, чем было.

Хорошего мужского роста, расширенный в плечах, с открытым, четким лицом, Хозяинов был человеком замкнутым. Зато делать умел нескончаемо все, в чем время от времени нуждались любые воздушные суда: клеил, клепал, латал, красил, подгонял... В общем-то, самое что ни есть технарское занятие, с которым приходится сталкиваться на всех аэродромах.

Правда, летает сейчас вон какая крылатая мощь – тут, без грамотности на полный профиль не обойтись. Нынешние техники знают и турбины, и локаторы, и хитрющую автоматику, всякие следящие системы. Сотни кранов и лючков отыщут с закрытыми глазами, разберутся в десятках пересеченных связей блочков, пультов, табло. Но простоватую заплатку на обшивке верно и, значит, красиво поставить либо, при потребности, на лопасти вертолетный отсек восстановить от повреждения, не научены. Чего уж требовать приведения в первоначальный вид порванных трапов, лопнувших перемычек, сломанных частей фюзеляжа...

Вот тут и звали Хозяинова.

То днем, в выходной, то в самую сонную рань, то порою и ночью, в праздник. Серdito глянув на циферблат постаревшей, не раз перебранной им самим “победы”, Хозяинов, поворчав скорее для успокоения собственного настроения, успевал все-таки к тому времени, которое выпрашивал начальник. Мастер и есть мастер! Видно его с ходу. Весь инструмент, сверла, заклепки, уголки, трубки всякие, баночки с разными клеями, наждачки и струбицы, с дюжину кистей и многое другое слесарское, что могло потребоваться, было всегда в нужном месте и в достаточной доступности – поэтому впусую Хозяинов времени не рассыпал.

Цену себе он знал.

А как же?!

Это – от любви к делу и к себе в нем. Иной раз, честно говоря, куражился для виду – чтобы не забывали, сколько стоят его, хозяйственные, руки, без которых уже не могли обойтись ни в аэропорту, ни владельцы поселковых “жигулей”, “москвичей” и замысловатых иномарок. И о цене умел напомнить Петро Иванович. Когда срочных работ накапливалось особенно густо, Хозяинов,

набросив чистенькую аэрофлотовскую куртку, шел к начальнику инженерной службы и подавал заявление:

– Подпишите перевод. Решил в кладовку инструментально-расходную уйти. Сутки отдал – три дома, и платят получше, и чистовато...

Начальник, взяв листок, бледнел, тянулся дрожащими пальцами в левый бок – то ли за лекарством, то ли за ручкой – и умоляюще всматривался в слесаря. Увидев такую реакцию, доказательство его, Хозяинова, незаменимости, он успокаивался. На некоторый период.

Шли как-то ремонтники домой. Новичков, симпатичный холостяк и анекдотчик, отводил душу разнообразными историями, нагоняя себе и другим аппетит перед ужином. Хозяинов, посмеявшись, разговорился необычайно:

– Не умеют быть начальниками! То ж и есть начало, старт... Вот поставь меня над вами, я бы посильнее к работе поприжал! Да-а! Чтoб с утра до вечера хотелось дело мастерить, а не курить да побасенками греться. И тебя бы, Новичков, как тисками за оное место хватанул: “А почему вы плохонько трудитесь для народа и для себя? Захотел – посидел, поваландался часок. Ты – здесь, другой так – на перроне, третий – в кассе, а пассажира замучили казенным сервисом!”

Сосед пожал плечами:

– А я что? Как все, так и я...

Из проходной аэропорта вышли без слов.

Назначенный свежий начальник не понравился Хозяинову сразу. Длинный, какой-то ломкий в фигуре, он не покрикивал и не суетился, не заваливал свой стол папками, инструкциями и чертежами. Со всеми разговаривал уважительно, всех всегда выслушивал до конца. Подолгу ходил от самолета к самолету, глядялся в отсеки и приоткрываемые люки. В мастерской, где работал Хозяинов, начальник бывал несколько раз, примериваясь к его слесарной аптечке, к движениям у верстака. Петро Иванович же терпеть не мог, когда смотрят на его дело.

– Чего он? – раздраженно выговаривался в раздевалке. – Ходит, ходит целый день, высматривает! Может, не по сердцу здесь? И этот, видать, смеется...

– Непохоже! – возразил Новичков. – Инженер, слышно, толковый. Просто разобраться надо. А потом, чую, и тисочки прибудут...

Удивительно: впервые за все эти годы, правда, еще со сбоями, но все меньше в организации ремонта судов оставалось аврального, нервного. Более того, и Новичков, и остальные начали выполнять те усложненные задания, что до сих пор просили сделать только Хозяинова. Сам он заметил такое и стал страстно желать какой-то вспышки задержек рейсов, даже отмены их по техническим причинам, чтобы остановились десятки самолетов – тогда без него все равно не обойдутся. Но полеты шли нормально, никакой штормовщины на ремонтном участке не случалось.

Хозяинов понес в начальнический кабинет свое заявление. Все то же. Когда оно было прочитано, Хозяинов услышал:

– Мне не хотелось бы расставаться с вами, Петро Иванович. Есть у вас все для прекрасного труда: опыт, интерес к делу, уважительность к товарищам. Вы же – профессионал! Я уже собирался поставить вас старшим, поручить наставничество и

повышение квалификации молодым... Но раз вы решили твердо, пожалуйста! – сказал начальник и энергично расписался на листке.

Заявление с подписью Хозяинов забрал хмуро. До отдела кадров не дошел, повернул в слесарку. Сам позвонил в диспетчерскую, узнал о неисправностях машин.

До окончания смены работал он яростно, с какой-то особой, сердитой энергией. Дома на вопрос жены только огорченно отмахнулся. И спалось плохо – вставал покурить, подышать от форточки, попить чайку. Жена больше не расспрашивала ни о чем, знала: он так постоянно молчит, пока не перебродит в себе, а как осядет, как обмякнет внутри, так и сам расскажет обо всем...

Утром Хозяинов появился на участке за полчаса до смены. Проверил заготовки, оснастку, приготовил аптечку, настроил станки, компрессор и ровно в восемь начал. Из цеха самолетов позвонили, когда узел подкоса шасси с “Аннушки” был уже отремонтирован, подкрашен и долеживался, высыхая, на стеллаже. Хозяинов буркнул в трубку:

– Уже прокисает, забирайте!

Все возились на своих местах. В мастерской стучало, звенело, отбивало пулеметной дробью пневмоклепки. Новичков вздыхал у разобранного маслорадиатора, поскребывая затылок всей пятерней под замазанным беретом. Хозяинов подошел:

– Вот здесь переделай! Подшипник проверь, набей смазки. Эти заклепки – брак, замени! – Потыкал пальцем и отвернулся.

На минуту Новичков застыл, соображая. Расплылся радостной улыбкой:

– Ну, Петро Ваныч, вы действительно бог! – И с сожалением добавил. – Как же сам я не догадался?

– Не все сразу! – Польщенно глянул Хозяинов. – Подучись немного и наладится. На этот передел тебе даю два часа, не более. Мне предложили... шефство взять над всеми вами. Так я, салажата, согласился... Терпите!

От автора

Рассказ этот появился не за письменным столом и не к 9 Мая. Та война отдалается во времени – безмерность всего, что есть она, тем ошутимее будет изображаться далее не хрониками событий, фактами и цифрами, а через человека, судьбами. Литература, собственно, всегда пытается искать ответы на вопросы. Какие же мы? Отчего?

На фронте я не был. Но война пометила и меня, не отпускает даже теперь. Когда недуг или беда общие – молчать грешно. Война – не смотря на триумф 45-го, это была народная трагедия – непреходяща через поколения. Ее боли по-своему объединяют, не давая забыть, что жизнь слишком коротка, очень хрупка, что – всюду сердце...

Главным принципом нашей Победы над фашистской Германией оказалась все-таки человечность. Верится, что и нынче она осилит.

ФЕЛЬЕТОНЫ

СТРАШНО. ОБИДНО. ГРУСТНО.

Вы как хотите, товарищи – господа, а мне лучше не знать, какое нынче число. Даже день какой. Если праздник, то все равно ведь придется выпивать, а в черные числа, в будни, приходится, о-ох! – топать на работу. Чтобы теперь ее с такой организацией и вроде бы, говорят, зарплатой, чтобы дожидаться конца, то есть опять же праздника. Утром просыпаться вынужден, но вставать, если еще после подработки, совсем неохота – разве жить, как сейчас, можно? Неужели не грешно?.. Правда, если как вчера, с тостами – ничего, как будто. Можно и потерпеть, хотя...

Страшно увидеть вдруг, до возможного завтрака, качающийся потолок и покосившееся, почему-то болтающееся как на волнах окно. То справа вверху, то слева внизу, то... опя-я-ять, во-о!

Страшно хочется повторить, хоть немного, что было... ну, до сегодня, в той туземной бутылке, с иероглифами над пупком, но под титками. Или хотя бы крымского, пока еще нашего, “Фороса” – там, помню, дачка еще в рамочке, “Зарей” называется... Градусов ни хрена, зато газу ого-го! Пшикнет пузырьками – раздуться поневоле!.. Страшно, если все это снова не примется так и не перестроившимся, несмотря на златоустые словомощи генпапы-новомышленца, а потом и демборинские реформы, организмом моего тела. Между прочим формата 39-178-69!..

Страшно, если поднимусь все-таки и пойду за игристым, но меня вычислят знакомые рэкетеры. Круто приткнут под ребра ледяную пуговичку АК-эмовского ствола – отдавай, мол, половину! Еще страшнее, что мой пока не востребованный вставанный фонд в 462 рэ, отысканный во всех карманах, это червонцы, пятики, трешки и рублевочки, а там крутарям из рядышного микрорайона “Орбита” такие даже несомканные купюры давным-давно уже не нужны. Значит, надо отлить от ноль семи стеклотовара. Или, в крайнем случае, соглашаться на залог – супружницу. До вечера хотя бы, пока не займу или не провертанусь как-то.

Страшно вспомнить, что дома есть оказывается, она. Не дай бог, затребует после ночного канала позицию № 13 и еще, не взамен, тысячу сто, чтобы быть сегодня хоть счастливенькой

бабичкой. Но еще страшнее будет ничего не иметь на ужин и, главное, после него целых полгода.

Страшно, что ко всему так быстренько приставляются нули, которых час назад не было. Что туалетная бумага в единицах длины стала дороже буханки ржаного хлеба в неполном кэгэ, а одна маленькая ненашенская жвачка продается как канистра энергоносителя для отеческого “москвича”. Что независимо от цвета и марки бэушное инавто теперь можно купить абсолютно без проблем с любой формой оплаты, но за столько, во сколько на этой неделе обходился суперистребитель МИГ или всепогодный перехватчик СУ с полным боекомплектом, экипажем и заправкой на полный радиус полетов. Что надо бояться прежде не только вообще всего транспорта, не только человека за рулем, штурвалом, ручкой управления, а скорее всего цены средства передвижения. Но еще страшнее от того, что когда подоражает все-все-все, ничего нужного тогда просто не найдешь.

Страшно идти в сберкассу за ваучерным равноправием. Потому что на рекламируемого внучатого племянника известной Маньки-облигации могут достаться, скорее всего, лишь уцененные акции Ухтаремдорупра, где я пока работаю, и которое должен успеть приватизировать до ближайшего понедельника. Так написано в приказе господина директора, улетающего во вторник на переговоры в Монако.

Страшно раскрывать хотя бы по субботам независимые, не претендующие на монополию истины, но по-каратистки бьющие, газеты, где среди штампованных объявлений о рознице и оптом, о процентах и российских фирмах с англофраншеворазнозначными старыми добрыми, естественными, полезные, милые связи стали демократично именоваться эмонациональной разгрузкой, восстановительным массажем, восхитительным общением в экста-сауне и апартаментах. Страшно и потому, что после эммануельсантапротимарианских сериалов с красочно затянупутанными видеолобовками – с кем, когда, как, что, где сосать, кому лизать, кого трахать анально, вагинально, вафельно и т.д.? Чтобы уж очень-очень эротично было, теперь к учетчице Евдокии из отдела снабжения не подойти. Как на экране у силиконовогрудых девиц и всесильных поршневого партнеров, у меня ни духу, ни терпения, ни трезвости не хватит. А если еще и СКВ²⁵ она запросит – вообще не потяну. Страшно искать ответ и

²⁵ Свободно конвертируемая валюта.

силы, осознав вдруг, какое всемогущее существо – женщина, а ты почему-то безнадежно одинок, неумеха, и совсем не приспособлен быть среди людей.

Страшно обнаружить, что обещал позвонить приятелю, а про монетку для автомата запамятовал. Найти-то можно, но только не на почте и не в разменном пункте, а за углом у “инженера”. Страшно, что класный специалист по связи предлагает “пятнарики” пока за 25 рублей, но если все же проведут вдобавок ко всему и жетонизацию всей страны, то пластмассовое право на телефонный разговор – без гарантии, естественно, дозвониться – будет еще значительней.

Страшно видеть и не понимать, как это совсем недавно почти все вокруг были товарищами или гражданами, а нынче неожиданно, не ведая, стали господами, дамами, полудами, миссами... Что желающих и умеющих наводить обыкновенный порядок на улицах, в подъездах, на производстве, на дорогах становится меньше и меньше, а предающих, продающих, и закладывающих всех и вся – больше. Что мы снова двигаемся после стояния и снова ударными темпами, и вовсе не назад, а наоборот, но только с другим курсом и принципами. Что мы даже летим куда-то туда, но слишком резво, без отрегулирования тормозов и не подбирая по ситуации скорость – и значит, по законам динамики, обязательно расквасим себе, как минимум, лицо.

Страшно очень, что гигантской страной управляют так и те, кто прежде всего спрашивает “Ты меня уважаешь?”, а уж потом косятся вниз на нас, главное национальное достояние. Что когда начали ломать и переделывать, никто не видел генерального плана реконструкции, согласованного с заказчиком, подрядчиками, СЭС и счетом в банке. Что лишь после того как зажженные конфликты в “горячих” точках стали нормальными страшными войнами, купольные судари создали комиссии по культуре, вопросам нацотношений, развитию национальных и интернациональных традиций, охраны исторического наследия. Что при той многослойной тьме властей, которые все знают обо всем и “как надо”, чем ближе (вернее-ниже) они к людям, тем менее ощутимы, и никто из них не скажет, когда положение изменится к лучшему. Что миллионы жаждущих глоток стадно утверждают вслед за децибельно орущей гуттаперчевой рок-звездой “Я сегодня не такой как вчера” и “Ай лавю, долля-яр!” И качайся, толпа, тащись!..

Страшно обидно, что курс аргентинского песо и сшашного²⁶ доллара прямой, а у рубля как-то криво выходит и кривее все, кривее. Что “зелененький”, наверное, уступит дойчмарке и не зря соседу моему левому, одноному Ивану Степанычу на последний День Победы благодарные берлинцы отбартеровали посылку с трусами, сликерсами, сосисками, пивом и усатенькими презами (презервативами). Значит, не так сдались немчуры в 45-м, а мы не очень-то выиграла. И не так мы ушли из Берлина, раз почетным гражданином столицы признан не воевавший с фашизмом. И обидно очень слушать на неугасшем КВН-93 шутку немецкой команды, что надо не гулять сутками по Арбату, а арбайтен, арбайтен, арбайтен... Наверное, и им не понять, почему если вес рубля нашего падает, организованно падает, копейка нашаская, назло, растет. Те же “пятнарики” в любой бзуреспублике не полтора червонца тянут, а целый четвертной и более.

Обидно, конечно, что фунт рублей вскоре действительно завесит на несколько центов, факт. Но еще обиднее, что нужно будет напечатать где-нибудь в Марокко побольше дензнаков, необходимых для закупки дорогостоящей инвалюты для родного эСэНГе. Что после этого возрастет, естественно, инфляция, а мой, наш и ваш жизненный уровень соответственно уменьшится, выхуеет, но прожиточный минимум распухнет.

Обидно, что сосед справа Васька Хмырин, шестерка, столько годов гонял мяч то за город, то за республику, числясь лучшим лекальщиком мехзавода, где никогда не был и не видел даже своего цветного портрета на “Доске Почета”, а тут уже по телеку его показывают уроком. Продал себя папуасам на острова за 15 миллионов, сидит на ранчо под экваторными пальмами и учит россиянок правильно жить. А сосед напротив – Шабада Лев Кутялович, ведущий энергетик, всегда принципиально как положено председателю народного контроля критиковавший руководство на всех собраниях, год с лишним елозил за главинжем и начальником, все боготворил в них и добился –

умотал электриком в интербратчество на Малайзию. Два “камаза” ночь разгружались трофеями перед подъездом – коробки, тюки, рулоны, аппаратура... А утром уже не здороваясь, прыщавый поджаренный пан хлопнул перед носом фасонистой дверцей “вольво”, блеснув на обалделых земляков неснятыми зеркальными очками. Кесарю кесарево, а вам, слесарям – слесарево...

Обидно, что мой сын все это видит и молчит, что ему скоро уже придется, как когда-то мне, выбирать любезницу для себя, дорогу и веру, а приличной квартиры семья наша так и не дождалась в затылочной очереди. Что в день совершеннолетия он пошел за медсправкой для учебы на водителя, а в психокоске тетя диспансерная мурлыкнула. Ты на учете не состоишь, так что плати триста за печать и подпись!

Обидно, что живя в богатой, чудаковатой, гордящейся неутраченными противоречиями и нескончаемым, вечно обновляющимся абсурдом, стране, никогда не получается оторваться от мешанской узости и накопительства, от неразрешимых вопросов быта и до смешного заниженной стоимости квалифицированного труда. Что тоска по массовости еще живет и, возможно, завтра все начнут снова едино-согласно думать руками, говоря по душам на кухнях и в гаражах совсем по-иному. Обидно представить, что мы когда-то сможем все-таки жить, как они у себя пиво пьют. Вжик – и жестянка из холодильника у рта, а во второй спальне мается уже пенюарная супруга, но перламутровый “Оп-Волго-Жигуль” еще не поставлен в третий гараж и в ожидании эротичной помывки жарится под солнцем у кафельного въезда к твоему трехэтажному коттеджу. И еще обидно, что завтра натошак опять уже захочется на сказочный остров Майорку или в Сингапур, шоп-туром, чтобы хоть раз в жизни от носа накупаться, от пуза наесться экзотических фруктов и назряться, наглазеться вовсю на шоколадно манящих, знойных красоток под незабываемый, устойчивый вкус “марса” или хотя бы “баунти”.

Страшно. Обидно. Грустно...

Отмеришь на календаре протянувшиеся, пролетевшие, промигнувшие дни-ночи и поразись – дивно! Удивительно! Как ни клянем то, что происходит, но мы – есть! Вытерпели и продолжаем терпеть называемое P E R E S T R O I K A, продержались, несмотря на заидиотизированные события – и вроде бы не без штанов ходим, даже полкило госваренки или “амаретто” купить можем. Если, конечно, подкопить грошей...

Но грустно, грустно.

Отчего же?

Ладно, пожилым, итожить судьбу на таком подловатом финише тошно, когда еще нет рынка, о котором все кричат, а ты уже за забором. Когда наш капитализм строится искусственно и в сумасшедшем марафоне, но мало кто соиздаст производство, вкладывая свой капитал и получая доход, а слишком многие признают один-единственный вид активности – распродажа, спекуляция, обогащение любым путем. Когда для молодых старт в жизнь получается уже по-волчьи диким – вроде бы столько степеней свободы, что не знаешь в какую сторону крутиться. Что в детсады, где могут послать на три известные буквы и освоили слово “оргазм”, появилась книжка “Раскрась сам”, но карандашных цветов “Радуги” не хватает для субъектов федерации, а фломастерята-мини стоят поболее суточного содержания в старшей группе. Что после прежних вселенских мечтаний и глобальных задач общества приходится нынешним выпускникам вузов и техникумов добровольно заползть из-за простора ненужности специалистов в капканы третьесортности, превращаться в родившихся СП²⁷ и за таможенным постом в тягловый скот для “умеющих жить”, что могущих и желающих работать на себя и государство сразу приглашают на выход, не дав войти в профессию, в дело.

Грустно, что мы почти все – старые и среднегодки, созревающие и пацанье – нудимся, скулим по недавнему, но все-таки уже прошлому. Не по прекрасной, возносящей радости труднедель – месячников – пятилеток и не по светлому пути к всеобщей мечте всемирного равенства, а по просто более облегченному, при всяких так и неустраиваемых проблемах, бытию. Когда вокруг – над, слева-справа, под ногами – везде наше и наши, и мы как бы с закромами полными, уверенны, могущи, едины. И груститься теперь нам, похоже, точно так же как было грустно

первой русской эмиграции, теряющей Родину. Как смотрели влажными глазами республиканцы, отплывая от своих, родных испанских берегов. Как ощущают, наверное, себя пассажиры огромного теплохода, оказавшегося без навигационных приборов в нервничающем бескрайнем океане. И машина стучит, и капитанский мостик занят, и не тоном – но куда? Собственно, так и нам, если по-одесски, отплыли от причала “Социализм”, не сданного в эксплуатацию, а следующий, хоть и объявлен хрипиво по местной связи, но что-то непонятно и он еще за горизонтом. Да плюс туман, то бишь, видимость ноль...

Грустно, что появившийся в каютах 1-го класса и на верхних палубах полнеющий быстро, но еще без явной беременности, нашенький капиталист – бизнесмен, но скорее всего примитивный коммерсант, уж очень схож с “грядущим хамом” начала этого же века. Хоть и одет в перспективные гарнитуры “Le Monti”, рассчитанные и на следующее столетие, но по-мужлански неотесан, не любит европейских правил игры и хочет все-все сразу, непременно побыстрее. Имея за накладными плечами взлхазэмовскую юность, подвернутые рукава для набирания первоначального капиталца и частенько призрачную культуру, он по-кабаны расчищает себе дорогу ко всем лестницам вверх и трапам “рашен-бизнеса”, скидывая при этом с пути библиотеки, ДК, музеи и заодно оставшуюся пока, позволяющую унижать и быть уничтоженной интеллигенцию, развращая ее и помогая деградироваться.

Страшно, обидно, грустно, что у нас, получается, действительно все не так. На трех четвертях земного шара крепкие, мощные государства делаются крупными корпорациями, мы же, после того, что было – теперь за монополизацию. Везде, если продаваемый товар дорогой, значит, в его создание вложена повышенная технология, лучшие материалы, и труд высшей марки, а у нас – наоборот. Подул иной ветер, шархнулись на другой борт – и крелящаяся Россия устремилась срочно превратиться в страну мелких лавочников. Если “Сони” и “Панасоник” – это Япония, а “Форд” – безусловно Америка, то что такое нынче Россия? Разве как всегда раньше – только матрешка и водка?.. Что сейчас мы? Какие?

Обидно пытаться шелестнуть небрежно кинутым тебе с прилавка рублем. Грустно до рассвета задаваться каждодневным вопросом: “А куда вы вложили свой ваучер?” Страшно ждать открытия любимых консервов “кильки” и узреть там непонятное в почти томатном соусе. Обидно терпеть, не выкидывая полбанки, после трех суток пробования – если выжил и ничего, тогда можно доедать. Грустно ходить по центральной улице, так изменившейся быстренько переходом к “комковой” архитектуре от “соврококо”, и привыкнуть смотреть на грязь, на плесень, пожирающую наше человеческое пространство. Теперь смотрим молча. Критикуем за дверьми и молчим, словно какое-то заклятие или оцепенение поразило нас. Страшно, что была мода и только разрешенная лишь на красное, а сегодня – только на белое, хотя и с разными цветными полосками. Что не мирятся до сих пор даже павшие, лежащие в разных могилах, но в одной земле. Что ненавидят, завидуют, мстят друг другу живые еще, ходящие, бегающие, проезжающие, пролетающие над павшими. Что, устав от бедного житья, недоброго сплетенья счастья и распада, какая нынче семья в любом краю содружества не искала лада в разлуке? Что, разве время виновато – как можно Родину любить и сквозь прицел не узнать родного брата или сестру? Что хватают, грабят, воруют все подряд, лишь бы успеть, и не верят уже ни верхним, ни рядом, никому. Что хаот, открещиваясь от прошлого, не ведая о мудрости ушедших поколений: это невозможно добиться ни враждой, ни неприязнью, ни критиканством, а лишь только – свежестью, радостью и чистотой новой жизни, не порабощением природы, а исцелением ее и дружеством с человеком, очищением нас самих от скверны, от привычки делать работу тяп-ляп, на авось. Что мы слишком нетерпимы к слабостям личности, по-прокурорски глядим на окружающую среду и, заэкранировавши собственные души, погрязнув в трудностях переходного периода, все так же высиживаем на собраниях тихо и робко, но уже потому, что начальник может припомнить не так сказанное, грех твой и сократит должность, не послать в заграникомандировку, не продлить контракт...

Грустно, что завтра, возможно, нельзя будет с 8 до 17 болтать и болтаться, гонять чай и успевать по магазинам, потому что надо заниматься натуральным делом, за которое уже так запросто, порою ни за как, никто не заплатит. Что нельзя будет тянуть

время, ходя по отделам с умным видом, в ожидании скорой пенсии. Что нельзя теперь стать главным начальником, только получив партбилет, и комсомольская линия уже не поможет в выборе подходящего продвижения. Что в дорогу столицу уже нет особого смысла ехать с мешком за продуктами и шмотками, а теперь и вообще транспортироваться куда-либо накладно. Что многочисленные анкеты на тебя стали потихоньку просто анкетами, а не лицом, а цена твоя – твои деньги... Что социализм уже, как оказалось, построен, но не здесь, а там, за бугром. И коммунизм, наверное, у них получится быстрее и естественнее, по материальности жизни, без идеологической обертки, пропили... Что сегодня нельзя много сидеть, но надо больше, еще больше двигаться, крутиться. Что из Васюков и Нижней Передуйпольки в Индию или на Берег Слоновой Кости можно слетать любому имеющему серьезные мани-мани, а не по блатному телефонному паролю. Что теряешь друзей, потому что они становятся богатыми, что у слишком многих карие, голубые, серые, зеленые глаза стали смотреть “желтым” взглядом... Что сочувствуешь иногда “Человеку-амфибии” и самому хочется, если бы были жабры, залечь в конце концов на дно – и пусть пронесутся над водой все нынешние ветры, которых даже не семь, а шквал на шквале, круговерть. И уже наплевать, что кому-то невозможно стало усидеть в тихом затабличенном кабинете, ждя звонковую инструкцию из райкома или облакаоготокома. Что некуда уже жене потащить гуляющего супруга, так как нет и парткома вместе с комитетом ВЛКСМ. Что мы уже не самая-самая сильная, справедливая, передовая и т.д. и т.п., и даже уж вовсе не держава...

Вообще утром, если поймешь или догадаешься, что проснулся – всегда теперь страшно, обидно, грустно. И бросить лечить стаканом до возможного завтрака не получается. Но не того букетно-сладостного “Фороса”, который пшикнул и все, и не туземного, с иероглифами на вспотевшем женском животике, а горькой, хмельной водки. Когда выпьешь, уже не задаешься нашими традиционными вопросами типа “Кто виноват?”, “Что делать?”, “Кем быть?” И за что? И не думаешь о политике, в которую тебя втягивают, не спрашивая, и создавая правовое государство, в котором, если ты трезв, то трепещешь от страха, обиды, грусти, немощи. Когда выпьешь, уже не хочется ни на Майями, ни в Первый Инвестиционный Банк, ни жить по-американски... Достанешь из холодильника невостребованную беленькую, пригубишь, чтобы не трепетать – и можно шевельнуться. А если будешь трепетать, если поддашься страху перед злом, которого всюду почему-то больше и разнообразнее, то начинаешь чувствовать Зло Страх. И становится еще страшнее, обиднее, грустнее.

Ведь так неохота мириться с этим, люди...

* * *

– Когда прочитал материал друзьям, один из них, кстати, предложил. Уж лучше рубль совсем задеревенел бы, задубел бы. Вот тогда это будет самая твердая валюта. А если соединить “зелененькие” с “деревянными”, скрестить их – появилось бы, возможно, для общего дома растущее, живое дерево.

НЕ ПОТЕРЯТЬ БЫ СИЛУ КРЫЛЬЕВ

Гражданской авиации – уже за 70!

Совсем вроде бы недавно, в преддверии очередного юбилея одной из ведущих отраслей России, пресса отдала бы предпочтение количеству. Сколько перевезено пассажиров и груза, на сколько выше-ниже плана? Какое число рейсов выполнено на сэкономленном топливе, какие новые авиалинии открыты, кто же победил в Социалистическом соревновании?..

Это – часть правды того времени.

Обычно там и так рапортовали от имени коллектива престижного транспорта, проводились торжественные собрания и праздничные концерты, зачитывались доклады, вручались награды и премии.

Нынче это – в прошлом.

Авиация, давшая Отечеству довольно многое с горделивой добавкой “впервые” – рекорды, герои, народные праздники,

открытия – сегодня, перед 21-м веком, будто попала в густейший туман. Стоило поперхнуться государству, а Аэрофлоту, с его собственностью, опустить руки и жить лишь утром – вот уже наяву все тревожное, что может произойти прежде, чем придет завтра...

Авиация – судьба многих. И – моя.

Авиация – хлеб моей жизни и любви.

Авиация – это воздушные суда, большие аэровокзалы и крохотные аэропортики, с кассами, складами, это – буфеты, погода, камеры хранения, запчасти, справки, резерв самолета и экипажа и еще многое-многое другое, рождающееся и порождающееся, преодолевающее проблемы.

Но авиация – прежде всего люди.

Оглядываясь на прошедшее, хочется говорить об авиации как о жизни. Задумываясь о сегодняшнем, всматриваясь в день нынешний, в день приходящий, хочется видеть, знать, понимать последствия своих, наших действий.

Отрасль перетряхивают социально-политические катаклизмы – в предзабастовочной готовности экипажи и диспетчеры, подпрыгивают цены на билеты... Можно не продолжать о регулярности и надежности полетов (пассажирам, выдерживающим услуги воздушного транспорта) известно неплохо. Жалостливая хроника!

Да и как будет иначе, если вместо взамен потребного, исконно поставляемого волей государства, количества топлива теперь в авиапредприятиях мучительно ищут его сами, платя трижды значительнее за каждую тонну керосина. Если стоимость двигателя для серийного, но самого большегрузного в мире вертолета МИ-26 не хочет фиксироваться и давно перевалила зарплату всего аэропорта. Если даже прохладительные напитки, обычно предлагаемые каждому пассажиру, обладают нынче собственной, неприятной для прежнего уравнивающего сервиса, ценой.

Это – лишь часть штрихов к ситуации.

Уже – было.

Сложилось так по совокупности причин, часть из которых наследственна от той заплевневшей логики хозяйствования, что вела нас всех. В том числе, и Министерство гражданской авиации. Ни одна система в мире не выдержала бы многолет, когда расходы превышали бы доходы, а мы – терпели!

Понимаю, как страна при таких дорогах и расстояниях подпитывала нашу транспортную систему – было это по-государственному. Когда потребностью такой политики было активное применение авиации в народном хозяйстве, родившее новые профессии самолета и вертолета, вырастившее тысячи специалистов нестандартного и мужественного дела: воздушного монтажа, химвработ, охраны лесов и т.д. Потом переродившееся государство отказалось от своих же обязательств перед миллионами пассажиров, перед геологами, лесниками, буровиками, а вскоре и вовсе растворилось. Россия, став правопреемником, получила по завещанию лишь долги, а мы, авиаторы – парк изношенных по ресурсу судов, закомплексованную структуру управления с ленивой, не умеющей ценить пассажира и груз, приказной экономикой, организацией труда и тем, что мы считали культурой обслуживания.

Командирство абсолютно во всем – от цвета носков до рациона в подсобном хозяйстве, от технологии устранения неисправностей до фразеологии разговоров – породило и естественно своеобразный, слишком ощутимый тип работника – обыкновенного, застандартизованного исполнителя от сих и до сих. Почти во всех категориях – от заправщика до сменного инженера, от оператора в службе связи до начальника службы – по приказной линейке. Разумеется, это – и выше. Инициатива не только не требовалась, она осуждалась, критиковалась, тормозилась, уничтожалась почти автоматически, по рангу. Жди, не высовывайся: спустят (!) задание, под этот план выделят топливо, запчасти, численность – тогда и выполняй! Сумел сделать сверх положенного – может быть премия, а не сделал, не вытянул – пожурят, но – ничего, корректировка возможна. На общем фоне будет все прилично. Подумаешь важность какая – отряд планово-убыточен! Но ведь так существовало значительное число авиапредприятий...

Теперь, перед обрывом с бездонностью фактического банкротства многих из них, начинается болезненно и вязко каждое изменение в деморализованных службах, не знающих что делать дальше и как выжить. В общем-то, и не умеющих. Оказалось, что

при всегдашней укомплектованности планово-экономических отделов и отделов организации труда и зарплаты – стратегия и тактика управления! – денег нет и занимать их совсем непросто. Стало странно очевидным, что и сама даже структура отрядов, производственные связи и отношения экстренно нуждаются в обновлении. Что деньги появиться все-таки могут, но очень-очень потребна хватка, инициатива, предприимчивость, жажда труда, умение увидеть заказчика и прийти ему навстречу. В дефиците сейчас то, что прежде подавлялось – практичность, готовность принимать риск и ответственность на себя, не ожидая подачек и указаний.

Выходит, переинженерились, закомандирились мы и нуждаемся, как никогда ранее, в несколько другом типе авиатора – в человеке, умеющем и желающем предложить разные варианты решения задачи, выбрать оптимальный путь, сочетать директивную подготовку техники по регламенту с обслуживанием по фактическому состоянию, искать свежайшие приемы авиационной работы. Стали нужны творческие авиаторы.

Мой аэропорт вырастил разных работников. Знаю многих не только в лицо, но и по судьбе, по радостям и трагедиям в жизненном пути, по устремленности и способностям заниматься выбранным делом. Коллектив, я уверен, останется коллективом – выдержит, не потеряет набранную высоту, которой обладал с огромными усилиями. К огорчению, из воздушного транспорта уходит идеал, становится заметным меркантильное стремление налетать. Не успевают заменить вывески с названиями на проходных предприятий, потому что наверху опять перелицовываются, не успев и не сумев избавиться от невылеченных болячек. Контрастное расхождение при всей громкой правильности объявляемых проблем, исходившее от профсоюзов, вибрило неуспокаивающийся клин между НЕБОМ и ЗЕМЛЕЙ, и так пространстве, посеченном социально-производственными трещинами самого разнообразного происхождения! Спросите у знакомых техников, перевозчиков, диспетчеров – раскалывающие тенденции прогрессируют, отчуждая занятые единой целью службы, дробя общий интерес. Обидно, очень обидно, что и теперь, пользуясь организованной несурзачей, с помощью неудовлетворенных голосов, с убийственными для отрасли последствиями удается кому-то решать чисто местные задачи. Вдвойне неловко, что и в собственном предприятии отчетливо видны руководители, тянущие к себе и запаматовшие об интересах общих...

Как же вышло, что всегда заслуженно уважаемое авиапредприятие в Ухте, умеющее страстно трудиться от Ямала до Дальнего Востока, от Харькова до Баренцева моря, теперь едва дышит на родной земле? Почти полностью стоянки заняты простаивающими воздушными судами, обреченно занесенными снегом и неопределенностью судьбы. Спасают лишь заграникомандировки. Давая шанс подзаработать, они раскололи коллектив на рвущихся правдами-неправдами “за бугор”, на не могущих попасть туда и остальных, доступно регулирующих текущее счастье. Полеты полукommerческого-полурекламного характера, выбиваемые с трудом в Африке-Азии, выполнение функций ООН, монтажные разовые гастроли в Европе – с долларовой оплатой и громкими фирмами не успокаивают. Все-таки совестливо за общий наш, далеко не бедный дом, где столько еще несделанного и где так не по-человечески управляют людьми и земным богатством – с таким ощущением прихожу на работу, где повезло познакомиться со столькими интереснейшими людьми и их делами.

Авиация – жизнь моя.

Как хочется, чтобы крылья не слабли, не теряли бы опору.

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

Не дурак был кто-то. Изречь в эпоху Возрождения – еще того-того! – что жизнь есть движение, и тем увековечиться без ссылки на какого-нибудь бога или хотя бы классика древнего – знаешь, себя содержать то-о-онко надо! Разве не так?

Теперь, конечно, нас не удивит. Знаем уже. Кое-какие факты, некоторые аргументы, отдельные альтернативы. Понемногу, вперемежку, с вопросами и стрельбой из-за забора

или стола, но все-таки!.. Успевай лишь знать! Особенно из газет, программ “Поле чудес”, “Ню”, “Человек и закон” и др., а также после уроков ритмической гимнастики или ночных шоу. Окно в мир можно, оказывается, расставить и этим.

Да, настоящая жизнь – действительно бушующий океан страстей, мнящих целей и меняющихся средств их достижения. Наши судьбы – те же волны. Всегда – от мечты к реальности. Чаше неумеренные, непредсказуемые, переходящие от шторма в шторм, успокаивающие или вскипающие до кромки облаков. Иногда, правда, затягивающие на самое-самое дно. С этими волнами и мы то взмываем ввысь, то сваливаемся вглубь.

Кто я такой, спросишь? Откуда сейчас в нем философия ненашекая? Чокнутый, видать. Неужели еще оттуда, из того-о Рима?

Откровенно скажу: лично мне мудрость приятна. Из до – новой эры на окраину 20-го века выкинуло ее как прибор – я и подобрал. Как кошелек. В еще предпоследнем начальном классе средней школы. Срочно освоил, пока другие цитаты не окружили. Как большинство из нас тогда, помнишь?

Сориентировался. Повезло, согласен. А сам не веришь? Ну, это уж твои заботы. Значит, не подготовлен ты, дорогой, к истории. Впрочем, и мы все не готовы к встрече. В любой момент. Ни с будущими потомками, ни с теми, кто были уже транзитом. Цивилизация странная получилась: без прессы и ТВ не разобраться – кто, когда, сколько и почему? Где Бог, куда вдруг делся кодекс моральный, отчего не работают законы, зачем лапшу на уши вешали вместо того, чтобы сделать ее лучше и вкуснее спагетти? Кто брал что давали, где искать того и другого?

А в общем – ерунда все. Команда будет – найдем. Кого надо, того и отыщем. Встретим. Хоть от Махно, хоть снежного человека или гуманоида с неприсоединившейся пока Альфы Центавра. Даже пускай из соседней мэрии, от казачьего схода, Дворянского собрания, а может, и мисс-стажерок из краснофонарного домика, где хозяином бывший второй. Ну, этот Гришка Эротов, из горкома. Всех пойдем, поприветствуем.

Не веришь, что всех?

Говорю точно: все-е-х, абсолютно всех!

Повстречаем. Пожмем. Улыбнемся. Выслушаем. Обменяемся. Поднимем. То есть потом поддержим. Сделаем как скажут. Так вернее. Пусть толпа кричит, даже бастует – запишем на пленочку рты, плакаты, кулаки, ширинки. Кто узнает: тебя услышат или ты сам глух? Кивнем, но согласимся ли?

А как бывало, не забыл?

Только споко-ой-неноко, про себя!.. Недавно ведь, а как шемит? В хронику истории не пятилетками как обычно, а десятигодками вклеено. Впечатано. С клеймом. То ударным маршем туда и все, то по-стахановски всегда и всюду за рекордом. Петь-танцевать-говорить только и вообще полагать, думать, предлагать, писать, как сказано в томе номер 7 или в передовой статье за 13-е... А что? Штамп он и есть штамп. Присядешь, устроишься, пробежишь взглядом циркуля основной печатный орган, по заголовкам проскачешь раз-другой – и сразу ясно-ясенько. Куда они, как мы. Весь лагерь империалистический обозрел и частные случаи у нас. Встанешь облегченно, вздохнешь...

Прочие органы, хоть и шрифтом разнятся, но ноты те же – никаких больших проблем! Главное – голосовать за главное! Остальное – в рабочем порядке, товарищи! Волнуешься сам – сам и решай!

А теперь? Хоть не вставай, не открывай дверь – что ни статья, так сердце жмет – неужели? Во дают! Среди бела дня, на виду и тех, где статуя Свободы, и мы же глядим, и милиция за углом. А-ах, демократы, бюрократы, лицемеры, хапуги, прости господи, рэкетуны, господа начальники, граждане судьи, комкари, спиносы, челноки, рашен-спекул-бизнес, давалки, депутаты и прочие-прочие!.. Где мыла на всех набрать да такого, чтоб до последнего микроба, до малюсенького пятнышка отмыть? Выходит, и впрямь невозможны контакты с множителями, если столько плесени и дерьма накопилось? Оттого и шарахаются энЛОшки то в Харовск вологодский, будто хоть там масло натуральное, без керосина, есть, то в росукрчерноморье за селедкой керченской, то в штат Флорида – лишь там огурчики нежинские найти можно!.. Селедку так и не сыскали, хамсой заменили каспийской из лос-анджелесского супермаркета. А если они водички хрустальной или хотя бы просто-напросто чистой

захотят с дорожки – слабо-о угостить-то, слабо! Где ее брать у нас?

Или вдруг телеграмма? Вдруг звонок оттуда? А может и телетайпка даже, факс нарочным? Рассветной лошадей? Где хлеб-соль приличные, то есть съедобно-красивые найти? Чтoб свежевкусные! Пусть без сервелата, с медовухой российской. Или хотя бы с ситром, лишь бы с настоящим. А откуда Мисс наших сразу подать, чтобы не в почти декупальнике, если прищуриться, а во всем – и по сезону, без сумок-кошелоков, и чтоб не на уровне мировых стандартов, а чуть выше по поводу и без? Чтoб просто чудесная и девушка – не по конкурсу, а так, с величавой грацией и скромностью? Где все?

Да-а, не подготовлены. Уроки истории впрок прошли. Лишь бы сдать зачет – экзамен, лишь бы спихнуть!

Но лично я здесь ни при чем. Лично я, именно я, слежу за всеми стрелками, всегда. И двигаюсь. Плыву. Борюсь, чтоб с течением не бороться. А что? Зато никакой монотонности. Нагрузки из прямых сил по сопроматовским аксиомам в круги уходят и, значит, стрессы как рифы за бортом остаются. Нигде, я заметил, у меня ни ушиба, ни царапинки. Даже прыща-бдыщика не отыщешь. Поделюсь: чем меньше природу трогать, тем больше мы ей нравимся. Тем лучше она тебя же сбережет! Ясно? И эмоцировать не надо – все равно в нужную дверь вынесет. Если, конечно, не бурлить, не колошматить, не кляузничать наверх, не... понятно? Волна – сила великая, вокруг земельки-матюшки как вокруг юбки обкрутить сможет. До сих пор, правда, никакая наука не объяснила, что означает слово “волна”. Но многие уверены: это – хорошо. Это даже лучше, чем струя!

Спросишь: так ли?

Улыбнись снисходительно. Ого-го!.. меня и подкидывало, и бросало, и крутило-вертело, но я все-таки плыву. При любом ветре. Хоть надо мной, хоть сбоку. При всех “за” и всех “против”. Даже при всех-всех воздержавшихся. Несмотря на манифесты, пестициды, указы, комментарии, потяжелевшие услуги ГАИ, Минздрава и остальных. При любых магнитных бурях плыву и штормах по переню Гидрометцентра, при послелетнезимневесенней погоды. Плыву, плыву-у. Хоть не крейсер, не субмарина. Даже в кроссвордах меня нет. И на “Поле чудес”, хоть что давай, хоть подсказывай три буквы, меня не отгадают.

И ты не знаешь. Приза не хватает?

Ладно, не обижусь. Можешь мозги не ломать. Тем более, что в программах всеобщего среднего и не только его это знание не предусмотрено. Даже в высшей школе. Хотя общеизвестно.

Еще не...?

Так и быть: об-на-жа-юсь.

Но-мен-кла-ту-у-ра!.. Это я! Штука, поверь, непотопляемая. Где только не носило?!

Директором Дворца был как-то. Это ж тысячи-и!.. идут, идут! И всем-всем счастья подавай!.. Учитывая очереди на сочетание и темпы, поручили мне сразу и разводы оформлять. По совместительству, а что? Кандидатов-то можно сразу приметить. А салон общим для новобрачных и для этих, ну, что не протянут долго. Дешевле же и для государства будет, и статистика полная под рукой. Как на производстве, когда ОТК брак заранее известен. Это ж как дважды два. Почти всюду. Брак он везде и есть брак!

Выбил салон, выбил. Тяжело, но потянул. Ни-че-го! За красным бархатом в пятницы им под Мендельсона говорю, с шампанским. С любимыми не расставайтесь! Хотя бы в этом месяце!

Смотрю на них: кра-си-вые! Самому даже хочется. Но лучше не здесь, лучше на даче. Потому что побыть вдвоем у нас негде. Просто побыть. Чтoб насмотреться, пооткровенничать, отдохнуть, налюбоваться. Без перечня блюд в меню и цен, под милую песенку. Как когда-то с Юленькой, из восьмого “б”.

В понедельник по мужьям окольцованным молча вижу: нет, не то! Эх, поцелуй, тосты, подарки, звонки, телеграммы! Почему в сердцах наших селятся одни красавицы, а в квартирах совсем другие?

Насмотрелся на брачующихся, на бракованных. На совещании предлагаю: пора любовь тоже на хозрасчет перевести. Ту же аренду забыли? Иначе вообще не устоять. Это ж, какая аритмия для страны? Не-ет, только хозрасчет. Или лучше на арендный подряд все перестроить. Как фермы. Там же получалось!.. Хотят быть семьей – пжалста, оформляем контракт. Если такие богатенькие. Прожили, к примеру договорной срок, не

разбежались – прекрасно! Получите, пжалста, миленькие, чек с подпиской бесплатной на журнал “Здоровье” и “За рулем”, с приложением: ВА3-2109.

Ничего-о, да?

Дотянули до “серебрянки” – умницы! Возьмите, пжалста, талончик на 25 кг говядины, набор видеофильмов “Эмануэль” и оплаченные путевочки на двоих. Ему – в Забайкалье, маршрутом конным от Иркутска до Улан-Батор через Пекин. Ей – в Боржоми. Если возвратятся, столько впечатлений будет – на новый контракт хватит. Тем более что продление срока у нас со скидкой оформляется. Чем не стимул?

Ну, а если уж не сладили, не сумели количество и качество выдержать – извиняйте, господа супруги! Платите, уважаемые бывшие, неустойку! Виновная сторона рассчитывается пред пострадавшей в рублях и, разумеется, в кв. метрах, а перед обществом – лучше инвалютой. За нанесение ущерба. А как ты думал? Супружество, семья – слишком дорогой кирпичик в общем здании, чтоб давать рассыпаться каждой ячейке будто песку пересошему без хорошей глины. А за двумя подписями, с печатью гербовой и чтоб наложенным платежом – это уже стройконструкция, с арматурой и калькуляцией. Шкалу Рихтера всю выдержит, до предельного бала.

Вот тогда можно и госказак на детишек давать, чтоб знать, сколько и какого поколения ждаты, какие специальности нужны и как кормить такое расчетное поколение. И пенсию персональную тогда легче назначать – по действительным заслугам. От конкретного вклада в полезную наполненность нашего общего дома. И отказницы поменьше б сынов-дочек в приюты сдавали, когда штрафы да еще с пени оплачивать придется. За брак в браке, то есть за допущение повышенных расходов в государстве. Ну, за растрату!.. И СПИДа, глядишь, не надо было бы опасаться, если на СКВ расценить удовольствие и цену-у!..

Вообще, идеи были. И есть идеи. По сообразьям, кстати, референта ввел. Чтоб ритуалы наши тоже душевно, вежливо, с пением. Но без “господи”, а на самые широчайшие массы. С флагами, с нормами поведения и распорядка. И квитанции, чтоб собес мог оплатить или касса взаимопомощи. Если, конечно, свидетель есть и подтвердит.

Скажу, интересно с людьми работать! Не соскучишься. Но только втянулся – а меня на КаБЭО²⁸. На весь город с районом. Начальником. Да еще на такой самый сложный участок – сервисной похоронной заниматься, а что? Там и вправду трудно!.. Это родиться у нас и копейки не стоит, работка тыфу – силов не надо, а вот обратно – попробуй только помереть!.. Адовы заботы сразу горой наваяются. Ему-то чего? Замолк и лежи-полеживай себе, жди тихонечко, пока на погост свезут, а которые остались пока – им как? За что?

Поглядел, прикинул: уха-а-ас! Кому бегать, когда и где копать, чем засыпать? Сколько на стол выставлять, а что на закуску? Кого и куда развозить?.. Нет-нет, надо пойти навстречу. Все для людей!

Помыслил, пошкрябал себя и – пошел. Сам. Не стал указаний ждаты. По квартирам пошел. Даже по малосемейкам. Чтоб раньше знать. Кого, когда обслуживать и по какому тарифу они хотят. Хочешь для домашней видеотеки кассету на память иметь, чтоб прокручивать на досуге, посмотреть потом – пжалста, на “Панасоник” запишем. Со звуком, в цвете, с таймерными секундами – изображение будь спок!

Представил объемчики работы? Пришлось запись предварительную завести. Как к стоматологу или к терапевту по самой интимной части. Дорого, согласен, но зато с гарантией: никаких допхлопот родственникам и друзьям. Только жди срока. Привезем, переоденем, уложим, опустим, речь скажем. И нальем, сам понимаешь, помянем. Под любую музыку. В любом стиле. Усопшему профактиву и выдадимся – скидка. Хорошие проценты, поверь. Между прочим, и без очереди. Каждому десятому клиенту – бесплатный видеоклип и надгробие.

Через пару кварталов план по бытослугам вытащил из завала. Вырва-ал! И не только за район свой, а и за область. Республика звонит, просит: давай, ускорься!.. Кровь из носа, но дай!.. Да-ал. Получилось по 210, 13 процентов на душу населения. Звучит? Так что не боись, хватит всем. Досрочно, на съезном материале, кладбище новое ввели, свой ИВЦ построили. Теперь кладсправка – с автоответчиком, по модему. Закольцованы на

вычислительные машины почти на всю страну. Пока. До любой задрипанной Мушкетовки или Затюлянкино знать будем вовремя: дату, причину, вес, зарплату, наследство, что хотел покойный, размер тела и т.д.. Все механизировано – погрузчики, копальные и музыкальные автоматы, швейная фабрика – экспресс...

Но если по совести – вам не угодись. Стараешься, выбиваешь, доказательства ищешь, фонды – а ни спасибочки тебе, ни почтения. Эх, человеки-людки! Дефицит им всем подавай. А как его напасешься, если и вокруг дефицита тоже все сплошная редкость? А стоит сколько?

Однажды в общество странное заплыл. Только и слышу: ВОК да ВОК. Отчеты, вечера, обозрения издатпланов и добровольных взносов, а книг-то самих – нетуги! И мужиков чего-то не видать! Одна другая половина. Вот когда завоз приличный, тогда книголюбников – тьма, к прилавку не пробиться. И такие сразу дружные: по именам общаются, стеночкой, спинка в спинку, ручка в ручку – по несколько экземпляров хватя, хватя... Через час на магазинном крыльце или за углом все это уже по спаренному номиналу, как минимум, сбавивают... Думал, найду по сердечному интересу к Булгакову, Агате или Высоцкому – бесполезно!

Нашел я выход, отыскал. Раз вступил, говорю им, в общество, то голосуй – какого автора и сколько в тираж. Сам отпечатал литератор за свой счет, сам и продал. С выручки и доход, дивиденды. Писателю – имя, банкет маленько, а члену ВОК – его “Избранное”. Еще при жизни, с автографом. Вот это будет книжника любовь! Постраничная! А неживых авторов сразу в архивы можно поставлять. Кто вспомнит – запросит по абонементу. Себе самому я томики сделал, немного. Полное собрание всемирной сегодняшней литературы хотел – не успел. Теперь знаю: библиотека жизни – это сплошные альбомы жалоб, а не книги. Еле отписался!

Потом на культуру перевели. Учили мои интересы.

Что там творится, я не знал. “Да” или “Нет” на кино и точку зрения. Без матушки ни с кем ничего интеллигентно не решить. Нужны только сплошные премьеры. Пробивай именно эти гастроли, а билеты во столько-то и не меньше. зачем столько моделей театра? Давай кадры повкуснее, чтоб и после 16-ти в дрожь кидало, чтоб музыка только в киловаттах, этика в центнерах, а живопись и графика должны перейти в лабиринты авангардистских проблем. Американская аэробика охватила даже младенцев, кинопрокат ухватился за игровые автоматы и коньяк на разлив – везде охват, счет на миллионы посетителей и сотни наименований, а человек ближе к человеку не становится.

Задумался, повертелся. Билеты, президиумы, афиши, портнихи, творческие ужины, по четвергам плюс с сауной, нечетные телефоны для неформальных встреч, звать только, если спросят Жанну Иванову...

Чувствую, надорвался, уставать начал. Все хотят что-то улучшить, но пусть делают другие. Давно пора улучшить материальное положение, да и служебное тоже. Этому подчиняться не хотят, здесь слишком много работы и мало прав, там кричат без согласования “ура” и подписывают коллективный протест. В институте сорвали диспут-шоу о поэтике нашего быта... О-о, культработнички ножа и топора!.. Душу вашу... мать!

А кое-что было ведь, было! На этом диспуте округлившись доцент с кафедры электроприводов в пять с половиной минут под хэви-металл связал на самодельном станке оригинал-колготки, потом накрыл стол для дня рождения предпрофкома, сочинив одновременно программу для новенькой операторши ЭВМ. Через день на всех дисплеях в городе компьютеры выдавали лихую охранную частушку: “Не виляйте, девки, задом. СПИД не спит – он ходит рядом”.

Инспектор из облупра хмуро переспросил фамилию сочинителя, записал в блокнот. Мда-а, что-то из неологизма. Но сейчас Сэры и Миссы поэты не модны. Нужны просто миссы... Советую побольше об искусстве читать!

Я-то причем? Я не спорил. Когда читать? То фестиваль, то смотр, то дискотека. То сауна, то Леночка задергала и все по новым адресам... Попробуй успей! Оказывается, поп-рок уже давно должен был отойти, но задерживается. Рекомендована симфоническая эстрада на народных инструментах. О-о, боже! Кто-то из культурников наших не дождался, пока пройдет переориентировка в творческих коллективах, а доложить ведь лучше своевременно – и волна моя нырнула!

²⁸ Комбинат бытового обслуживания.

Стал я руководить в ПАТПе. У автотранспортников, значит. Нормально, ничего. Если б только не расписание по секундам, если б не запчасти. И если б не план по пассажиротоннокилометрам. Где их набрать, когда ты вошел в автобус, а у рядом едущего пассажира лишнего талона нет, а если и есть, он все равно не продает согласно объявления в салоне? Кто будет ехать до конечной, чтобы купить у водителя именно по 10 штук, и чтоб без сдачи? И почему “зайцев” становится все больше и больше?

Покатался на “волге” по городу, помыслил: варианты, как всегда, есть. И, знаешь, какой выбрал? Кольцо вокруг города! А что? остановок всего две. Здесь и там. Сели все, двери закрыли – обилегились, проверились, поехали. Оттуда – на маршрутных такси. В каждый район, к основным магазинам – свои номера. Людям хорошо, нам – выгода. Исправность парка выросла, таксисты – ликуют. Всем выгодно. Даже концертное обслуживание поставил на линии! Это уже по привычке о культуре заботиться. Автобус идет на ЖЭДэ вокзал – будьте добры послушать популярные песни и миниатюры об Аэрофлоте, плохой погоде и неоткрытых островах, где учат летать самолеты. К рынку едем – южный цикл даем, побольше темперамента и разнообразия. Эх, Тома, Тома-а – она так пела! Тома-Томо-оч-ка-а!

Уловил? Идей у меня нескончаемо. Я не сплю как многие. Всем повторяю без устали, что нас спасет искусство. Только оно не знает разрушения. Надо только не забывать о замене, о вариантах. Эх, люди-человеки!.. А какую лекцию Олечка из техотдела провела на маршруте? В городе он самый-самый длинный, так мы приучили постоянных клиентов на неделю расписывать, что желают послушать. Освоили неопубликованного Пастернака, есенинскую лирику вспомнили, даже Некрасовские поэмы. От специалистов знаю, что не читать ведь, некогда, да и душа твоя никому не нужна, а у нас такой ликбез чистейшую прибыль гонит. Концерты по заявкам, справки о наличии товаров, предзаказы... Есть мнение развивать эти формы и дальше. Параллельно по наиболее выгодным маршрутам пускаем супер-экспрессы: с химчисткой, стрижкой, службой знакомств, барами... Да, еще и мелкий ремонт одежды-обуви запускаем. Все для людей! Каждый десятый рейс своей клиентуре – без контролера!

Но волна покоя не терпит. Взмыла – я в Аэрофлоте. Золотые пуговицы на синей воде. Кругом командиры, начальники, старшие... Спрашиваю на проходной у вахтера: “Как к главному инженеру добраться?” Он видит, что я не их. С хитрецой мне: “А к какому же главному?” Удивился я. “Неужели их столько, что и выбирать нужно?” Вахтер пожалел: “У нас всякие есть. Главных штук пять, кажись... Какой нужен, решай сам, мил человек!.. По связи, по трубам, по машинам или по... этим по вертосамам?.. По вертомошолетам!.. А может, и не главный нужен, а старший?” Удивился я еще более. Попробовал на ближайшем разборе – утыскал. “Да, ответили, о вас звонили. Рекомендовали. Да, горим без главного по проблемам. Вникайте, предлагайте. Такой вот оклад устроит?” Я согласился удивленно. Но, добавили: “Обговорите только предварительно со всеми. Ваше мнение заслушаем, через правого или левого замглавного доведете до командира. Не больше 3-х страниц. Как он скажет, как подпишет – тогда ко мне, помогу протолкнуть. А пока до завтра распишите программу прогресса до 2222 года. Ну, в общем, в духе сегодняшней пере... чтоб рыночек, чартерные рейсики, социология, на компьютеры не размахивайтесь, а замкоммерцпрогноз ввести не забудьте... Договорились?” К шести утра расписал. Но как только на ближайшем разборе – у них так разговоры называются, в отличие от мафиозных разборок – завели обсуждение о накопившихся проблемах и перекошенных реакциях, волна подошла снова. Пришел сверху приказ снова заменить вывески, срочно переименоваться в транскомпанию, назначить в течение суток вместо всех главных гендиректоров по каждой нерешенной проблеме. Так что, вышло нехорошо, волна со спины подошла, а я еще не был подготовлен. Вынужден был уйти на глубину. Вынырнул в спецколледже. Директором.

Вот тут-то и досталось, да-а! До сих пор помню, как дыхания не хватало. Во-первых, расстался со Светкой – стюардессой. Во-вторых, ревизию всей книжке записной сделал. Пришлось и перебежки делать, и засады, и английский подучить. Тонечка это, Тонечка!.. Молось! Но кто все-таки выручил, знаешь? Опять же древняя мудрость: спорт! Тонечка разогналась, написала диплом, да такой высоты, что и олимпийцы поперхнулись бы!.. А как и что она со мной вытворяла?.. О-о!

После нее я оказался в издательстве. Замредом. Могу стереть, отрезать, доклеить, промолчать, не заметить. Научили: самое важное: изложить суть проблемы вовремя, потрогать ее. Чтоб другим в зрачки бросилось, что это ты. А решать – то ж совсем другое. И не твое. Как обычно, для этого есть рабочий порядок.

Теперь представляешь, сколько должностей пережил? Но зато чувствую, что могу. Могу, поверь, все-все.

Вот, рассказываю, а сам спрашиваю себя: чем судьба моя не “очевидное-невероятное”? Такую качку вынести! Не нужны мне ни горы, ни долины – сверху и внизу слишком заметно. А посередке – хочешь не хочешь, а не отстанешь, не нарвешься. Значит, прожить можно.

Экран голубой смотрю. Новости поглядываю. Да, реформы назрели. Но не соображу до сих пор одно: почему времена те, наши, периодом застойным обозвали? Ведь тысячи таких как я швыряло. И мы, не глядя, шли вперед, лезли. Только вперед. Упрямо. Куда звали. И каждый делал то, что было можно. Поднимать скажут – поднимали. Догоняли. Засеять до первого – засевали. В полночь, с боем за каждую минутку до курантов, но до первого же! 31-го декабря могли запустить, взлететь, нажать – так на год целый ведь быстрее их!

А сейчас что?

Слов, ого-го, патронов сколько потратили, а где реформы-то? Где дела? Куда законы спрятались? Раз медленно выходит, приказом надо, при-ка-зом!.. Чтоб всюду отменить школу старых администраторов! Чтоб вкруговую творчески, по-рыночному, по-хозяйски! А, может, мне совхоз зашвартовать? Задачи поставлены, силенки есть. Я бы и со скотинкой по-людски, навстречу ей пошел бы. Раз выжила до сих пор и от зерна, и от разнотравья, от отходов разных, при витаминных комплексах, и еще просит – значит, процесс пошел. Идет процесс! Выживем! Найдем спосора, и выберемся! В Европу прорвемся, за океан!

Насчет того застоя – непонятно все-таки. И тогда, и теперь – мы в борьбе. Покой нам только снится. И не боимся мы перепадов давления и сдвигов ветра. НМК²⁹-тура не тонет, потому что гребет под себя. Не горит. Не рассыпается от стихии. Никто ведь до сих пор точно и не знает, что ОНА ЕСТЬ ТАКОЕ, но почему-то многие убеждены: волна – хорошо. Это прекрасно. Лучше чем струя. Для нее можно краник закрыть, прикрутить – и пшик струйке-то! А волну остановить – попробуйте. Одна дамба во что обойдется, а ее ведь и рассчитать надо, и материалы подобрать, и специалисты нужны, и испытать необходимо на прочность сделанное...

Так что волна – это силище!

Нас – не осилить.

Пусть волна и живет. Лично я – “за”! Лишь бы президентским указом на волну налог не ввели. Или талоны. А остальное все – переживем. Не такое бывало. При нашей-то тренировке!

В КАКОМ РАЗВОДЕ МЫ НУЖДАЕМСЯ?

В передаче участвуют:

Марианна Неустроева – заведомом личжизни молодежной редакции;

Гервасий Сажин – демограф-любитель, свободный член комитета почти совсем независимого профсоюза авиаработников;

Оля Галина – “Мисс-Школа” – 90, 91 и 92;

Супруги Терпеевы – так попросили представить их А. и Б. Дуэтов, ком. и техдиректоры товарищества с ограниченной ответственностью ТОО “Русс-Кварчо-Бра и К”;

Лайза Фенечкина – длинноногая, одинокая, элегантная, коммуникабельная, отзывчивая, высокая брюнетка, любовница-профи (адрес в редакции);

Жорж Хоренович Усехахин – жовиальный, обаятельный авиаинженер, жених I категории с 1960 г., 57-157-57, аб. № У-13013.

Марианна Неустроева. Дамы, господа и... остальные телезрители, здравствуйте! Тема сегодняшней передачи – развод. Проблема назревшая, тревожащая общество. Какой же развод необходим сегодня? Мы собрались в студии поговорить об этом и помочь тем женам и мужьям, чье оформленное супружество имеет укороченный период полураспада. То есть 30 суток. Или менее. Конечно, важно знать: как, почему и зачем долго живут другие семьи. Но из-за лимита времени – а мы в прямом эфире – главное успеть выяснить сейчас, есть ли там любовь. Осталась ли какая и вообще что же там есть? Каждому уже в детях известно из многочисленных передач ТиВи, да и Радио № 1, что люди создают семью, в основном, только потому – и это подтверждают соцопросы, хит-парады, ночные клубы, всякие шопы и шоу, а также многое другое – что вдвоем, говорят, легче переносить невзгоды непонятно задемократизировавшейся жизни, которые появляются часто оттого, будто их вместе проще победить. Если проще, то прокормиться вдвоем дешевле, чем каждому, даже если всего по разу кушать. А уж про любовные потребности и говорить нечего... Так это или не так, но согласитесь – мало дать шанс на счастье, надо же и объяснить, как им воспользоваться. Не столь уж важно, что за перестройка произошла в наших семьях. Важнее – в каких реформах она нуждается. Как только подпишутся новые Указы, мы поговорим о них и задуманных преобразованиях бывших, настоящих и будущих ячеек. Главнейшее, повторяю, выяснить – есть ли в семьях и где осталась, куда делась любовь? Та еще любовь, помните?.. Итак, все согласны. Начинаем...

Супруги Терпеевы. Да, мы согласны. Все абсолютно верно. Надо смелее ваучеры вкладывать...

Рекламная вставка. Как, вы еще не успели побывать на Майями? Позвоните, и ваши проблемы станут нашими. Всего за 413 долларов и 0,5 кг рублей.

Гервасий Сажин. Хочу выразить мнение нашего трудового коллектива. На днях сосед по бригадной раздевалке... разбежался со своей. Заявили, что характеры разноразные. Хочу так, а она – желаю не так. А вчера начальник цеха нашего освободился... от половины, неделю теперь отмечать будет. Сказал, между прочим, честно: характеры схожи, но зарплатой своей и должностью женка давит ого-го! Делай только по ее, финотчетность чтоб тютелька в тютельку – и никаких поправок! То есть все не так. А не так – все! С утра до утра. Сегодня, к примеру, собираюсь сюда, забежал, между прочим, на работу. Ни одного женатого в цеху не осталось, не выдать. Все – на ходу. Я лично считаю, что нужно экономить время жизни и быть однолюбам. Сам покрутился, сам получил, поел, душ сам принял, подушку прижал – никакой СПИД не страшен. И, между прочим, никакого конфликта интересов!

Марианна Неустроева. По-моему, пришла пора поставить вопрос ребром. Учитывая массовость явления, назрел красочный, свежий ритуал развода. Это должен быть очеловеченный, запоминающийся навсегда, очищенный от всякой политики, ка-а-си-вый обрядовый процесс. Об этом спрашивают, предлагают, настаивают сотни, тысячи писем, непрекращающиеся телефонные звонки, телексы и факсы со всех концов ЭСЭНГе. И не только.

Супруги Терпеевы. Да, верно Мы очень согласны. Маркетинг нужен, и наше ТОО подбирает сейчас помощников себе... с учетом пола, образования...

Марианна Неустроева. Думаю, что так думают многие молодые предприниматели. Именно среди них проблема может найти спонсора для разрешения, верно?

Супруги Терпеевы. Мы, конечно, согласны. Благоденствие – это хорошо. Но есть коммерческая тайна...

Марианна Неустроева. И отлично. Так же как для сочетания браком, поспела необходимость выработать... вырастить буквально новый обряд, отвечающий потребностям – подчеркну: неудовлетворенным потребностям! – нашего непонятного во многом времени. Я уже вижу кое-что. Это лотто-раздел оставшегося имущества, контрприватизация, визовый обмен биографий и паспортов... Наконец, фирменный, по мировым стандартам, антимедовый сервис в течение оплаченного периода в любой точке земного шара, куда, разумеется, позволит вам добраться валютный курс рублевого пространства и... собственный карман.

Рекламная вставка. Как, вы еще не успели побывать на Майями? Позвоните, и ваши проблемы станут нашими. Всего за 413 долларов и 0,5, простите, уже 0,75 кг рублей.

Жорж Хоренович Успевахин. (вздрыгнул, приоткрыв глаза). Чего на Майями-то переться?.. Что, сексу здесь не хватает или есть лишние гроши?.. Несколько дней-то продержаться – вон сколько абонентов ищут чего-то в любой газете!.. Эх, салаболки, объявление о себе не могут написать телкам... о-ой, толком...

Гервасий Сажин. А что пресса навязывает? Если верить службе знакомств, то надо как можно быстрее браковаться, пока не разлюбили друг дружку снова, также? А тетка богатая – история чему учит? Есть, оказывается, между прочим, и плюсовая статистика. Разумеется, отрицательного немало. Да и чему может научить брак? Брак он и есть брак, поэтому потери надо считать, нормировать и системно, комплексно, влиять, с наукой. Мы у себя, на производстве, к примеру, семейное объединение трудоголашением подкрепляем, со страхованием. За 250% годовых – это ж, между прочим, подумать можно: стоит ли?.. А на последней конференции мы решили, что причин для развода СЭНЭГэ, то есть содружества независимых господ – выходит, что мало содружества тех же трех букв – может быть только пять. Всего пять! Утвердили их тайным голосованием, и живем. Все остальные причины – не оплачивать! Я, к примеру, полюбил жену еще когда, полюбил первым чистым взглядом, безо всяких процентов и договоров, а теперь вот, через 36 годов, присматриваюсь к ней поближе, изучаю, ситуационные цифры разных знаков обмозговываю... Все ж 250% годовых!.. Это что, не факт, между прочим, для научного интереса?.. А теперь секса обнаружили! И где?.. А как же раньше, где раньше-то были, да еще с таким вирусом?

Жорж Хоренович Успевахин. Вы за это не лапайте!.. Нужна все же подготовка. Хотя бы элементарная, среднешкольная... раз киновидео не хватает!

Марианна Неустроева. Интересный ход!.. Но вернемся к причинам. Дайте их крупным планом!

Рекламная вставка. Фирма эротических услуг “Десерт” предлагает все. Высокий уровень общения в сауне-люкс. Апартаменты. Продолжаем набор эффектных девушек. Телефон (095) 212-13-14, – Господа миллионеры! Если у вас не пропало еще желание и вы готовы поделиться им с молодыми, раскованными прелестницами – лауреатами конкурсов красоты, звоните. В их обществе для вас незабываемое, сказочное впечатление в любое время суток. Телефон (095) 159-65-33. Милые дамы! преуспевающий бизнесмен 34-187 будет рад любовнице (желательно замужней). Есть собака для аристократов – не пахнет, не линяет, украсит и защитит. Отличный подарок Даме до завтрака! И так керри-блю-терьер. Телефон (095) 113-00-00.

Гервасий Сажин. А как же мои... мнения трудового коллектива? Ку-у-да?

Марианна Неустроева. Не волнуйтесь. Таймер знает свое дело – через пару секунд мы снова будем в прямом эфире... Ваши причины – для всех! Смотрите, думайте, учитесь – может быть, для кого-то эти причины окажутся спасительным кругом...

Крупным планом на экране. ...постановили считать:

1. Низкую способность к социальной адаптации и недостаточную приспособляемость,
2. Плохое понимание партнера и нетерпимость к его поведению,
3. Нежелание переносить трудности,
4. Чрезмерную властность одного из партнеров,
5. Несовместимость (сексуальную).

Супруги Терпеевы. Правильно, правильно!.. Мы согласны без референдума.

Жорж Хоренович Успевахин. Конечно, чего спорить-то? без секса хана. Постель – это могила, если без этого... без, ну вы понимаете...

Гервасий Сажин. (улыбаясь) Я, если с женой не посплю, легко простужаюсь. Это в частности, а так... плохо без этого. Научная практика, между прочим, подтверждает...

Марианна Неустроева. О-о! Я и не ожидала, что у нас так много и в провинции людей, активно занимающихся демографией... Это уже не любительство! Это – действительно знания, это опыт, это серьезное просветительское общение...

Супруги Терпеевы. Да, верно. Мы согласны. Умая голова – большая редкость. Особенно если с умными делами...

Рекламная вставка. Супружеская пара осуществит любые фантазии вместе с вами. Телефон (095) 222-33-66.

Москвич 27-173 приглашает Даму, лучше замужнюю, нуждающуюся в куннилингусе, эротическом и приборном массаже. Условия для встреч имеются, тайность и корректность отношений гарантируется. Адрес – в редакции.

Марианна Неустроева. Да-да, адреса у нас есть... Пока спасибо мужчинам... Они успешно провели разминку и, я думаю, пора теперь послушать прекрасную часть “круглого стола”.

Оля Галина. А есть ли где-нибудь у нас сегодня Ромео и Джульетта? Какие они?.. Неужели уже нет?

Марианна Неустроева. Наконец-то мы вернулись к изначальному – к любви... Наверное, она еще все-таки где-то какая-то есть. Ведь развода нет все проценты семей, верно?

Лайза Фенечкина. Вы знаете, мужчины почему-то не способны так любить, как мы... Собственно, я знаю точно – не могут. Не у-ме-ют, не хо-тя-ят уметь! Этим мерзавцам, подонкам, скотинам нужно, как минимум, только третья женщина, чтобы они хоть как-то зашевелились...

Жорж Хоренович Успевахин. О-о! Почему именно три? И зачем только три? Иногда с одной тоска-а... Одной ноль пять беленькой бывает мало, а шатенка или блондинка – уже много бывает! (*Вздыхнул*). Но мне дамы и полудамы гонорар в конвертике кладут всегда. Женщина все равно остается женщиной. Я для них и психотерапевт, и этот, как его, сексодром, и просто нормальный мужчина... Но бывает все же тоскливо, одиноко, когда одно и то же...

Оля Галина. Боже мой, неужели нельзя потерпеть и не перебивать? Вы же ин-же-не-ер! Если вам страшно одиночество, не надо вообще жениться!

Супруги Терпеевы. А мы все равно не верим таким... таким профессионалкам!

Лайза Фенечкина. И зря! Я вообще предлагаю официально легализовать наше звание. Это как раз и есть та третья женщина, которая считает мужика, например, вашего супруга, МУЖЧИНОЙ. Иногда. Хоть разок. После матери и жены... И надо государству подумать, взвесить. Ведь института-университета супружеского нету до сих пор. Даже в колледжах программ не предусмотрено. А недурно было бы иметь факультеты супругов, отделения любовников и прости... ну, это особая специальность, краснофонаршиц, тут нужно осторожно!.. Хотя чего бояться – даже академики, президенты, нардепы, послы – что, им хватает?.. Будет любовница признана законодательно – и мы спасем семьи! Да! Все мужья в душе одиноки, мучаются, повязаны... Кстати, я убедилась еще кое в чем и вношу как предложение: мы первые должны бросать их!.. И еще полминуты, можно?.. Сегодня следует признать – они за все годы наломали столько палочек, даже не дров, что пришла пора отдать всю власть нам. Во всем! Всю! От конституционного совещания до командования полками ВВС и ОМОНОм.

Рекламная вставка. Очаровательная девушка без комплексов составит компанию состоятельным господам во всякое время дня и ночи. Телефон (095) 178-44-57. Развлечение, любовь и нежность мужчинам и женщинам высокого достатка. Все виды массажа снимут напряжение вашего тела. А/я 206. Юная стюардесса, ласковая и темпераментная, предлагает господам незабываемый отдых. Маршруты по СНГ не предлагать. Телефон (095) 667-87-49.

Марианна Неустроева. Вот мы и подошли к правовой стороне брака. Формула суверенного положения супругов уже давно апробирована в цивилизованных странах. Мы только вступаем на этот путь. И я верю, что мы доживем до принципиально новой конституции семьи, где, наконец, будут признаны контрактные права и обязанности мужа, жены, тещи, тестя, любовника и любовницы. Да, еще и отца-матери. Семья должна стать государственным бизнесом. И все высказанное здесь будет учтено согласительной комиссией, а значит, будет единое, общее любовно-экономически-воспитательное пространство... И для любви найдется все же место, верно? Лучший способ бороться с разводами – это дать возможность браку исчерпать себя...

Супруги Терпеевы. Правильно, правильно. Мы – за!.. Только не надо забывать и коммерческую тайну...

Марианна Неустроева. Верно, друзья! Это существенная поправка, спасибо! Но не забывайте и про основную нить нашей беседы...

Оля Галина. Предлагаю чаще давать слово молодым, новому в нашей жизни. Например, бизнес фемочкам³⁰. Пускай они откровеннее поделятся своим опытом. Больше прозы, деталей, и ващ-ще!..

Лайза Фенечкина. Я не испытываю ненависти к супружеству. Просто теперь мне жаль или его, или ее. Чаще обоих. Кто-то здесь правильно подчеркнул, что семья схожа с бизнесом. Это крутой бизнес. В счет идет не только зарплата, но и все-все остальное... У меня позади три замужества, два развода, депрессия, поднятие детей – и новое счастье... “Любовница” – ведь прекраснейшее, вслушайтесь, слово. Не то, что супруга или жена!.. Я, именно я люблю его. Именно я не пилю его за то, что не так, не то, не там, не тогда... Я довольна. Способность вместе соперничать, а потом обмениваться впечатлениями, занимает меня больше, чем борьба с его характером. А ему – я же вижу – важен каждый мой жест, каждое мое словечко, каждый взглядик, каждое подвигение к нему... Это жене не понять! Именно я, именно мы, любовницы, истинные женщины, мы – ад и рай, мы – чистая вода, мы – жаркий пламень... после нас вы не сможете вернуться назад, вы... утонете в водовороте страсти... Но хоть наплавайтесь вдосталь! А если короче, мне тоже хочется быть красивой и счастливой, то есть альтернативно доставлять мужчине удовольствие и заботиться о нем. Но он тоже должен быть ласков, нежен и должен заботиться обо мне – в своих чувствах нам нужно быть равными. Это и есть дорога брака к счастью...

Жорж Хоренович Успевахин. И в постели?

Лайза Фенечкина. Разумеется. Тут вообще необходимо здоровое соперничество, в смысле – соревнование...

Гervasий Сажин. Между прочим, американка – ученая... как ее... Фишер Хелен доказала, что в каждом из нас гены предрасположены самой природой к смене... ну, этого... партнера... по сексу, то есть супруга через четыре года совместной жизни... Представляете? Каждые четыре года!.. Это закон, тут надо подумать и учесть в конституции семьи!.. Мы у себя вынесем решение, а потом я вышлю материалы, хорошо?

Марианна Неустроева. И снова зазвучали, засверкали оттенки мыслей о любви. Наверное, уже и хватит о китах брака...

Рекламная вставка. Как, вы еще не успели побывать на Майями? Позвоните, и ваши проблемы станут нашими. Всего за 413 долларов и 1 кг рублей.

Оля Галина. Про китов мы разве говорили?

Марианна Неустроева. Это я так, извините, образно. Обычно под брачными китами понимали обеденный стол, кошелек и ложе. Конечно, это слишком образно!

Жорж Хоренович Успевахин. Скажите, а почему женатые мужчины больше остальных любят стриптиз? Вроде и жена дома есть, а? Почему они и за пубдома?.. Ну, дома для свиданий...

Гervasий Сажин. Тут спешить с выводами не стоит... надо посоветоваться, посчитать – у нас мужики на производстве с бухты, между прочим, с барахты ничего не станут делать... и никуда так просто не пойдут... Опять же природу вспомнить не мешает. Обыкновенно, между прочим, ищут то, что уже знают, что знакомо...

Марианна Неустроева. А все-таки? Вопрос прозвучал как? Ваше отношение к обнаженной натуре, и выходит опять же – к женщине... Кто смелый?

Гervasий Сажин. Так давайте опять я. Наши увидят на экране все равно – это как на собрании... Меня, как стажевого, с большим опытом, уже не очень интересуют фотографии и фокусы всякие там с освещением, с формами... Обнаженная натура, между прочим, должна выражать то, чем в действительности является нагая женщина...

Рекламная вставка. Вас ждут в центре “Андролог Плюс”, где поможем справиться вам и вашей партнерше от половой слабости и других проблем в интимной сфере. Вы сами подберете курс нужного лечения: вакуум-эрекцию, виброрассаж, интраутон, иглотерапию, йогу, экстрасенса, контрацепцию и так далее. Адрес: Москва, М “Коломенская”, ул. Высокая, 2. Телефон (095) 118-93-85. Юная стюардесса, ласковая и темпераментная, предлагает господам незабываемый отдых. В летний период предпочитает юго-восточное направление. Телефон (095) 667-87-49.

Гервасий Сажин. ...Показать только красивую форму – нет. Этим бы мы женщину обидели, принизили. Я никогда не решился бы, между прочим, сводить человека – и тем менее женщину – к внешней форме. Грудь и бедра, между прочим, так же неотделимы от нее, как лицо и руки... И в наготе, в голости, хочется видеть, высмотреть естественное, и прежде всего, своим вызовом... и конечно... этим, как его... сексом. Голая без секса – по-моему, я лично так думаю, бессмысленна...

Жорж Хоренович Успевахин. Урр-а-а!.. (*аплодирует стоя*).

Оля Галина. Надо же все-таки быть интеллектуалом!.. Обнажение натуры есть прежде всего ис-ку-сст-во-о!

Гервасий Сажин. Я не кончил еще... Может быть, это безнравственно немного, даже грех... но это правда. Правды редко кто любит... И главное, головка остается на своем месте, ведь и она тоже часть женского тела...

Супруги Терпеевы. Все правильно. Мы тоже – за. Ничего нельзя упускать.

Марианна Неустроева. Ну что ж, давайте подведем наши итоги. Очень, поверьте, очень-очень жаль завершать такую полемику. Разговор, как мы уже увидели, получился. Мнения его участников не совпали. Собственно говоря, это и нормально. Значит, в браке, в семьях есть что-то такое, из-за чего брак не прекращается, как ни мучаются с ним в преддверии 21-го века. Мы верим, что приближается свежая генерация жен и мужей, которая способна поднять брак на новый уровень качества. Мы

надеемся, что к нам вскоре подключатся, напишут, пришлют телеграммы новые, более широкие круги кандидатов в разводящиеся, поделятся переосмысленным опытом отдышавшиеся, отошедшие от супружества. Итак, повторим наш вопрос: “Какой развод нам необходим?” Всем, всем спасибо!..

Рекламная вставка. Стиморол – неповторимый устойчивый вкус! Экзотический пивной тур в Прагу на дегустацию знаменитых сортов пива (5 дней, стоимость 250 долларов без учета билетов). Телефон (095) 112-22-97. Спешите на шоп-тур в Сингапур. Купание в море, диковинные фрукты и штучки, 3-х звездный отель на 5 дней – и всего за 220 долларов ну и 1,5 кг рублей. Без обратного билета – скидка на весь вес рублей.

Крупным планом на экране: улыбающиеся Марианна Неустроева, Гервасий Сажин, Оля Галина, супруги Терпеевы, Лайза Фенечкина, Жорж Хоренович Успевахин, работники студии.

Текст. Передача подготовлена молодежной редакцией ТВ по инициативе Би-Би-Си. Спонсор передачи – ИНТЕРЗАГСБАНК... Москва, центр, А-310, а/я 666. Ждем ваших писем, дамы и господа!

* * *

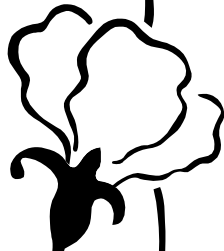
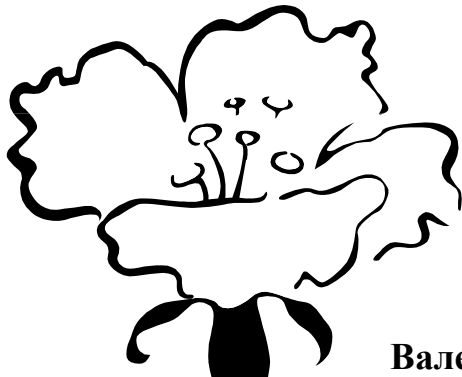
Иронически посмотрел передачу В. Жуков.

ПЕРСОНАЛИИ

ЖУКОВ Валерий Николаевич

Родился в 1944 году в Хабаровском крае в семье боевого летчика. Выпускник Харьковского авиационного института и Литературного института им. М.Горького. Его статьи, очерки, повести и рассказы публиковались в журналах “Север”, “Советский воин”, “Гражданская авиация”, “Войвыв кодзув”, “Ухта литературная”, российском альманахе “Ли́ра”, в коллективных сборниках Коми книжного издательства, центральных и республиканских газетах. Участник Всесоюзного совещания писателей Армии и Флота. В Ухте с 1968 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий ЖУКОВ
ДИАГНОСТИКА ЖИЗНИ

стр.

(РАССКАЗЫ)

Свадьба с приданым в у.е.	1
Ноктюрн	5
Остановка на зеленый свет	9
Рубеж возврата	13
Ведущий	18
Фомич	25
Семь минут	26
Часы с незабытой мелодией	27
Вызов	30
Вздоргнем, люди!	32
Чокнутый	33
Валька, валька...	34
Как живется, Владик?	37
Заявление	40

(ФЕЛЬЕТОНЫ)

Страшно. Обидно. Грустно.	41
Не потерять бы силу крыльев	44
Покой нам только снится	45
В каком разводе мы нуждаемся?	48

ПЕРСОНАЛИИ

51 стр.

Иллюстрации автора

Литературно-критический журнал “Ухта литературная”

Редакционная коллегия:

Алексей Мильков	тел.	6-17-34
Игорь Терновский		6-12-46
Валерий Жуков		4-52-95
Тамара Новикова		5-17-70

Номер издан на личные средства
Редколлегии журнала “Ухта литературная”